

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

№ 2 (18)

SOCIETIES, LAW, STATEHOOD: RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published, in scientific specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (Juridical Sciences) should be published.

12+

© Уфимский юридический институт МВД России
ISSN 2949-0979

Уфа – 2024

Об издании – [2](#), [5](#)

Главный редактор:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Заместитель главного редактора:

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, Заслуженный работник образования Республики Башкортостан, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Аксенов Сергей Геннадьевич – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Башкортостан, Почетный сотрудник МВД России, заведующий кафедрой пожарной безопасности Уфимского университета науки и технологий.

Бельский Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Бондаренко Юлия Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Бурханова Флюра Булатовна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Гайдай Мария Константиновна – доктор социологических наук, доцент, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Востоčno-Сибирского института МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Гусманов Искандер Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Уфимский филиал).

Гусманов Расул Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета.

Даллакян Карлен Ашотович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Денисова Любовь Владиленовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе).

Дивасва Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по научной работе).

Егорышев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник Института социально-гуманитарных исследований и энциклопедистики.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор Российской академии наук, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, директор Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник

ник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кубякин Евгений Олегович – доктор социологических наук, доцент, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Кудряшев Александр Федорович – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Колин Константин Константинович – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, проректор по образовательной деятельности Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Небрятенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Низамов Садык Сабинович – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Сальников Евгений Вячеславович – доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Субхангулов Рустем Раисович – кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Сухоплюев Павел Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Хабибуллина Зияя Наилевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Янбухтин Раиль Маратович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Эл. № ФС77-84275 от 8 декабря 2022 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 79094.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор: А. В. Селиверстова, техническая верстка: А. В. Селиверстова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(с пометкой: «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 21.06.2024. Дата выхода в свет: 28.06.2024

Электрон. текстовые дан. 702 МВ (1,6 МВ). 1 электрон. опт. диск (CD-R). Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система

Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше.

Загл. с экрана. Тираж 10 экз. Заказ № 49. Цена свободная.

Editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in reasearch work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Aksenov Sergey Gennadievich – Doctor of Economics, Candidate of Law, Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Fire Safety of Ufa University of Science and Technology.

Belsky Vitaly Yurievich – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Bondarenko Yulia Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Burkhanova Flyura Bulatovna – Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Gaidai Maria Konstantinovna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Gusmanov Iskander Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Finance and Credit of Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa branch).

Gusmanov Rasul Uzbekovich – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management of the Bashkir State Agrarian University.

Dallakyan Karlen Ashotovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of

Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Denisova Lyubov Vladilenovna – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for educational work).

Divavaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (for scientific work).

Egoryshev Sergey Vasilyevich – Doctor of Sociology, Professor, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of Institute for Social and Humanitarian Research and Encyclopedic Studies.

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Director of the Institute of Ethnological Studies named after R. G. Kuzeev of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Kolin Konstantin Konstantinovich – Doctor of Engineering, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute for Informatics Problems of the Federal Research Center “Informatics and Control” of the Russian Academy of Sciences.

Kubyakin Evgeniy Olegovich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Honorary Worker of the Education Sphere of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudryashev Alexander Fedorovich – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Ufa University of Science and Technology.

Latypov Vadim Sagityanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Vice-Rector for Educational Activities of Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizamov Sadyk Sabirovich – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for the Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Salnikov Evgeniy Vyacheslavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Social and Philosophical Disciplines of Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Subkhangulov Rustem Raisovich – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Management in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Sukhoplyuev Pavel Alexandrovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khabibullina Zilya Nailovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Investigative Activities of the Internal Affairs

Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of

Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yanbukhtin Rail Maratovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

El. No FS77-84275 dated December 8, 2022.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 79094.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

Literary editors: A. V. Seliverstova, technical layout by A. V. Seliverstova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(marked: «Society, law, statehood: retrospective and perspective»).

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 21.06.2024. Release date: 28.06.2024.

Electronic text data 702 MB (1,6 MB). 1 electronic optical disk (CD-R). System requirements: IBM PC, 1 GHz; 512 mb RAM; 3 mb RAM; CD/DVD-ROM drive; operating system

Windows XP and above; Adobe Reader 8.0 and above.

Title from the screen. Circulation 10 copies. Order no. 49. The price is free.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Мухаметов П. А., Ахметова А. Т. Право и оформление абсолютной монархии в России в XVIII в. 10

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Низамова Г. Г. Совершенствование профилактики административных правонарушений среди несовершеннолетних граждан 19

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Исмаилов Д. А., Савельева О. Ю. Особенности квалификации преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 117 УК РФ (истязание): теоретико-практический анализ 25

Саетгараев В. Ф. О совершенствовании законодательства в сфере защиты лиц, участвующих в противодействии коррупции..... 33

Храмцов Е. С. Прикладные аспекты собирания доказательств по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 42

Чернышев Д. Б., Абросимов С. Е. Проблемы уголовно-правовой оценки обналичивания денежных средств 54

Шепелин И. В. Проблемы правового регулирования и практики правоприменения электронной формы уголовно-процессуальных обращений в досудебном производстве 63

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Мухамадиярова А. К. Внедрение и использование цифрового рубля в России..... 73

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Кубякин Е. О., Кочкин А. А. К вопросу об интерпретации социальных повседневных практик индивида в контексте дихотомии «субъект-объект»: от антропологии к социологии повседневности..... 81

Мигунова Ю. В. Нормативные правовые основы организации образовательной деятельности детей с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью в Республике Башкортостан... 90

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Асфандиярова И. Г., Низамов С. С. К вопросу профессиональной этики и этикета сотрудников правоохранительных органов 99

Зубкевич Л. А. О возможности парадигмального синтеза в обществознании 105

Памятка 120

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Mukhametov P. A., Akhmetova A. T. Law and registration of the absolute monarchy of Russia in the 18th century 10

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Nizamova G. G. Improving the prevention of administrative offenses among minor citizens 19

CRIMINAL LAW SCIENCES

Ismailov D. A., Saveleva O. Yu. Features of the qualification of the crime provided for in Part 1 of Article 117 of the Criminal Code of the Russian Federation (Torture): theoretical and practical analysis.....25

Sayetgarayev V. F. On improving legislation in the field of protection of persons participating in anti-corruption 33

Khramtsov E. S. Applied aspects of collecting evidence in criminal cases of crimes against property committed using information and telecommunication technologies 42

Chernyshev D. B., Abrosimov S. E. Problems of criminal legal assessment of cashing out funds 54

Shepelin I. V. Problems of legal regulation and practice of law enforcement of the electronic form of criminal procedure appeals in pre-trial proceedings 63

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Mukhamadiyarova A. K. Introduction and use of the digital ruble in Russia 73

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Kubyakin E. O., Kochkin A. A. On interpretation of social everyday practices of an individual in the context of the subject-object dichotomy: from anthropology to the sociology of everyday life 81

Migunova Yu. V. Regulatory and legal framework for organizing educational activities for children with disabilities in the Republic of Bashkortostan 90

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

Asfandiyarova I. G., Nizamov S. S. On the question of professional ethics and etiquette of law enforcement officers 99

Zubkevich L. A. On the possibility of paradigmatic synthesis in social science 105

Instruction 120

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 34(47)"17"

Павел Алексеевич Мухаметов¹, Альбина
Талгатовна Ахметова²

¹ Уфимский юридический институт МВД Рос-
сии, Уфа, Россия, pmukhametov@mvd.ru

² Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия

ПРАВО И ОФОРМЛЕНИЕ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ В XVIII В.

Аннотация. В работе на основе опубликованных документов и научной литературы рассмотрено развитие правовых институтов России в эпоху окончательного оформления абсолютной монархии. Авторами дана характеристика источников права рассматриваемого периода, проанализировано отраслевое законодательство, уделено особое внимание крепостному праву и сословному законодательству Российской империи в XVIII в. Авторы приходят к выводу, что правовое оформление абсолютной монархии наиболее интенсивно происходило в годы правления Петра I.

Ключевые слова: абсолютная монархия, Россия, суд, указ, устав, недвижимое имущество, преступление

Для цитирования: Мухаметов П. А., Ахметова А. Т. Право и оформление абсолютной монархии в России в XVIII в. // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 10–18.

Original article

Pavel A. Mukhametov¹, Albina T. Akhmetova²

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Ufa, Russia, pmukhametov@
mvd.ru

² Ufa University of Science and Technology, Ufa,
Russia

LAW AND REGISTRATION OF THE ABSOLUTE MONARCHY OF RUSSIA IN THE 18TH CENTURY

Abstract. Based on published documents and scientific literature, the article examines the development of legal institutions in Russia in the era of the final formation of the absolute monarchy. The authors characterize the sources of law of the period under review, analyze industry legislation, and pay special attention to serfdom and class legislation of the Russian Empire in the 18th century. The authors come to the conclusion that the legal formalization of the absolute monarchy occurred most intensively during the reign of Peter I.

Keywords: absolute monarchy, Russia, court, decree, charter, real estate, crime

For citation: Mukhametov P. A., Akhmetova A. T. Law and registration of the absolute monarchy of Russia in the 18th century // Society, law, statehood: retrospect and prospect. 2024. No. 2 (18). P. 10–18. (In Russ.)

Введение

Становление абсолютизма в России про-

исходило в иных условиях, отличных от европейских сценариев развития государства.

© Мухаметов П. А., Ахметова А. Т., 2024

И в наши дни не утихает научная полемика, начатая еще в XVIII в., о проблемах периодизации отечественного абсолютизма. Если советские историки временем возникновения абсолютизма в России называли правление и Ивана III [1, с. 299–300], и Ивана IV [2, с. 311], то современная отечественная историография единодушно считает расцветом абсолютизма XVIII в., а именно период нахождения у власти Петра I [3, с. 14]. Корпус петровских реформ, начатый в условиях ужесточения крепостничества и существования старых феодальных институтов, сопровождался консолидацией всей полноты государственной власти в руках монарха и укреплением профессионального бюрократического аппарата.

Начатые еще в XVII веке процессы абсолютизации царской власти потребовали регламентации правового статуса основных социальных групп российского общества, а также более активного вмешательства государства во все сферы общественной и частной жизни. Эти процессы выступили факторами дальнейшей эволюции отечественного права и государства. В XVIII в. были предприняты попытки заменить феодальное законодательство, представленное действующим Соборным уложением 1649 г., на более прогрессивное и отвечающее целям реформаторского курса российских императоров, однако они противоречили интересам основных сословий российского общества. Вместе с тем на всем протяжении XVIII в. изменению подвергались правовые институты, регламентирующие нормы и принципы деятельности государственных органов, правомочий и обязанностей отдельных субъектов права.

Методы

Учитывая междисциплинарный характер предмета исследования, авторами были использованы частнонаучные методы познания. Так, историко-правовой метод позволил провести анализ содержания юридических памятников конкретной исторической эпохи, а также объективно оценить процессы правообразования в рассматриваемый период. Благодаря сравни-

тельно-правовому методу были выявлены сходства и различия в правовых явлениях, происходящих в России накануне XVIII в., а также непосредственно в эпоху оформления абсолютной монархии.

Результаты

Источники права периода становления и развития абсолютной монархии в России. Основными источниками права в XVIII в. являлись законы, изданные государем в форме указов, уставов, манифестов. Указы касались важнейших и разнообразных сторон деятельности государства. Петр I исходя из концепций рационалистической философии и традиционных представлений о роли самодержца в России придавал огромное значение писаному законодательству [4, с. 38]. Отдельно следует сказать о практике обращения Петра I к западноевропейскому опыту (в первую очередь Швеции), и не только в законодательной реформаторской деятельности, но и в государственном строительстве, культуре, военном деле и быте. Заметим, что объем законодательства в данный период неуклонно рос [5, с. 25].

Петровская эпоха была пронизана духом военной дисциплины. «Артикул воинский» – первый в России военно-уголовный кодекс, изданный 22 декабря 1714 г., после принятия «Краткого изображения процессов и судебных тяжб» и Устава воинского 1716 г. публиковался вместе с ними. «Артикулы воинские» применялись военными, а также другими судами в военнослужащих. Действовали до вступления в силу Свода законов Российской империи 1832 г.

Реформирование государственного аппарата потребовало существенной законодательной деятельности. Так, при образовании государственных органов особенно в первой четверти XVIII в. писались регламенты, в которых определялся состав и порядок их деятельности. Именно Петру I принадлежит идея создания целой иерархии регламентов.

Изданный в 1721 г. Духовный регламент определял основные положения церковной реформы, подчиняя церковь государству и учреждая для управления ею Духовную

коллегию, переименованную в Правительственный Синод.

В 1723 г. принимается Регламент шкиперам, в 1724 г. – Морской торговый регламент. На основании принятых в 1763–1765 гг. Рекомендаций и Регламента об управлении адмиралтейств и флота в 1766 г. издается Адмиралтейский регламент, определявший права и обязанности Адмиралтейств-коллегии, подчиненных ей инспекций и всех чинов морского ведомства, находившихся при адмиралтействе.

При преемниках Петра I основным законодательным актом продолжало оставаться Соборное уложение 1649 г., кроме того, действовали неотмененное петровское законодательство, а также новые нормативные акты и устные распоряжения императоров. Вторая половина 1760-х гг. ознаменовалась деятельностью несвойственных отечественной государственности уложенных комиссий. В некотором отношении либеральные по своему характеру комиссии не смогли справиться с поставленными перед ними задачами, в результате чего в 1768 г. Указом императрицы Екатерины II деятельность комиссий была прекращена.

Впоследствии законодательная деятельность была продолжена принятием в 1782 г. крупнейшего (после Учреждений для управления губерний Всероссийской империи 1775 г.) законодательного акта России последней трети XVIII в. – «Устава благочиния или полицейского» [6, с. 126]. Уставом законодательно оформлялось проведение в городах полицейской реформы, начатой в 1775 г. При составлении Устава использовались идеи западноевропейских просветителей, требования в наказах в Уложенную комиссию 1766–1768 гг.

Крепостное право и сословное законодательство. Укрепление самодержавия (абсолютизма, неограниченной монархии) в XVIII в. способствовало дальнейшему закреплению крестьянства на фоне все больших привилегий духовенству и дворянству. Изменение правового статуса основных сословий Российской империи стало следстви-

ем законотворческой деятельности в этом направлении.

Перепись населения Российской империи, закончившаяся к 1722 г., установила наличие 5 млн крестьянских и дворовых душ, обложенных императорским Указом от 11 января 1722 г. «О разложении подушного сбора» податью (по 80 копеек каждая). В дальнейшем был установлен дифференцированный налог. Так, с помещичьего крестьянина взимался 1 руб. 14 копеек, с посадских людей – 1 руб. 20 копеек [7, с. 171]. Указанные меры с 1724 г. обеспечили пополнение казны стабильными налоговыми поступлениями (до 50 % доходов), что облегчило дальнейшее развитие бюрократического аппарата. Вместе с тем указанная реформа закрепила привилегированное положение отдельных сословий. К «неподатным» сословиям относились дворянство, духовенство, гильдейское купечество [8, с. 65], а к «податным» («подлым») – крестьянство и мещане.

Изменения, затронувшие все сферы жизни общества, не могли обойти самое многочисленное по численности сословие – крестьянство. В большей своей массе закрепощенное крестьянство пополнилось в это время за счет уничтожения в 1723 г. холопства как особого юридического состояния.

На всем протяжении XVIII в. происходит дальнейшая эволюция крепостного права. Так, Указом 1704 г. устанавливалась смертная казнь за укрывательство беглых крестьян.

С 1724 г. крестьянам было запрещено без согласия помещика и местных властей уходить на промыслы, с 1730 г. – владеть недвижимым имуществом в городах и уездах, а со следующего года крестьян лишили права участвовать в подрядах (временная работа на определенных условиях) и откупках (система сбора с населения налогов и других государственных доходов, при которой государство за определенную плату передает право их сбора частным лицам).

В 1779 г. помещики получили право произвольной отдачи крепостных в рекруты. В 1791 г. императрица Екатерина II, нуждаясь

в новобранцах, издала указ, по которому все русские поданные, находящиеся в крепостной зависимости, но изъявившие добровольно о военной службе, получали свободу. Последствием этого указа стало массовое поступление крестьян в армию, что встретило мощное сопротивление дворянства. Прислушавшись к многочисленным просьбам землевладельцев (опоры самодержавия), императрица отменила свой указ.

18 февраля (1 марта) 1762 г. Петр III издал Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Закон расширил сословные права и привилегии русских дворян, а также отменил обязательную гражданскую или военную службу, введенную Петром I.

Все неограниченные права помещиков на крепостной труд были объединены Екатериной II в принятой в 1785 г. «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (Жалованной грамоте дворянству), закреплявшей дворянские привилегии. В частности, подтверждалась установленная Петром III в 1762 г. свобода дворян от обязательной службы, уплаты податей, телесных наказаний. Дворянин мог судить только дворянский суд. Лишь дворяне могли владеть землями, населенными крепостными крестьянами. Они владели и недрами земли в своих имениях, могли устраивать фабрики и заводы в своих деревнях, заниматься торговлей. Их дома освобождались от постоя войск, имения не могли быть конфискованы. Дворяне без согласия императора не лишались жизни, чести, сословного звания. Они имели право на свой герб, мундир, особые ливреи для лакеев, на езду в экипажах, запряженных определенным количеством лошадей, и т. д. Дворяне получили право формировать свои сословные организации – дворянские собрания в уездах и губерниях, на которых выбирались предводители дворянства, а также представители уездной администрации (земский капитан или исправник, заседатели и др.). Органы дворянского самоуправления решали сословные вопросы дворян, имели право юридического лица, могли обращать-

ся к органам государственной, в том числе императорской, власти. Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. юридически оформили «благородное» сословие дворянства и сословную структуру горожан [9, с. 67].

В XVIII в. правительство подчинило себе казачество, зародившееся еще в XIV в., превратив его в привилегированное военно-служилое сословие, используемое для защиты границ государства.

Семейное право. В 1702 г. утрачивает религиозное и имущественное значение обручение, были отменены имущественные «рядные» и «сговорные» записи, прежде заключаемые в церкви, и введены составляемые домашним способом записи приданому. Попытка Петра I повысить брачный возраст для дворян (женихов – 20 лет, невест – 17 лет) не была поддержана церковью.

Петр I установил два способа учреждения опеки: по завещанию и по назначению магистрата (с 1721 г. сословный орган городского самоуправления) [10, с. 26]. Была установлена опека над безумными («дураками»). При Екатерине II опека стала носить ярко выраженный сословный характер. В «Учреждениях для управления губерний» 1775 г. были определены органы опеки для дворян и горожан, а также качества, необходимые для опекуна.

В 1744 г. был установлен предельный возраст для вступления в брак – 80 лет для мужчин и 60 лет для женщин. Установление предельного брачного возраста объяснялось невозможностью достижения главной цели брака – продолжения рода.

Изменения затронули и брачно-семейные отношения по русскому каноническому праву. В 1775 г. обручение и венчание были объединены в один обряд и проводились одновременно.

Трудовое право. В России первые законы о промышленном труде появляются в XVIII в. В «Адмиралтейском регламенте» 1722 г. продолжительность рабочего дня устанавливалась в 13,5 часа. Кроме того, правовые нормы преследовали и социальные цели. Так, заводским уставом 1735 г.

предписывалось лечить рабочих за счет средств заводчиков.

Гражданское право. Необходимость в изменении и дополнении отечественного законодательства, регулирующего право феодальной собственности и имущественные отношения в начале XVIII в., возникла в связи с бурным развитием промышленности, активизацией внутреннего и внешнего рынка, ростом сельского хозяйства. Новые подходы Петра I к вопросам экономической политики государства обусловили качественно новый этап в развитии институтов отечественного гражданского права.

С целью эффективного пополнения государственной казны на фоне активизации гражданско-правовых сделок еще в 1699 г. была введена гербовая бумага для написания на ней документов, удостоверяющих сделки и вещные права на недвижимость, а также на холопов и крепостных людей – крепостей. Крепостным порядком в первой четверти XVIII в. оформлялось большинство сделок. С 1775 г. так совершались только акты, по которым происходил переход вещных прав на недвижимость.

Указом о единонаследии 1714 г. Петр I завершил длительный многовековой процесс слияния двух форм земельной собственности феодалов, фактически уравнивая вотчину и поместье, назвав их «имение», с установлением единого правового режима [5, с. 31]. В этом же указе мы впервые находим упоминание о делении имущества на движимое и недвижимое (имение). Однако, несмотря на это узаконение, и после 1714 г. в нормативных правовых актах употребляются понятия «вотчина» и «поместье». Этим же петровским Указом на непродолжительный срок (до 1730 г.) был введен майорат – порядок наследования по закону, при котором наследуемое имущество переходит по первородству (одному старшему сыну), а при отсутствии сыновей – дочери. При наследовании по завещанию имущество могло переходить любому сыну, а при отсутствии детей – одному из родственников с сохранением (принятием) фамилии наследодателя. Недвижимое имущество запрещалось закладывать и отчуждать (лишь в исключи-

тельных случаях, например, особая нужда), что свидетельствует об ограничении права распоряжения частной собственностью. Создаваемая система майората была специфична для сущности феодального права и была направлена против дробления дворянских имений и разорения дворянства.

Гражданское право петровской России в первую очередь отстаивало исключительное право феодальной собственности на землю. Царским Указом от 7 июля 1700 г. «Об учинении телесного наказания за нанесение бесчестия и о неотобрании поместий и вотчин» в случае нанесения оскорбления другому лицу ответчику запрещалось отдавать поместья или вотчину.

Огромный земельный фонд духовенства, изъятый из гражданского оборота, охранялся от взысканий по неоплаченным долговым искам законом от 4 апреля 1713 г. Вместе с тем секуляризация, проведенная Петром I, была наиболее значительной из всех проведенных в России с XV в. Так Петр I не только ограничил право церкви на недвижимое имущество, но и обратил часть ее доходов на государственные нужды. Проведенные преобразования стали свидетельством влияния внешнеполитических факторов на внутриполитические процессы, происходящие в России в начале XVIII в. [11, с. 165].

В соответствии с нормами, указанными в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» 1715 г., купцы были обязаны вести торговые книги, занося туда информацию обо всех торговых операциях. Записи в торговых книгах рассматривались как несовершенные доказательства, если не было подписей контрагентов. Содержание торговых книг составляло коммерческую тайну, однако в ряде случаев по решению суда оно могло быть открыто уполномоченному на то члену суда.

В России Петр I пытался принудительно ввести акционерные общества, но ему это не удалось, поскольку в стране не велось крупных торговых операций с иностранными государствами и в них не было нужды. С переменным успехом обстоит дело с созданием торговых товариществ, для регулирования

деятельности которых при Петре I принимаются нормативные правовые акты.

Указом «О поручении правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства» от 2 марта 1711 г. устанавливался надзор Сената за выдачей особых обязательств, под которые частным лицам выдавались правительственными учреждениями имущество и деньги (казенные векселя). По царскому Указу от 24 июля 1711 г. этот вексельный оборот во избежание злоупотреблений был взят под контроль Сената [7, с. 45]. Попытки Петра I привить векселя в России не увенчались успехом. Первый Вексельный устав появляется в 1729 г., основное внимание которого уделялось переводным векселям.

15 января 1740 г. был принят Устав о банкротах, впервые закрепивший в отечественном праве статус несостоятельности (банкротства) физического лица [12, с. 48–49]. В соответствии с Уставом благочиния 1782 г. банкротов, т. е. несостоятельных должников, полагалось брать под стражу и отсылать к суду. Нормы этих уставов были включены в Свод законов Российской империи (т. XI).

В «Учреждениях для управления губерний» (ст. 177) 1775 г. впервые в отечественном праве упоминается понятие «владение» – фактическое господство лица над вещью. Владение защищалось от насильственного нарушения его. Это правило перешло в Свод законов Российской империи 1832 г.

В 1800 г. принимается Устав о банкротах. Он состоял из двух частей. Часть первая посвящена купцам и другим группам торговых людей, имевшим право обязываться векселями, часть вторая – дворянам и чиновникам [13, с. 91]. Банкротом считался тот, кто не мог заплатить своих долгов. Различалось три вида банкротств:

1. «От несчастья» (несчастными банкроты не назывались, а назывались упавшими).
2. «От небрежения и от своих пороков».
3. «От подлогов».

Сам термин «банкрот» применялся только к лицам, обязывавшимся векселями. Лицо, признававшее себя банкротом или признанное в установленном порядке таковым, могло быть подвергнуто задержанию, если на этом настаивало большинство кредиторов. Из числа кредиторов избирали кураторов (как правило, не более четырех), которые реализовывали имущество банкрота и оплачивали долги. Из полученных средств в первую очередь оплачивались казенные долги; если имущество банкрота было конфисковано, но еще не продано, то обычно долги уплачивались в следующей последовательности: церкви и монастырям, затем работникам банкрота. Оставшиеся средства распределялись пропорционально между кредиторами, в том числе казной. При наличии залога кредитор получал сполна (в объеме заложенного имущества), оставшееся поступало в раздел. Дворянам, чиновникам и прочим людям, не имевшим купеческого свидетельства, запрещалось обязываться векселями. Обязательства, участниками которых являлись дворяне и чиновники, могли оформляться закладными с залогом движимого и недвижимого имущества, крепостными заемными письмами без залога, домовыми заемными письмами без залога или с залогом движимых вещей. Если дворянин или чиновник не мог полностью удовлетворить своих кредиторов, он признавался неплатным должником. При невозможности доказать свое банкротство как несчастное он признавался неосторожным должником, и кредиторы могли посадить его за остальные долги под караул на 5 лет с содержанием от 50 до 150 руб. в год. Часть первая Устава о банкротах утратила силу в связи с принятием в 1832 г. Устава о торговой несостоятельности.

Во второй половине XVIII в. в этой отрасли права наблюдается большое разнообразие источников, но в итоге эта область меньше, чем уголовная, была урегулирована именно законом. Для гражданского права России в XVIII в. характерна ярко выраженная сословность, направленная на защиту дворянских привилегий, но ряд законов,

которые защищали дворянскую собственность в 1782 г., был отменен. Право покупки к заводам деревень получили не только помещики, а все заводчики. Государство гарантировало право собственности на завод и продукцию, но предприятия по добыче золота и серебра на Урале считались государственными и лишь переданными в частные разработки. Многие казенные заводы были переданы частным лицам для эксплуатации. Договоры с недвижимостью заключались только в письменной форме и закреплялись купчими. В семейном праве повышен брачный возраст – для мужчин с 20-ти лет, для женщин с 17-ти лет. Для вступления в брак требовалось согласие родителей, а для офицеров и бюрократии – начальства [5, с. 228].

Развитие уголовного права и процесса в XVIII в. Систематизация норм уголовного права была осуществлена в «Артикуле воинском», изданном в 1715 г. Он состоял из 24 глав, подразделявшихся на 209 статей [14, с. 99]. «Артикул воинский» вошел в состав Воинского устава 1716 г. в качестве его второй части. В Артикуле нашли отражение основные принципы уголовной ответственности, понятия преступления, определение вины и необходимой обороны, а также крайней необходимости. В нем впервые был использован термин «преступление», обозначавший общественно опасное действие, направленное против государства [15, с. 105].

Вместе с преступником несли ответственность и его родственники. К отягчающим вину обстоятельствам «Артикулы воинские» отнесли алкогольное опьянение. Преступление делилось на стадии: умысел, покушение на преступление. Систему наказаний уголовного права петровской России составляли правеж, шельмование, смертная казнь.

Еще со времен Соборного уложения 1649 г. лицо, виновное в оскорблении кого-либо, должно было подвергнуться особому виду телесного наказания – «выстоять на правеже» определенное количество дней, после чего заплатить штраф. Правеж в данном случае заключался в битье палками по икрам обнаженных ног [7, с. 229].

Введенный Петром I по Воинскому Уставу 1716 г. вид публичного позорящего наказания – шельмование – выражался в лишении чести и гражданских прав. В дальнейшем такой вид наказания именовался в нормативных правовых актах как политическая смерть.

Табель о рангах 1722 г. (п. 18), основываясь на артикуле 209 Устава Воинского, определял, что все отстраненные от занимаемой должности за тяжкие преступления, подвергшиеся публичному наказанию или пыткам, помимо прочего, лишались своего титула, ранга. В случае, если будет установлено, что лицо было наказано незаслуженно, его честь восстанавливалась только царским указом [7, с. 196].

В «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» 1715 г. подробно регулируется розыскной процесс (с возрастанием роли суда, резким ограничением прав обвиняемого, превращением его в объект пытки, формальной системой доказательств, сила которых определялась законом, преимущественно системой судопроизводства).

В случае вынесения городским магистратом смертного приговора необходимо было получить утверждение Главного Магистрата, до получения которого запрещалось приводить приговор в исполнение. По остальным уголовным делам местные магистраты самостоятельно выносили приговоры на основании норм Соборного Уложения 1649 г. и Воинского Устава 1716 г. [7, с. 135].

С 1722 г. утверждается должность прокурора при надворных судах с установлением их обязанности рассматривать дела, поступающие в виде исков не только от потерпевшей стороны, но и по доносам фискалов.

Заключение

Таким образом, развитие права в XVIII в. способствовало изменению правового статуса основных социальных групп российского общества, а именно укреплению бюрократии, которая в это время представляла собой могущественное сословие, но сословие огосударственное. Оно давило на все слои населения, в том числе и на дворянство, кото-

рое, растворяясь в бюрократии, становилось как бы придатком государства, утрачивало значение самостоятельной общественной силы. Сословие бюрократии состояло не только из дворян, оно постепенно пополнялось, разбавлялось представителями других слоев населения, чем ослаблялись в нем по-

зиция собственно дворянства, сила его воздействия на государство.

На этой же основе создавался и оттачивался внутренний механизм абсолютизма, нацеленный на нейтрализацию общественных сил в виде обеспечения верховной власти относительно независимого положения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История СССР. Т. I. С древнейших времен до конца XVIII века / под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М. : Соцэкгиз, 1939. 792 с.
2. Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М. : Мысль, 1973. 359 с.
3. Баркалов О. В. Правовая доктрина русского просвещения XVIII века // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3. С. 13–17.
4. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л. : Лениздат, 1989. 496 с.
5. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М. : Юридическая литература, 1986. 511 с.
6. Пушкарев Е. А. Становление полицейских учреждений как основы полицейского государства в Российской империи в XVIII веке // Общество и право. 2020. № 2. С. 124–128.
7. Памятники русского права. Выпуск 8. М. : Госюриздат, 1961. 667 с.
8. Муравьева Л. А. Российское торговое предпринимательство (1725–1761 гг.) // Финансы и кредит. 2008. № 36. С. 64–73.
9. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М. : Юридическая литература, 1987. 528 с.
10. Денисова О. В. Становление и развитие института опеки и попечительства в России // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 12-1. С. 22–34.
11. Соколова Н. В. Северная война и церковная реформа Петра I // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 6. С. 153–171.
12. Благой Д. С. Историко-правовые аспекты становления термина «банкротство» в России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 5. С. 44–53.
13. Сперанская Ю. С. Дореволюционное законодательство о несостоятельности (банкротстве) // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 11. С. 90–92.
14. Абдулханьянов И. А. Ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в нормах артикула воинского 1715 г. // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 2. С. 97–102.
15. Мухаметов П. А. К вопросу о нормативно-правовом обеспечении военной реформы Петра I // Петр Великий и его эпоха: взгляд из XXI века : материалы международной научно-теоретической конференции, к 350-летию со дня рождения Петра I. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 102–107.

REFERENCES

1. History of the USSR. Vol. I. From ancient times to the end of the 18th century / ed. V. I. Lebedeva, B. D. Grekova, S. V. Bakhrushina. M. : Sotsekgiz, 1939. 792 p. (In Russ.)
2. Shmidt S. O. Formation of the Russian autocracy. A study of the socio-political history of the time of Ivan the Terrible. M. : Mysl, 1973. 359 p. (In Russ.)
3. Barkalov O. V. Legal doctrine of Russian enlightenment of the 18th century // News of the Altai State University. 2017. No. 3. P. 13–17. (In Russ.)
4. Anisimov E. V. Time of Peter's reforms. L. : Lenizdat, 1989. 496 p. (In Russ.)
5. Russian legislation of the 10th–20th centuries. In nine volumes. Vol. 4. Legislation during the formation of absolutism. M. : Legal literature, 1986. 511 p. (In Russ.)

6. Pushkarev E. A. Formation of police institutions as the basis of the police state in the Russian Empire in the 18th century // Society and Law. 2020. No. 2. P. 124–128. (In Russ.)
7. Monuments of Russian law. Issue 8. M. : Gosyurizdat, 1961. 667 p. (In Russ.)
8. Muravyova L. A. Russian trade entrepreneurship (1725–1761) // Finance and credit. 2008. No. 36. P. 64–73. (In Russ.)
9. Russian legislation of the 10th–20th centuries. In nine volumes. Vol. 5. Legislation during the flourishing of absolutism. M. : Legal literature, 1987. 528 p. (In Russ.)
10. Denisova O. V. Formation and development of the institution of guardianship and trusteeship in Russia // Questions of Russian and international law. 2019. Vol. 9. No. 12-1. P. 22–34. (In Russ.)
11. Sokolova N. V. Northern War and church reform of Peter I // Bulletin of MGIMO-University. 2021. Vol. 14. No. 6. P. 153–171. (In Russ.)
12. Blagoy D. S. Historical and legal aspects of the formation of the term “bankruptcy” in Russia // Bulletin of Moscow University. Episode 11: Law. 2023. No. 5. P. 44–53. (In Russ.)
13. Speranskaya Yu. S. Pre-revolutionary legislation on insolvency (bankruptcy) // Bulletin of the Nizhny Novgorod Law Academy. 2016. No. 11. P. 90–92. (In Russ.)
14. Abdulkhannyanov I. A. Retrospective study of criminal legal fiction in the norms of the military article of 1715 // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2022. No. 2. P. 97–102. (In Russ.)
15. Mukhametov P. A. On the issue of legal support for the military reform of Peter I // Peter the Great and his era: a view from the 21st century : materials of the international scientific and theoretical conference, dedicated to the 350th anniversary of the birth of Peter I “Peter the Great and his era: a view from the 21st century. SPb. : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. P. 102–107. (In Russ.)

Информация об авторах:

Мухаметов П. А. – кандидат исторических наук, доцент;
Ахметова А. Т. – кандидат педагогических наук.

Information about the authors:

Mukhametov P. A. – Candidate of History, Associate Professor;
Akhmetova A. T. – Candidate of Pedagogy.

Статья поступила в редакцию 15.05.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 15.05.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья

УДК 342.924.03:343.851.5(470)

Гузель Галимдаровна Низамова

Уфимский колледж индустрии питания и сервиса, Уфа, Россия, guzel_ibat@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН

Аннотация. В статье обсуждается административно-правовой статус несовершеннолетних в Российской Федерации. Автор рассматривает использование термина «несовершеннолетний» для описания юридического положения этой группы лиц. Он также анализирует нарушения, предусмотренные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, и выделяет наиболее распространенные нарушения, совершаемые несовершеннолетними, особенно студентами среднего профессионального образования. На основе проведенного анализа предлагаются конкретные методы улучшения законодательства в области административной ответственности несовершеннолетних для решения данных проблем и предотвращения административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними.

Ключевые слова: студент, несовершеннолетний, девиантное поведение, правонарушения, законодательство, административная ответственность

Для цитирования: Низамова Г. Г. Совершенствование профилактики административных правонарушений среди несовершеннолетних граждан // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 19–24.

Original article

Guzel G. Nizamova

Ufa College of Food Industry and service, Ufa, Russia, guzel_ibat@mail.ru

IMPROVING THE PREVENTION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES AMONG MINOR CITIZENS

Abstract. The article discusses the administrative and legal status of minors in the Russian Federation. The authors consider the use of the term ‘minor’ to describe the legal status of this group of persons. They also analyze the violations that are provided for by the Code of the Russian Federation on Administrative Offences and highlight the most common violations committed by minors, especially students of secondary vocational education. Based on the analysis, specific methods are proposed to improve administrative legislation in the field of administrative responsibility of minors to solve these problems and prevent administrative offenses committed by minors.

Keywords: student, minor, deviant behavior, offenses, legislation, administrative responsibility

For citation: Nizamova G. G. Improving the prevention of administrative offenses among minor citizens // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 2 (18). P. 19–24. (In Russ.)

Введение

В рамках развития правового государства важно обратить внимание на воспитание и активное участие молодежи. Необходимо улучшить законодательство в период государственно-правовых реформ

для предотвращения правонарушений несовершеннолетних. Современное правовое государство должно защищать права детей с рождения, предоставляя им специальное правовое положение и регулируя их статус, защиту и ответственность. Однако суще-

ствуют нерешенные проблемы в области предотвращения правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав [1; 2].

Вопросы эффективности механизмов предотвращения правонарушений несовершеннолетних до сих пор остаются актуальными, несмотря на предпринимаемые превентивные меры. Некоторые подростки все еще нарушают закон, что может указывать на несостоятельность существующих практик или необходимость новых подходов. Также требуется более эффективное реабилитационное и социализационное сопровождение для несовершеннолетних, совершивших правонарушение. Их защита от социальной дискриминации и обеспечение равных возможностей являются существенными факторами для их реинтеграции в общество и предотвращения повторных нарушений [3; 4; 5; 6; 7].

Предотвращение правонарушений несовершеннолетних и защита их прав являются сложной и важной задачей. Для успешного решения этой проблемы необходимо улучшать существующие подходы, разрабатывать новые стратегии и обеспечивать эффективное взаимодействие всех заинтересованных сторон. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью совершенствования законодательства и практики применения административных мер в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Основная цель данного исследования – выявление факторов, препятствующих эффективной работе административного законодательства в сфере правонарушений несовершеннолетних. Результаты исследования позволят разработать и внедрить меры, направленные на повышение эффективности административного законодательства в этой области и улучшение социальной защиты и правовой культуры несовершеннолетних.

Методы

В работе использовались всеобщий диалектический метод познания, общенаучные подходы, такие как анализ, синтез, обобщение,

а также частнонаучные методы: исторический, системный, формально-юридический, логический, сравнительно-правовой и др.

Результаты

Исследование проблем повышения эффективности административного законодательства в области предотвращения административных правонарушений несовершеннолетних логично начать с определения и осмысления концепции административно-правового статуса несовершеннолетних в Российской Федерации.

Группы несовершеннолетних лиц, классифицированные в соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации:

– несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, которые совершают сделки с письменного согласия своих законных представителей – родителей, усыновителей или попечителя [8, с. 26];

– для обозначения несовершеннолетних в возрасте от шести до четырнадцати лет гражданское законодательство применяет термин «малолетние» [8, с. 28].

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и преступности в отношении несовершеннолетних»¹ устанавливает, что категория «несовершеннолетние» охватывает всех лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста [9].

При разговоре о административно-правовом положении лица, которое еще не достигло совершеннолетия, обычно используется сокращение «несовершеннолетний», ведь этот термин включает в себя такие понятия, как «ребенок», «дети», «несовершеннолетний», «подросток» и т. д.

Определение понятия «правовой статус несовершеннолетнего» должно основываться на теории права и принципов юридической науки для обозначения его правового положения и статуса как субъекта. Правовой статус несовершеннолетнего определяется законодательством для данной возрастной

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и преступности в отношении несовершеннолетних : федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

группы. Он включает в себя права и обязанности, ограничения и гарантии. При определении статуса учитываются его позиция как субъекта правовых отношений и его физические особенности, такие как возраст, умственное развитие и способность воспринимать и осознавать правила и нормы общества.

Таким образом, определение понятия «правовой статус несовершеннолетнего» требует участия теории права и дисциплин юридической науки для полного и точного понимания, учета правового положения и статуса физического лица. Правовой статус несовершеннолетнего представляет собой определенный набор свобод и обязанностей, которые лицо должно обрести к восемнадцатилетнему возрасту с учетом его правосубъектности, принципов права, правовых ограничений и правоотношений с родителями или иными законными представителями [2, с. 9].

Исходя из общих принципов правового положения личности основные составляющие правового статуса ребенка включают в себя следующие элементы:

1. Гражданство детей.
2. Комплекс прав, свобод и обязанностей, присущих детям.
3. Гарантии прав ребенка.
4. Правоспособность и дееспособность детей.

Статус несовершеннолетних в административном праве определяется набором прав, свобод и обязанностей, предоставленных каждому несовершеннолетнему согласно Конституции Российской Федерации. Несовершеннолетние несут административную ответственность за свои действия, а их родители или законные представители – за них до достижения шестнадцати лет. Статистические данные указывают на высокий уровень правонарушений среди несовершеннолетних, вызванный различными факторами, такими как социальные условия, семейная среда и доступность наркотиков [см.: 10; 11; 12; 13; 14; 15]. Для предотвращения данных проблем необходимо разработать и реализовать комплекс мер:

1. Совершенствование социальных программ и услуг для неблагополучных семей.

2. Доступность образования через профориентационные работы, психолого-педагогические занятия.

3. Организация мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни и устойчивость к неблагоприятному влиянию.

4. Организация спортивных и культурных мероприятий, направленных на детей с девиантным поведением.

5. Сотрудничество между социальными службами, школами, правоохранительными органами и другими заинтересованными сторонами.

Статистика свидетельствует о серьезной проблеме преступности среди несовершеннолетних. Для их решения необходимы меры и программы, направленные на предотвращение правонарушений. Безопасная среда для роста и развития молодежи имеет важную роль в их социализации и формировании позитивного поведения.

С начала 2022 г. было отмечено снижение уровня детской преступности на 9,7 %, что считается значительным достижением для общества и государства в целом. Вместе с тем было зафиксировано уменьшение количества правонарушений, совершаемых несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет на 13,2 %. Однако стоит отметить, что число преступлений, совершаемых детьми в возрасте до 14 лет, увеличилось на 16,7 %, в то время как среди детей в возрасте от 11 до 14 лет – на 17,1 %.

На основании анализа нарушений, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), продемонстрируем наиболее часто встречающиеся административные правонарушения, совершаемые несовершеннолетними (рисунок 1).

Анализ правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, показывает, что применяемые меры административной ответственности в их отношении являются достаточно мягкими и обычно сводятся к наложению административного штрафа в размере от 100 до 5 000 рублей. В случае, если у несовершеннолетнего отсутствуют собственные

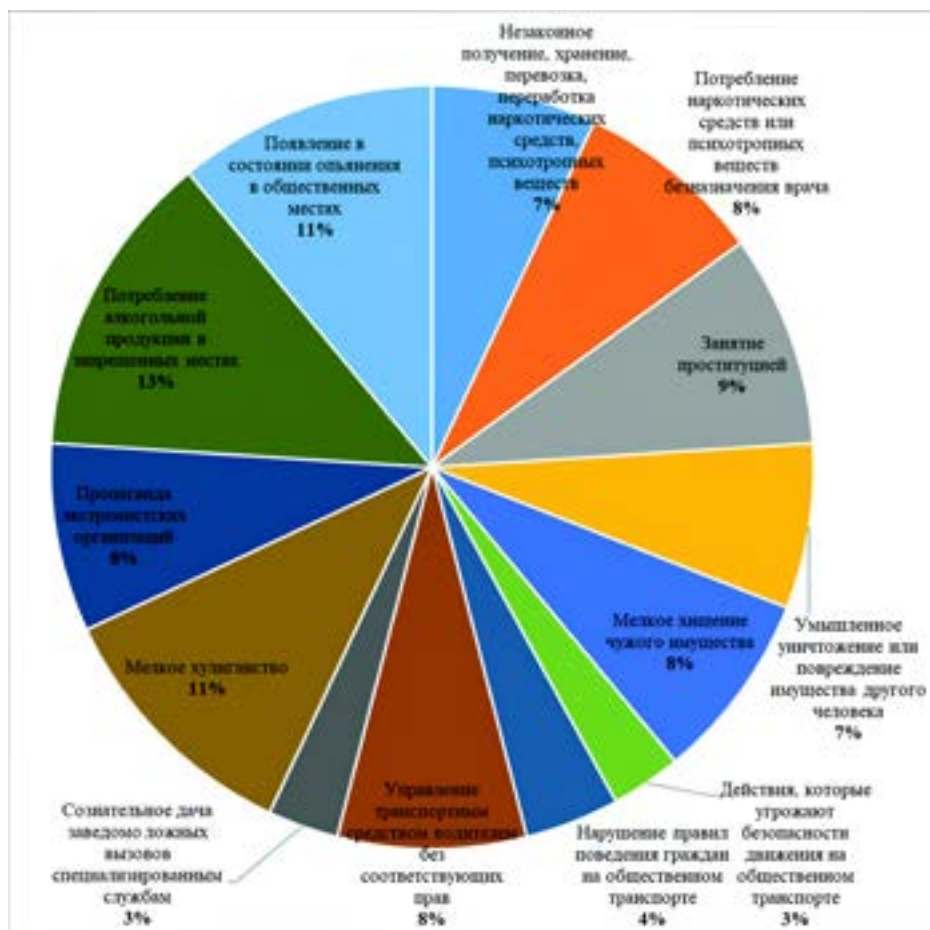

Рис. 1. Административные правонарушения, которые наиболее часто совершаются несовершеннолетними

заработки, этот штраф будет оплачиваться его родителями или законными представителями.

Мы должны расширить набор мер по реабилитации и социализации несовершеннолетних правонарушителей, установить более строгие наказания для нарушителей в зависимости от возраста и серьезности преступления, разработать профилактические программы, улучшить доступность юридической помощи и консультаций для несовершеннолетних, проводить программы по пропаганде здорового образа жизни и негативных последствий нарушения закона, повысить эффективность судебного разбирательства и установить механизмы мониторинга и оценки эффективности законодательства в области административной ответственности несовершеннолетних. Необходимо также проводить научные исследования и сотрудничать с различными общественными институтами для развития воспитанности, ответственности и уважения к закону. Важно также повысить

информированность общественности о проблеме административных правонарушений несовершеннолетних. В связи с вышесказанным автор предлагает следующие меры:

1. В гл. 25 КоАП РФ пересмотреть формулировку нормы регулирования правового положения несовершеннолетних лиц на разных этапах судебного процесса по административным нарушениям.

2. Закрепить в ст. 25.11 КоАП РФ обязанность прокуроров принимать участие в рассмотрении дел об административных и исполнительных правонарушениях, где несовершеннолетний является участником общественного процесса, при невозможности привлечения самих родителей вследствие их отдаленного местонахождения.

3. При продаже алкоголя юридическим лицом несовершеннолетним для достижения цели административного наказания, предусмотренного в ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП, дополнить указанную норму запретом (огра-

ничением) на осуществление розничной торговли алкогольной продукцией на срок до трех месяцев.

Заключение

Существующая правовая система, регулирующая предотвращение административных правонарушений несовершеннолетних, нуждается в изменениях, направленных на ее совершенствование. Для этого необходимо разработать единый концептуальный подход, основанный на научных и практических исследованиях. Проблемы, связанные с административными правонарушениями несовершеннолет-

них, становятся все более актуальными, но текущая правовая система не обеспечивает должного контроля и предотвращения таких правонарушений. Отсутствие единого концептуального подхода является одной из наиболее проблемных частей существующей системы, что препятствует эффективному применению законов и созданию единой стратегии. Однако для эффективного решения проблемы необходимо также учитывать имеющийся опыт. Правильная реформа системы позволит улучшить борьбу с административными правонарушениями несовершеннолетних.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Евсикова Е. В., Максимова Е. И. Актуальные проблемы усовершенствования законодательства Российской Федерации в сфере предупреждения административных правонарушений несовершеннолетних // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2016. Т. 2 (68). № 1. С. 94–109.
2. Садина О. В. Правовой статус несовершеннолетнего в Российском законодательстве: теоретико-правовой анализ : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Мытищи, 2009. 20 с.
3. Гусманов Р. У., Стомба Е. В., Низамов С. С. К вопросу о сельскохозяйственном образовании в России // Историческое наследие Московского общества сельского хозяйства и модернизация аграрного сектора России : сборник. 2020. С. 137–140.
4. Низамов С. С. Цифровая трансформация системы образования // Современные цифровые технологии в деятельности образовательных организаций силовых ведомств: концепция, практика, инновации : сборник материалов 4-й Международной конференции. Уфа, 2022. С. 51–55.
5. Stovba E. V., Stovba A. V., Nizamov S. S., Yapparova E. N. Development of rural areas of bashkortostan in conditions of digital economy formation // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2019. С. 2964–2971.
6. Гусманов Р. У., Стомба Е. В., Низамов С. С. Цифровизация как фактор экономического роста и устойчивого развития сельских территорий // Никоновские чтения. 2021. № 26. С. 139–143.
7. Низамов С. С., Стомба Е. В., Стомба А. В. Состояние и тенденции развития высшего образования в Республике Башкортостан // Наука Красноярья. 2022. Т. 11. № 2-4. С. 69–77.
8. Эгамова О. С. Профилактика административных правонарушений среди несовершеннолетних // Экономика и социум. 2021. № 11-2 (90). С. 722–725.
9. Сушко В. Д. Вопросы совершенствования регулирования административной ответственности за правонарушения, посягающие на права граждан // NovaUm.Ru. 2023. № 42. С. 70–72.
10. Назарычев Д. В. Совершенствование профилактики административных правонарушений валютного законодательства Российской Федерации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 325–326.
11. Протасов В. Л. Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних граждан: нормативно-правовые основы // Современный педагогический взгляд. 2020. № 6 (43). С. 30–44.
12. Сулейманова И. Е. Причины молодежной преступности в России как ключевая проблема юридической науки и практики // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 3 (7). С. 84–88.
13. Бахарева Н. К. Субъективное благополучие как системообразующий фактор толерантности : дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2004. С. 3–15.
14. Попугаев Ю. И., Струков В. А. О концепции совершенствования административной деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 201–204.

15. Павлова Л. В., Кочкина О. В. Организационно-правовые аспекты деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2023. № 3. С. 62–64.

REFERENCES

1. Evsikova E. V., Maksimova E. I. Current problems of improving the legislation of the Russian Federation in the field of preventing administrative offenses of minors // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. 2016. Vol. 2 (68). No. 1. P. 94–109. (In Russ.)
2. Sadina O. V. Legal status of a minor in Russian legislation: theoretical and legal analysis : abstract. ... diss. Ph.D. Law. Mytishchi, 2009. 20 p. (In Russ.)
3. Gusmanov R. U., Stovba E. V., Nizamov S. S. On the issue of agricultural education in Russia // Historical heritage of the Moscow Society of Agriculture and modernization of the agricultural sector of Russia. 2020. P. 137–140. (In Russ.)
4. Nizamov S. S. Digital transformation of the education system // Modern digital technologies in the activities of educational organizations of law enforcement agencies: concept, practice, innovation : collection of materials of the 4th International Conference. Ufa, 2022. P. 51–55. (In Russ.)
5. Stovba E. V., Stovba A. V., Nizamov S. S., Yapparova E. N. Development of rural areas of Bashkortostan in conditions of digital economy formation // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EpSBS. 2019. P. 2964–2971. (In Eng.)
6. Gusmanov R. U., Stovba E. V., Nizamov S. S. Digitalization as a factor of economic growth and sustainable development of rural areas // Nikon readings. 2021. No. 26. P. 139–143. (In Russ.)
7. Nizamov S. S., Stovba E. V., Stovba A. V. State and trends in the development of higher education in the Republic of Bashkortostan // Science of Krasnoyarsk. 2022. Vol. 11. No. 2-4. P. 69–77. (In Russ.)
8. Egamova O. S. Prevention of administrative offenses among minors // Economy and Society. 2021. No. 11-2 (90). P. 722–725. (In Russ.)
9. Sushko V. D. Issues of improving the regulation of administrative liability for offenses encroaching on the rights of citizens // NovaUm.Ru. 2023. No. 42. P. 70–72. (In Russ.)
10. Nazarychev D. V. Improving the prevention of administrative offenses of the currency legislation of the Russian Federation // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4 (40). P. 325–326. (In Russ.)
11. Protasov V. L. Prevention of delinquency among minors: legal framework // Modern pedagogical view. 2020. No. 6 (43). P. 30–44. (In Russ.)
12. Suleymanova I. E. Causes of youth crime in Russia as a key problem of legal science and practice // Law: retrospective and perspective. 2021. No. 3 (7). P. 84–88. (In Russ.)
13. Bakhareva N. K. Subjective well-being as a system-forming factor of tolerance : dis. ... Cand. Psychol. Khabarovsk, 2004. P. 3–15. (In Russ.)
14. Popugaev Yu. I., Strukov V. A. On the concept of improving the administrative activities of the local police commissioner for the prevention of offenses in the field of family and household relations // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 6. P. 201–204. (In Russ.)
15. Pavlova L. V., Kochkina O. V. Organizational and legal aspects of activities to prevent neglect and delinquency among minors // Administrative law and process. 2023. No. 3. P. 62–64. (In Russ.)

Информация об авторе:

Низамова Г. Г. – кандидат биологических наук.

Information about the author:

Nizamova G. G. – Candidate of Biology.

Статья поступила в редакцию 05.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 05.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 343.615.2(470)

**Дмитрий Альбертович Исмаилов¹,
Ольга Юрьевна Савельева²**
*^{1, 2} Тольяттинский государственный университет,
Тольятти, Россия*
¹ ismaskoldism@yandex.ru
² saveleva_olga@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 1 СТ. 117 УК РФ (ИСТЯЗАНИЕ):
ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Аннотация. Как в нашей, так и в других странах растет число преступлений, связанных с нанесением телесных повреждений, пытками и издевательствами. Преступления, связанные с причинением вреда здоровью, в частности, путем истязаний, как показывает практика, зачастую совершаются на семейно-бытовой почве. При этом во время истязаний жертва испытывает не только физические мучения, но и моральные страдания, поэтому после полученных травм жертва нуждается как в квалифицированной медицинской помощи, так и психологической. Уголовная ответственность за истязания закреплена в ст. 117 Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако данная норма не конкретизирует общественно опасные действия, которые определяют понятие «истязание», что зачастую приводит к ошибкам в квалификации и к трудностям в расследовании преступлений по указанной статье. Усложняет ситуацию и отсутствие разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации истязаний. В результате проведенного исследования авторами акцентируется внимание на внесение изменений в ст. 117 Уголовного кодекса Российской Федерации в контексте определения физических страданий.

Ключевые слова: истязания, насилие, психические страдания, физические страдания, систематичность, семейно-бытовое насилие, нравственные страдания, признаки истязания, семейные отношения

Для цитирования: Исмаилов Д. А., Савельева О. Ю. Особенности квалификации преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 117 УК РФ (истязание): теоретико-практический анализ // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 25–32.

Original article

Dmitry A. Ismailov¹, Olga Yu. Saveleva²
1, 2 Tolyatti State University, Tolyatti, Russia
1 ismaskoldism@yandex.ru
2 saveleva_olga@mail.ru

**FEATURES OF THE QUALIFICATION OF THE CRIME PROVIDED
FOR IN PART 1 OF ARTICLE 117 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION (TORTURE):
THEORETICAL AND PRACTICAL ANALYSIS**

Abstract. Both in our country and in other countries, the number of crimes related to bodily harm, torture and bullying is increasing. In practice, crimes related to causing harm to health, in particular through torture, are often committed on the grounds of domestic violence. At the same time, during torture, the victim ex-

periences not only physical torment, but also moral suffering. Therefore, after receiving injuries, the victim needs both qualified medical care and psychological help. Criminal liability for torture is fixed in Art. 117 of the Criminal Code of the Russian Federation. However, this norm does not specify socially dangerous actions that form the concept of torture, which often leads to errors in qualification and difficulties in investigating crimes under this article. The situation is also complicated by the lack of explanations from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the issues of qualification of torture. As a result of the conducted research, the authors focus on introducing amendments to Art. 117 of the Criminal Code of the Russian Federation in the context of the definition of physical suffering.

Keywords: torture, violence, mental suffering, physical suffering, systematicity, domestic violence, moral suffering, signs of torture, family relations

For citation: Ismailov D. A., Saveleva O. Yu. Features of the qualification of the crime provided for in Part I of Article 117 of the Criminal Code of the Russian Federation (Torture): theoretical and practical analysis // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 2 (18). P. 25–32. (In Russ.)

Введение

Конституция Российской Федерации выступает гарантом соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Так, в ч. 2 ст. 21 Конституции говорится о запрете на нарушение свободы и личной неприкосновенности: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию»¹. Законодатель, закрепляя в нынешнем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) ряд статей, охватывающих личную неприкосновенность человека, выражает таким образом один из главных принципов конституционности – принцип неприкосновенности личности.

Методы

Методологическую основу проведенного научного исследования составили следующие элементы: теоретический, исторический, сравнительный и эмпирический виды анализов. Теоретический анализ выражается в изучении существующих теоретических научных работ: монографий, научных статей, касающихся понятий «физические страдания», «истязания». Анализ судебных решений позволил выявить тенденции и особенности применения ст. 117 УК РФ. Ретроспективный аспект развития законодательства по вопросам, связанным с закреплением преступного деяния в виде истязания, необходим для понимания эво-

люции рассматриваемого преступления. В ходе проведенного исследования особое место занял сравнительный анализ, связанный с изучением мнений и позиций различных авторов-исследователей относительно приведенных выше понятий и выявления различий и общих черт, а также выработки конкретных предложений по внесению изменений в ст. 117 УК РФ.

Результаты

Конфликты внутри семьи или в бытовой среде, возникающие из-за различий во мнениях между членами семьи, недопонимания и неправильного обращения друг к другу, не должны приводить к физическому и психическому насилию.

С течением времени российское законодательство постепенно менялось. М. А. Куликова отмечает, учитывая длительное развитие и становление российского государства, законодательная база постоянно претерпевала изменения, что подтверждается нормами Русской правды (ст. 33 Краткой редакции и ст. 78 Пространной редакции), Судебника 1497 г., Соборного уложения 1649 г. (ст. 10 Гл. XXII), Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (ст.ст. 1489, 1490, 1491, 1492) [1, с. 228–229].

В советский период уголовное законодательство охватывало в основном физические страдания, при этом пренебрегая психическими последствиями деяний. Так, в Уголов-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ном кодексе РСФСР 1960 г. ответственность за истязания была установлена в отдельной уголовно-правовой норме, но при этом было дано неоднозначное определение понятия «истязания». Одним из отличительных признаков истязаний был указан временной период. Кроме того, уголовно-правовая норма не содержала прямого указания на психические последствия деяния, что свидетельствует о недостаточной осведомленности старого закона относительно психического состояния жертв. В случае, если жертва в ходе преступного посягательства не испытывала физической боли, то содеянное могло квалифицироваться как оскорбление.

Однако современный уголовный закон, в отличие от своего предшественника, уделяет должное внимание как физическим, так и психическим страданиям, отражая тем самым более полное понимание характера личной неприкосновенности. Включение психического состояния пострадавшего в качестве важного критерия при рассмотрении преступлений против личности демонстрирует эволюцию правового мышления и более глубокое восприятие того, как преступления воздействуют на индивидуальное благополучие и достоинство. Уголовный кодекс 1996 г. закрепил ответственность за истязания в ст. 117, отнеся данное посягательство к преступлениям против личности. Согласно ч. 1 ст. 117 УК РФ истязание определяется как «причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, связанных с умышленным причинением тяжкого и среднего вреда здоровью»¹.

В свою очередь, в Приказе Минздрава Российской Федерации от 10 декабря 1996 г.

№ 407 «О введении в практику Правил производства судебно-медицинских экспертиз»², признанном недействующим в 2000 г., истязания также связывались с причинением физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев или иных насильственных действий. При этом признаками истязания являлись длительное причинение боли щипанием, сечением, причинением множественных, в том числе небольших повреждений, тупыми или острыми предметами, воздействием термических факторов и другими аналогичными действиями.

В ныне действующих Медицинских критериях определения тяжести вреда здоровью, утвержденных Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации, понятие «истязания» отсутствует, что вызывает определенные трудности в правоприменении³. В первую очередь, это связано с тем, что в медицинских документах истязания определялись с учетом применения медицинских методов и терминологии. УК РФ же трактует истязания с юридической точки зрения с учетом наказуемости данных действий.

Также рассматриваемый состав преступления считается трудно доказуемым ввиду отсутствия закрепления терминов «физические» или «психические страдания», а также «иные насильственные действия».

Сущность истязания заключается в активном поведении виновного лица, в частности, в причинении физических и психических страданий потерпевшему (жертве) путем применения систематического насилия или нанесения побоев, что предусмотрено диспозицией ч. 1 ст. 117 УК РФ [2, с. 9]. Основным элементом рассматриваемой нормы является систематичность, что

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² О введении в практику Правил производства судебно-медицинских экспертиз : приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 10 декабря 1996 г. № 407 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : приказ Министерства здравоохранения и социального развития от 24 апреля 2008 г. № 194н (ред. от 18.01.2012) // Российская газета. № 188. 05.09.2008.

подразумевает необходимость совершения не менее трех раз аналогичных действий, не повлекших последствий в виде причинения тяжкого и среднего вреда здоровью.

Один из основных способов установления признака систематичности – это регистрация сообщения или заявления в правоохранительных органах с целью определения события причинения нравственных, психических и физических страданий [3, с. 168].

Если рассматривать субъективные признаки истязания, то здесь, прежде всего, требуется установить намерения причинителя вреда. Для квалификации по ст. 117 УК РФ необходимо, чтобы виновное лицо осознавало, что своими действиями наносит физический и психический вред потерпевшему лицу, стремясь причинить боль и страдания потерпевшему, относясь к этому факту с равнодушием.

В диспозиции ч. 1 ст. 117 УК РФ закрепляются такие признаки, как физические или психические страдания, насильственные действия, побои, однако они не раскрываются законодателем, что вызывает необходимость обращения к научной доктрине.

А. Л. Монгуш и Ш. О. Акажик отмечают, что нравственные страдания – это эмоционально-волевое переживание человека, которое выражается в ощущении им негативных чувств: дискомфорта обстановки, унижения чести и достоинства, отчаяния и иных подобных эмоций [4, с. 35]. По мнению Н. К. Эйнгорн, нравственные страдания представляют собой «страдания человеческого духа, сложно поддающиеся рациональной оценке, количественному подсчету» [5, с. 255]. В. А. Демидюк предполагает, что страдания можно разделить на две категории: висцеральные и нравственные. Так, под висцеральными страданиями, по мнению автора, следует понимать деформацию внутренних систем или их частей, а под нравственными страданиями – дисгар-

монию внутри психической системы и трату энергии человека [6, с. 231]. Законодатель упоминает нравственные страдания в ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, но только лишь как основание, дающее право субъекту на получение компенсации морального вреда¹. В свою очередь, Пленум Верховного Суда Российской Федерации под нравственными страданиями предлагает понимать страдания, относящиеся к нарушению духовного спокойствия человека, выражавшемуся в форме негативных эмоций, связанных с переживаниями, душевными волнениями, чувством беспомощности, страха, унижения, стыда, а также с переживаниями за дальнейшую жизнедеятельность и работоспособность организма после нанесения побоев (телесных повреждений)². Исходя из приведенных выше понятий, мы считаем, что нравственные страдания – это неприятные психологические ощущения, которые испытывает человек не от физической боли, страдания, характеризующиеся более тяжким характером изменения состояния лица, выражающиеся в форме страха, тревоги, депрессии, снижения работоспособности, нервозности.

Как было уже отмечено ранее, понятие «истязание» включает также и физические страдания. Ф. М. Абубакиров считает, что их сущность заключается в материальных последствиях в виде физического вреда, выраженного в причинении боли различными способами: систематическое нанесение побоев или систематическое нанесение легкого вреда здоровью, сопряженное с психическими страданиями [7, с. 58–59]. Ф. М. Абубакиров выражает однозначную позицию в связи с тем, что он рассматривает только психические страдания, не затрагивая нравственные, что является неправильным с точки зрения уголовно-правовой науки. В. В. Муковнин полагает, что физические страдания – это чувства, которые

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

² О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 № 33 // Российская газета. № 267. 2022.

связаны с причинением физической боли и вреда здоровью. Согласно его позиции, физические страдания являются результатом неблагоприятных воздействий на организм, которые вызывают физическую боль и наносят ущерб здоровью [8, с. 41]. В. В. Муковнин видит причинение физической боли и вреда здоровью основным фактором, вызывающим эти страдания. Следовательно, автор считает, что физические страдания исходят от конкретных причин, связанных с физической болью и воздействием на здоровье. По мнению Р. Д. Шарапова, физические страдания – это «последствия физического насилия, выражающиеся в конкретных отрицательно значимых физиологических состояниях человека, охватываемых понятием «физиологический стресс» [9, с. 116]. Н. А. Чернова в своей работе раскрывает понятие «физические страдания» как причинение физической боли, истязаний, мучений, нанесение телесных повреждений, травм, увечий и т. д. [10, с. 144]. Однако правоприменитель рассматривает физические страдания как «физическую боль, связанную с причинением увечья, иным повреждением здоровья, либо заболеванием, в том числе перенесенное в результате нравственных страданий, ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья, неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы»¹.

Отдельного внимания заслуживает понятие «психические страдания», поскольку многие авторы считают, что оно идентично нравственным страданиям. Так, по мнению Н. П. Поповой, психические страдания являются последствиями причинения физических страданий, представляющих собой нравственные переживания высокой степени [11, с. 24]. В свою очередь, Ю. С. Пестерева рассматривает психические страдания как «отрицательные душевные переживания высокой степени интенсивности – униже-

ние, раздражение, гнев, стыд, отчаяние и другие негативные эмоции» [12, с. 18].

Обратимся к судебной практике. Так, Симоновским районным судом г. Москвы 4 апреля 2016 г. вынесен приговор по ч. 1 ст. 117 УК РФ по делу № 01-0184/2016 при следующих обстоятельствах: гражданин Т. на протяжении нескольких дней наносил телесные повреждения гражданке А., находящейся с ним в родственных отношениях, от чего последняя испытывала психические страдания. Кроме того, гражданин Т., не отрицая, имея умысел на причинение психических страданий и физической боли гражданке А., «...наносил не менее пяти ударов ладонью по рукам и голове, при этом выкручивая ей руки, <...> хватал рукой за шею и прижимал к стене, <...> бил ногой по пальцам ног и коленям...». По результатам проведенной экспертизы установлены «...повреждения в виде кровоподтека подбородочной области, множественных кровоподтеков верхних конечностей, подкожных гематом лобной области слева от срединной линии головы, правой теменной области, затылочной области, нижнечелюстной области; множественных кровоподтеков передненаружной поверхности верхней и нижней трети обоих плеч, правой кисти и средней трети обоих бедер...», что было квалифицировано как действия, не причинившие вреда здоровью. Следовательно, в случае, если бы гражданин Т. не преследовал цель и умысел на причинение психических страданий гражданке А., то такое действие расценивалось бы как непроступное. Кроме того, судом, вынесшим приговор по делу № 01-0184/2016, не аргументирована позиция относительно психических страданий, а именно: какие чувства испытывала гражданка А. после нанесения ей физических страданий².

Следующим наглядным примером являются обстоятельства, квалифицируемые по ч.

¹ О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 // Российская газета. № 267. 2022.

² Приговор № 01-0184/2016 от 4 апреля 2016 г. по делу № 01-0184/2016 // Судебная практика. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/100889.html?ysclid=lvmp9qbqyl628395797> (дата обращения: 30.04.2024).

1 ст. 117 УК РФ Советским районным судом Нижнего Новгорода, по делу № 1-74/2017, где гражданин К. на почве семейно-бытового конфликта с гражданкой Л. систематически наносил ей телесные повреждения, от чего последняя не только испытала физическую боль, но и психические страдания. Преступные действия, связанные с причинением физической боли, аналогичны предыдущему судебному решению, при этом психические страдания в данном случае выражены в качестве «...унижения человеческого достоинства...», «...высказывания угрозы причинения тяжкого вреда здоровью и угрозы убийством, воспринятые» гражданкой Л. как реальные. Поскольку гражданка Л. постоянно подвергалась жестокому обращению, унижению человеческого достоинства и высказыванию угрозы убийством в ее адрес, она решила покончить жизнь самоубийством. По результатам проведенной сексолого-психолого-психиатрической экспертизы комиссией экспертов у пострадавшей гражданки Л. были обнаружены «...признаки временного психического расстройства в форме острой реакции на стресс»¹. Следовательно, исходя из вынесенного решения судом в качестве действий по причинению психических страданий необходимо считать и доведение человека (пострадавшего) до крайнего эмоционального состояния нервной системы.

По нашему мнению, понятия «психические страдания» и «нравственные страдания» не идентичны. Схожими признаками данных категорий является то, что в обоих случаях жертве причиняется в большей степени не физическая боль, а душевная, которая уничтожает человека изнутри как личность².

Ввиду отсутствия конкретного определения физических и нравственных страданий относительно преступного деяния «истязание», как показывает правоприме-

нительная и судебная практика, имеются определенные трудности. Одних сообщений и заявлений недостаточно для выяснения обстоятельств дела, необходимо проведение судебно-медицинской экспертизы для установления конкретного вреда здоровью с целью исключения возможности совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 111, 112 УК РФ. Следовательно, признак «систематичность» в контексте диспозиции ч. 1 ст. 117 УК РФ представляет собой сложный элемент, состоящий из неоднократных противоправных действий через определенные промежутки времени, которые публично фиксируются и рассматриваются как эпизоды преступной деятельности и составляют единое преступное целое. Кроме того, следует подчеркнуть, что анализ правоприменительной практики позволяет констатировать латентность [13, с. 33–34] рассматриваемого вида преступления ввиду совершения преступных действий в семейно-бытовой сфере, что позволяет супругам примириться между собой [14, с. 62]. Аналогичного мнения придерживаются Г. И. Молев и А. И. Пузарин, считающие, что «...латентные истязания, совершаемые внутри семьи, <...> имеют наибольшую общественную опасность» [15, с. 106].

Заключение

Проведя научное исследование, мы предлагаем внесение изменений в ст. 117 УК РФ (истязание) в части определения «физические страдания», под которым следовало бы понимать систематическое нанесение телесных повреждений, приносящее физическую боль жертве, где последствиями являются функциональное расстройство организма, в том числе изменение в эмоционально-волевой сфере, а также иные отклонения от обычного состояния здоровья человека.

¹ Постановление № 1-74/2017 от 14 февраля 2017 г. по делу № 1-74/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RLFhCWf9nixv/?ysclid=lvmpsdabkh12120547> (дата обращения: 30.04.2024).

² О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 // Российская газета. № 267. 2022.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Куликова М. А. К вопросу об истории развития российского законодательства об ответственности за истязание и пытку // Закон и право. 2023. № 11. С. 228–232.
2. Амирова Д. К., Фаизова Д. Л. Уголовно-правовые проблемы квалификации истязания (статья 117 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 8. № 1 (15). С. 7–14.
3. Юрченко И. А. Признаки «систематичность», «неоднократность», «злостность» в Уголовном кодексе РФ и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ // Юридическая наука в Китае и России. 2017. № 1. С. 168–176.
4. Монгуш А. Л., Акажик Ш. О. Физические и нравственные страдания в исках о защите чести и достоинства // Sciences of Europe. 2019. № 44-4 (44). С. 35–36.
5. Эйнгорн Н. К. Этика права: не тождество понятий моральный вред и нравственные страдания // Everything in the name of science : collection of scientific articles and theses According to the results of International Scientific and Practical Congress of Economists and Lawyers, Zurich (SWITZERLAND) / Managing editor Hutz I. B. Zurich (SWITZERLAND) : Международное научное объединение экономистов «Консилиум», 2015. С. 253–256.
6. Демидюк В. А. Анализ категорий «сущность» и «нравственные страдания», применяемые судами при рассмотрении дел о компенсации морального вреда // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 3. С. 230–232.
7. Абубакиров Ф. М. Понятие и признаки истязания // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2012. № 3. С. 57–65.
8. Муковнин В. В. Физические страдания как признак морального вреда // Современное право. 2008. № 11. С. 39–43.
9. Шарапов Р. Д. Насилие в уголовном праве: Понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения : автореф. дис. ... док. юрид. наук. Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2006. 418 с.
10. Чернова Н. А. Роль страданий в преступном поведении // Актуальные вопросы юридических наук : материалы II Международной научной конференции. Челябинск : Два комсомольца, 2015. С. 141–145.
11. Попова Н. П. Ответственность за преступления, совершенные с особой жестокостью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский государственный лингвистический университет, 2005. 195 с.
12. Пестерева Ю. С. Уголовно-правовая характеристика истязания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 26 с.
13. Исмаилов Д. А. К вопросу о понятии криминологии и предмета ее изучения // Вестник права. 2023. № 2 (2). С. 33–37.
14. Исмаилов Д. А., Мурузиди А. В. Применение медиации в деятельности участковых уполномоченных полиции // Теология. Философия. Право. 2021. № 2 (16). С. 61–69.
15. Молев Г. И., Пузарин А. И. Проблемы квалификации истязания как уголовно-наказуемого деяния // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 1 (33). С. 102–108.

REFERENCES

1. Kulikova M. A. On the history of the development of Russian legislation on liability for torture and torture // Law and Law. 2023. No. 11. P. 228–232. (In Russ.)
2. Amirova D. K., Faizova D. L. Criminal legal problems of qualification of torture (Article 117 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 8. No. 1 (15). P. 7–14. (In Russ.)
3. Yurchenko I. A. Signs of “systematicity”, “repeatedness”, “maliciousness” in the Criminal Code of the Russian Federation and clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Legal science in China and Russia. 2017. No. 1. P. 168–176. (In Russ.)
4. Mongush A. L., Akazhik S. O. Physical and moral suffering in claims for the protection of honor and dignity // Sciences of Europe. 2019. No. 44-4 (44). P. 35–36. (In Russ.)

5. Eingorn N. K. Ethics of law: non-identity of the concepts of moral harm and moral suffering // Everything in the name of science : collection of scientific articles and theses According to the results of International Scientific and Practical Congress of Economists and Lawyers, Zurich (SWITZERLAND) / Managing editor Hutz I. B. Zurich (SWITZERLAND) : International scientific association of economists “Concilium”, 2015. P. 253–256. (In Russ.)
6. Demidyuk V. A. Analysis of the categories “materiality” and “moral suffering” used by the courts when considering cases of compensation for moral harm // Bulletin of the Kostroma State University. 2016. Vol. 22. No. 3. P. 230–232. (In Russ.)
7. Abubakirov F. M. Concept and signs of torture // Bulletin of the Khabarovsk State Academy of Economics and Law. 2012. No. 3. P. 57–65. (In Russ.)
8. Mukovnin V. V. Physical suffering as a sign of moral harm // Modern law. 2008. No. 11. P. 39–43. (In Russ.)
9. Sharapov R. D. Violence in criminal law: Concept, qualification, improvement of the mechanism of criminal legal prevention : abstract. dis. ... Doctor of Law. Ekaterinburg : Ural State Law Academy, 2006. 418 p. (In Russ.)
10. Chernova N. A. The role of suffering in criminal behavior // Current issues of legal sciences : materials of the II International Scientific Conference. Chelyabinsk : Two Komsomol members, 2015. P. 141–145. (In Russ.)
11. Popova N. P. Responsibility for crimes committed with extreme cruelty: abstract. dis. ...Cand. Law. M. : Moscow State Linguistic University, 2005. 195 p. (In Russ.)
12. Pestereva Yu. S. Criminal-legal characteristics of torture: abstract. dis. ... Cand. Law. Tyumen, 2008. 26 p. (In Russ.)
13. Ismailov D. A. On the issue of the concept of criminology and the subject of its study // Bulletin of Law. 2023. No. 2 (2). P. 33–37. (In Russ.)
14. Ismailov D. A., Muruzidi A. V. Application of mediation in the activities of local police officers // Theology. Philosophy. Law. 2021. No. 2 (16). P. 61–69. (In Russ.)
15. Molev G. I., Puzarin A. I. Problems of qualifying torture as a criminal offense // Science. Society. State. 2021. Vol. 9. No. 1 (33). P. 102–108. (In Russ.)

Информация об авторах:

Исмаилов Д. А. – без ученой степени;

Савельева О. Ю. – кандидат юридических наук, доцент.

Information about authors:

Ismailov D. A. – no academic degree;

Savelyeva O. Yu. – Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 04.05.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 04.05.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 342.123.12:343.352.05(470+47-612СНГ)

Вильсур Фирдависович Саэтгараев
Казанский юридический институт МВД России,
Казань, Россия, ORCID: 0000-0001-8209-5098,
vilson78@list.ru

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования обеспечения безопасности граждан, информирующих о фактах коррупции. Автор приводит зарубежный опыт. Проводится сравнительно-правовой анализ антикоррупционных законов государств-участников СНГ в части правовой закреплённости гарантии государственной защиты лиц, сообщающих о коррупционных фактах. Выделяются основные зарубежные модели обеспечения защиты информаторов о коррупции. Обосновывается необходимость по совершенствованию правового регулирования рассматриваемых лиц и предлагаются соответствующие изменения в законодательство.

Ключевые слова: противодействие коррупции, правовое регулирование, гарантии государственной защиты, информирование, коррупционные факты

Для цитирования: Саэтгараев В. Ф. О совершенствовании законодательства в сфере защиты лиц, участвующих в противодействии коррупции // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 33–41.

Original article

Vilur F. Saetgaraev
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Kazan, Russia, ORCID: 0000-
0001-8209-5098, vilson78@list.ru

ON IMPROVING LEGISLATION IN THE FIELD OF PROTECTION OF PERSONS PARTICIPATING IN ANTI-CORRUPTION

Abstract. The article deals with the issues of legal regulation of ensuring the safety of citizens who inform about the facts of corruption. The author cites foreign experience. A comparative legal analysis of the anti-corruption laws of the CIS member states is carried out in terms of the legal validity of the guarantee of state protection of persons reporting corruption facts. The main foreign models of ensuring the protection of informants about corruption are highlighted. The necessity of improving the legal regulation of the persons in question is substantiated and appropriate changes to the legislation are proposed.

Keywords: anti-corruption, legal regulation, guarantees of state protection, information, corruption facts

For citation: Saetgaraev V. F. On improving legislation in the field of protection of persons participating in anti-corruption // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 2 (18). P. 33–41. (In Russ.)

Введение

Российская Федерация, развивая правовое государство, формирует антикоррупционную политику, которая должна гарантировать защиту безопасности граждан,

участвующих в ней, поскольку от их активности зависит эффективность этой самой политики. Мы согласны с утверждением К. А. Даллакяна, что «личность является не просто элементом, но и важнейшим ин-

ститутом правового государства», именно личность проявляется там, где человек сталкивается с проблемами и реализует свои возможности по их преодолению [1, с. 38]. Высокая степень защищенности граждан выступает условием проявления их заинтересованности для помощи органам публичной власти, включая правоохранительные. Коррупционные правонарушения относятся к высоколатентным, и без активной помощи граждан компетентным органам в противодействии им не обойтись. Задача обеспечения защиты участников уголовного процесса от различного рода угроз в современных условиях борьбы с преступностью правоприменителями возводится на ступень государственного уровня [2, с. 86]. Под обеспечением данной защиты следует понимать меры по минимизации и (или) устранению негативных последствий коррупционных преступлений.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹ (далее – ФЗ «О противодействии коррупции») в целом ориентирован на профилактику коррупции и не раскрывает меры по минимизации и (или) ликвидации ее негативных последствий, хотя данные действия тесно взаимосвязаны с предупредительными мерами, а также деятельностью по борьбе с коррупцией. Негативные последствия от коррупции в основном возникают в результате совершения соответствующих правонарушений и проявляются в виде причиняемого ущерба, что подразумевает применение адекватных мер правового реагирования: нормотворческих, административно-правовых, оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных. Система данных мер определяется исходя из решаемых задач в рамках правоприменительной практики, среди которых особого внимания заслуживает защита лиц, информирующих о фактах коррупции.

Методы

Выводы автора в статье опираются на научные исследования Н. Ю. Волосовой,

К. А. Даллакян, О. В. Журкиной, Р. А. Исмагилова, П. А. Кабанова, Р. А. Курбанова, О. В. Макаровой, К. А. Нефедовой, В. М. Пашина, Р. М. Рамазанова, В. В. Севальнева, Э. Л. Сидоренко, Е. И. Спектор, А. М. Цирина, Т. Я. Хабриевой, Л. В. Ханахмедовой, О. В. Чумаковой. Основываясь на достижениях данных ученых, отметим, что вопросы правового регулирования защиты заявителей о коррупции постоянно находятся в поле зрения исследователей.

Методологической основой исследования стал универсальный диалектико-материалистический способ познания, применялись как общенаучные (логико-формальный, структурно-функциональный, системно-структурный и др.), так и частные (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.) познавательные методы. Анализ содержания законодательных норм, регулирующих исследуемые отношения, позволил их обобщить и структурировать. Синтез полученных научных знаний позволил сформулировать выводы и рекомендации. Систематизация мер государственной защиты в различных законодательных актах поможет оказать эффективную, всестороннюю и действенную поддержку гражданам, сообщаящим о фактах коррупции.

Результаты

Российское антикоррупционное законодательство формируется с начала 90-х годов XX века и высоко оценивается экспертами. Однако правоприменительная практика показывает необходимость постоянного совершенствования правового регулирования его направлений, включая и защиту заявителей о коррупции. Результаты исследований показывают, что «повысить результативность информирования о фактах коррупции возможно при условии государственной гарантии защиты таких лиц путем обеспечения правовыми средствами охраны от возможного преследования со стороны разоблаченных коррупционеров» [3, с. 130]. Бесспорным является тезис о том, что «эффективность

¹ О противодействии коррупции : федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

борьбы с коррупцией зависит от степени защищенности лиц, оказывающих помощь уголовному правосудию и могущих подвергнуться различным угрозам коррупционеров, заинтересованных остаться безнаказанными» [4, с. 134].

В ФЗ «О противодействии коррупции» отсутствуют положения, гарантирующие предоставление государством защиты широкому кругу избличителей коррупционеров. Закон содержит лишь обязательство государственных и муниципальных служащих сообщать о ситуациях их склонения к коррупционным действиям (п. 1 ст. 9), при этом им должна быть обеспечена соответствующая защита (п. 4 ст. 9). Причиной распространения данного обязательства лишь на определенный круг лиц выступает дефицит правового закрепления гарантий такой защиты других субъектов. Очень важно, чтобы реализация антикоррупционных мер обеспечивала также защиту работников частного сектора. В данном случае справедливо вести речь о неопределенности в праве, при возникновении которой, обращают внимание О. В. Чумакова и В. М. Пашин, «участники правоотношений не могут быть уверены в том, какие действия являются законными или незаконными, что может привести к страху, недоверию и неправильным решениям», а также «существует риск избирательного или произвольного применения законов и правил» [5, с. 60]. При этом, как отмечает Л. В. Ханахмедова: «Государство постоянно ищет новые эффективные формы сотрудничества с общественностью» [6, с. 20].

Положения Конвенции Организации Объединенных Наций (далее – ООН) против коррупции¹ предполагают обеспечение защиты от любого несправедливого обращения (ст. 33) к лицам (государственного, частного секторов), добросовестно

и на разумных основаниях сообщаящим компетентным органам о любых фактах, связанных с преступлениями, признанными таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией. Исходя из данной нормы соответствующая гарантия защиты предполагает свое распространение не только в отношении служащих органов публичной власти, но и в отношении других граждан, информирующих уполномоченные органы о коррупционных фактах. Положения ст. 13 «Участие общества» Конвенции предполагают вовлечение представителей гражданского общества в ход выработки антикоррупционных решений (п. «а»); уважение, поощрение и защиту свободы поиска, получения, опубликования и распространения информации о коррупции (п. «д»). В ст.ст. 15–25 Конвенции каждым государством-участником призывается рассматривать возможность включения в свою внутреннюю правовую систему надлежащих мер для обеспечения защиты информирующих о любых предусмотренных в указанных статьях фактах. При этом оговорено, что данное лицо должно обладать правовым статусом заявителя о коррупции, который обеспечит ему положенную защиту [7, с. 678]. До настоящего времени эти положения не в полной мере получили отражение в отечественном законодательстве.

Законодательство Российской Федерации не содержит отдельного закона, предусматривающего государственную защиту сообщаящим о коррупционных правонарушениях. Эти нормы содержатся в Федеральных законах от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ч. 4 ст. 9); от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»²; от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших,

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.

² О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов : федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 17. Ст. 1455.

свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹; от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»² (ст.ст. 12, 17, 18); Уголовном кодексе Российской Федерации (ст.ст. 311, 320)³; Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 66, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241, ч. 5 ст. 278)⁴; Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 17.13)⁵. Перечисленные правовые нормы предусматривают процессуальные и непроцессуальные действия, обеспечивающие безопасность участникам рассматриваемых правоотношений⁶.

Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» передает содержание государственной защиты посредством деятельности компетентных ведомств и их должностных лиц, обеспечивающих безопасность и социальную поддержку сторон уголовного судопроизводства и других лиц, а также иные правовые меры. При этом в соответствии с законом меры социальной поддержки могут быть применены участниками уголовного процесса либо в связи с участием в раскрытии преступлений не в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Данное положение требует соответствующего совершенствования, в тексте закона конкретно не акцентировано внимание на лицах, которые согласно ч. 3 ст. 2 данного

федерального закона также обладают положением лиц, которым требуется гарантия безопасности (близкие родственники, родственники и близкие лица, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на перечисленных лиц в ч.ч. 1 и 2 ст. 2).

Э. Л. Сидоренко отмечает, что «в нашей стране отсутствует отлаженный механизм правовой защиты лиц, имеющих неясный юридический статус, нормы закона направлены на уголовный процесс и не распространяются, например, на участников административного судопроизводства. В результате лицо, сообщаемое о коррупционном правонарушении, оказывается беззащитным» [8, с. 2]. Данное мнение подтверждается выводом Н. Ю. Волосовой и О. В. Журкиной о том, что «в настоящее время на разоблачителей коррупции не распространяются меры государственной защиты в связи с тем, что они не относятся ни к участникам уголовного судопроизводства, ни к лицам, способствующим предупреждению или раскрытию преступления» [9, с. 707].

Учитывая существующие пробелы в национальном законодательстве, зарубежный опыт внедрения институтов защиты информаторов от коррупции имеет неоспоримое научное и практическое значение. В странах дальнего зарубежья сложилась модель регулирования данного вопроса отдельным законом. Например, в Сербии

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федеральный закон от 20 августа 2004 года №119-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 3534.

² Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁶ Например: Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2006 г. № 630; Об утверждении Порядка организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : приказ МВД России от 23 декабря 2020 г. № 892 и др.

с 2014 года действует Закон о защите осведомителей, который обеспечивает безопасность уведомителям о предполагаемых коррупционных актах. Закон предусматривает различные формы уведомлений: работодателю, компетентным органам, в средства массовой информации, телекоммуникационную сеть Интернет, а также общественные собрания и иные популярные у общественности способы [10, с. 178–179]. В Италии с 2017 года действует Закон о защите осведомителей о совершенных преступлениях и правонарушениях, который включает информирование о противоправных деяниях с коррупционными элементами органов государственной власти [10, с. 202]. В Марокко действует Закон, защищающий свидетелей, жертв преступлений и информаторов о преступлениях, относящихся к коррупции и торговле людьми, а также других подобных преступлений [10, с. 325–326].

Наибольшим опытом в данной сфере обладают США, где в целях защиты прав лиц, сообщивших о фактах коррупции, с 1989 года действует специальный Закон защиты осведомителей, положения которого гарантируют защиту как сообщающих о нарушении закона, так и работодателя от недобросовестных информаторов [10, с. 224]. Кроме того, в рамках мер по противодействию коррупционным преступлениям и привлечению свидетелей к помощи в раскрытии таких преступлений в стране действуют Федеральная программа защиты свидетелей (WIT-SEC), учрежденная в соответствии с разделом 5 Закона о контроле за организованной преступностью, и Федеральная программа помощи свидетелям в экстренных ситуациях. Представля-

ет интерес то обстоятельство, что в США отсутствуют специальные программы, непосредственно направленные на противодействие коррупции, которое отражено как одно из официальных направлений деятельности американского государства в иных более комплексных документах [10, с. 220].

Сравнительно-правовой анализ законодательных актов государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) показывает другую модель, которая отражает правовую закрепленность государственной гарантии неприкосновенности рассматриваемых лиц и обеспечения их конфиденциальности непосредственно в антикоррупционных законах этих стран. Закон Азербайджанской Республики «О борьбе с коррупцией»¹ содержит ст. 11-2 «Государственная защита лица, представившего информацию по правонарушениям, связанным с коррупцией»; закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией»² – ст. 39 «Гарантии физическим лицам, способствующим выявлению коррупции»; Закон Республики Казахстан «О противодействии коррупции»³ – ст.ст. 24 «Сообщение о коррупционных правонарушениях», 24-1 «Гарантированные государством меры защиты лиц, оказывающих (оказавших) содействие в противодействии коррупции», 24-2 «Защита лица, оказывающего (оказавшего) содействие в противодействии коррупции, от нарушений прав и законных интересов в сфере трудовых отношений», 24-3 «Обеспечение конфиденциальности информации об оказании содействия в противодействии коррупции», 24-4 «Права лиц, оказывающих (оказавших) содействие в противодействии коррупции»; Закон Кыргызской Республики

¹ О борьбе с коррупцией : закон Азербайджанской Республики от 13 января 2004 г. № 580-ПQ // Сайт МВД Азербайджанской Республики. URL: <https://mia.gov.az/ru/legislation/1/view/8/> (дата обращения: 06.12.2023).

² О борьбе с коррупцией : закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=H11500305> (дата обращения: 06.12.2023).

³ О противодействии коррупции : закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 г. № 410-V ЗПК // Ведомости Парламента РК 2015 г. № 22-II. Ст. 147. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410/info> (дата обращения: 06.12.2023).

«О противодействии коррупции»¹ – ст. 10 «Гарантии государственной защиты лиц, оказывающих содействие в борьбе с коррупцией»; Закон Республики Таджикистан «О противодействии коррупции»² – ст. 27 «Гарантии неприкосновенности лиц, оказывающих содействие в противодействии коррупции»; Закон Туркменистана «О противодействии коррупции»³ – ст. 15 «Обязанность государственного служащего уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению правонарушений, связанных с коррупцией»; Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции»⁴ – ст. 8 «Защита лиц, сообщающих информацию о коррупционных правонарушениях, и их близких родственников».

В целом нормы антикоррупционных законов государств-участников СНГ гарантируют лицам, которые содействуют противодействию коррупции (информируют о коррупционном проявлении либо о местонахождении лица, разыскиваемого за коррупцию), защиту государства и в отдельных случаях поощрение. Данные положения были предусмотрены модельным законом СНГ «О противодействии коррупции», включающим ст. 18 «Гарантии лицам, оказывающим содействие в противодействии коррупции»⁵, и нашли свое отражение практически во всех антикоррупционных законах государств-участников СНГ.

¹ О противодействии коррупции : закон Кыргызской Республики от 8 августа 2012 г. № 153 : принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 28 июня 2012 г. // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203753/50?mode=tekst> (дата обращения: 06.12.2023).

² О противодействии коррупции : закон Республики Таджикистан от 7 августа 2020 г. № 1714 : зарегистрирован Министерством юстиции Республики Таджикистан 11 августа 2020 г. № 61 // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=126717#A000000042 (дата обращения: 06.12.2023).

³ О противодействии коррупции : закон Туркменистана от 1 марта 2014 г. №35-V. URL: <https://mejlis.gov.tm/single-law/150?lang=ru> (дата обращения: 06.12.2023).

⁴ О противодействии коррупции : закон Республики Узбекистан от 3 января 2017 г. № ЗРУ-419 // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2017. № 1. Ст. 2. URL: <https://lex.uz/docs/3088013> (дата обращения: 06.12.2023).

⁵ Модельный закон о противодействии коррупции (новая редакция) : принят 25 ноября 2008 г. постановлением № 31-20 на 31-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2009. № 43. С. 429–446.

⁶ Лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица, либо лицо после совершения преступления добровольно сообщило о даче взятки органу, имеющему право возбудить уголовное дело.

Обсуждение

Исследователями отмечается, что «причина недостаточной правовой регламентации обеспечения безопасности разоблачителей коррупции в отечественном законодательстве обусловлена сложностью и многоаспектностью данной проблемы, содержащей, помимо юридического, еще и психологические, этические, поведенческие и другие аспекты. Несмотря на наличие технической возможности для приема сообщений о фактах коррупции, их количество невелико» [11, с. 91]. Большинство граждан и служащих органов публичной власти не заинтересованы в придании огласке коррупционных фактов, этому способствует и несовершенство юридических процедур, выступающих стимулом для принятия этих решений, кроме ситуаций, при которых эти лица являются одной из сторон коррупционных действий (примечание к ст. 191 Уголовного кодекса Российской Федерации)⁶. П. А. Кабанов отмечает, что «стимулом раскрытия данной заинтересованности выступает институт антикоррупционного доносительства, который в российском обществе носит разрозненный, бессистемный и противоречивый характер, требующий серьезного междисциплинарного исследования» [12, с. 101]. Задействие в ходе раскрытия преступлений осведомителей (информаторов) активно используется правоохра-

нительными органами зарубежных стран. Зачастую в основе сотрудничества общественности и полиции лежит та или иная мотивация поведения: для одних – гарантированное вознаграждение, для других – шанс уйти от наказания или же смягчить его, для третьих – попытка дистанцировать близких от преступной деятельности, четвертые действуют из чувства мести и, возможно, пятая часть руководствуется наилучшими побуждениями исходя из моральных принципов [13, с. 413–414].

Эффективность противодействия коррупции напрямую связана с обеспечением защиты лиц, заявляющих о коррупционных правонарушениях, и требует совершенствования правового регулирования. Соответствующие нормы были заложены еще в Национальном плане противодействия коррупции 2014–2015 гг. В 2017 г. Правительство Российской Федерации внесло в Государственную думу Российской Федерации проект Федерального закона № 286313-7 «О внесении изменения в Федеральный закон «О противодействии коррупции» в части защиты лиц, уведомивших о коррупционных правонарушениях», принятый Государственной думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении, но в 2019 г. он был отклонен¹. Эксперты указали на три основных недостатка проекта: во-первых, он не давал полной гарантии анонимности, но предполагал конфиденциальность сообщаемому; во-вторых, было предусмотрено, что лица, предоставляющие заведомо ложные сведения о факте совершения коррупционного правонарушения, подлежат привлечению к ответственности в соответствии с законом, без учета добросовестного заблуждения о явлении коррупции; в-третьих, защита, предоставляемая лицам от несправедливого увольнения и давления

на рабочем месте, недостаточна, поскольку комиссия по оценке эффективности является частью организации, где работают эти сотрудники².

В действующем на сегодняшний день Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 гг. эти положения все еще остаются актуальными (п. «д» ст. 1, п. «б» ст. 6) и требуют своей реализации.

Заключение

Оценивая состояние имплементации положений Конвенции ООН против коррупции о защите рассматриваемых информаторов можно сделать вывод о том, что эти нормы не в полной мере учтены в отечественном законодательстве. О. В. Макарова справедливо отмечает: «Наиболее важной на сегодняшний день проблемой является законодательное закрепление надежного механизма обеспечения безопасности лиц, способствующих предупреждению и раскрытию коррупционных преступлений» [14, с. 98]. В связи с чем можно констатировать, что национальное антикоррупционное законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Правоприменительная практика и зарубежный опыт подтверждают необходимость принятия специального федерального закона, обеспечивающего гарантию безопасности лицам, сообщаящим о фактах коррупции. Данный законопроект предполагает максимально расширить перечень лиц, которым необходимо обеспечить государственную защиту, с включением в него помимо лиц, которые информируют о коррупции, еще и лиц, которые осуществляют раскрытие и расследование коррупционных правонарушений, а также осуществляющих соответствующий надзор за законностью данной деятельности и принимающих по ним судебное решение. Также требует со-

¹ О проекте федерального закона № 286313-7 «О внесении изменения в Федеральный закон «О противодействии коррупции» в части защиты лиц, уведомивших о коррупционных правонарушениях : постановление Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации от 19 июня 2019 г. № 6300-7 ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 25. Ст. 3227.

² Защита заявителей по коррупции – вопросы правоприменения // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2019/10/09/zaschita_zayavitelej_pro_korrupciyu_-_voprosy_pравоприменeniya?ysclid=lrem7atz5z324041177 (дата обращения: 15.01.2024).

вершенствования процедура предоставления государственной защиты гражданам, информирующим о коррупции в соответствии с положениями ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», которая предполагает включение в законопроект данную категорию граждан. Предлагается Федеральный закон «О про-

тиводействии коррупции» дополнить ст. 6.1 «Меры по минимизации (ликвидации) последствий коррупционных правонарушений», среди которых предусмотреть защиту лиц, заявляющих о фактах коррупционных правонарушений, с возможностью стимулирования их деятельности посредством выплаты денежного вознаграждения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Даллакян К. А. Личность как институт гражданского общества и правового государства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 2 (92). С. 37–43.
2. Рамазанов Р. М. Особенности допроса судом защищаемых лиц по уголовному делу в условиях обеспечения безопасности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1 (95). С. 85–91.
3. Нефедова К. А. О совершенствовании правового регулирования государственной защиты лиц, осуществляющих информирование о фактах совершения коррупционных правонарушений // Вестник Российского университета кооперации. 2017. № 2 (28). С. 129–132.
4. Исмагилов Р. А. Обеспечение безопасности лиц, способствующих выявлению коррупционных преступлений // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 3. С. 133–136.
5. Чумакова О. В., Пашин В. М. К вопросу о правовой неопределенности в системе ограничений и запретов на государственной службе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 58–63.
6. Ханахмедова Л. В. Институт общественного контроля как элемент системы взаимодействия государства и гражданского общества: отдельные аспекты // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 3 (101). С. 17–24.
7. Спектор Е. И., Севальнев В. В. Вопросы правовой защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 4. С. 676–683.
8. Сидоренко Э. Л. Информирование о фактах коррупции: правовые стимулы и гарантии защиты (зарубежный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 5. С. 3–6.
9. Волосова Н. Ю., Журкина О. В. К вопросу о программе защиты разоблачителей (информаторов) по делам коррупционной направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 5. С. 699–710.
10. Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы : монография : в 2 т. Т. 2. / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой, Р. А. Курбанова. М., 2019. 440 с.
11. Правовая защита лиц, сообщающих о фактах коррупции : научно-практическое пособие (монография) / В. Ю. Артемов, Н. А. Голованова, С. П. Кубанцев и др.; отв. ред. А. М. Цирин, Е. И. Спектор. М., 2016. 144 с.
12. Кабанов П. А. Материальное стимулирование антикоррупционного доносительства в Российской Федерации: вопросы правового регулирования // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 92–104.
13. Киричек Е. В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в РФ : дис... докт. юрид. наук. М., 2014. 537 с.
14. Макарова О. В. Обеспечение безопасности лиц, способствующих предупреждению и раскрытию коррупционных преступлений // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 97–105.

REFERENCES

1. Dallakyan K. A. Personality as an institution of civil society and the rule of law // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (92). P. 37–43. (In Russ.)

2. Ramazanov R. M. Features of the interrogation by the court of protected persons in a criminal case in a security environment // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (95). P. 85–91. (In Russ.)
3. Nefedova K.A. On improving the legal regulation of state protection of persons who inform about the facts of committing corruption offenses // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2017. No. 2 (28). P. 129–132. (In Russ.)
4. Ismagilov R.A. Ensuring the safety of persons contributing to the detection of corruption crimes // Business in law. Economic and Legal Journal. 2016. No. 3. P. 133–136. (In Russ.)
5. Chumakova O. V., Pashin V. M. On the issue of legal uncertainty in the system of restrictions and prohibitions in public service // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 58–63. (In Russ.)
6. Khanakhmedova L. V. Institute of public control as an element of the system of interaction between the state and civil society: selected aspects // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (101). P. 17–24. (In Russ.)
7. Spector E. I., Sevalnev V. V. Issues of legal protection of persons reporting facts of corruption // Journal of Foreign legislation and Comparative Jurisprudence. 2015. No. 4. P. 676–683. (In Russ.)
8. Sidorenko E. L. Informing about the facts of corruption: legal incentives and guarantees of protection (foreign experience) // International criminal law and international justice. 2015. No. 5. P. 3–6. (In Russ.)
9. Volosova N. Yu., Zhurkina O. V. On the issue of the program for the protection of whistleblowers (informants) in corruption cases // All-Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12. No. 5. P. 699–710. (In Russ.)
10. Legal foundations of anti-corruption: international and national standards and initiatives (monograph) : in 2 vols. 2. / under the general editorship of T. Ya. Khabrieva, R. A. Kurbanova. M., 2019. 440 p. (In Russ.)
11. Legal protection of persons reporting facts of corruption: a scientific and practical manual (monograph) / V. Y. Artemov, N. A. Golovanova, S. P. Kubantsev, etc.; ed. by A. M. Tsirin, E. I. Spector. M., 2016. 144 p. (In Russ.)
12. Kabanov P. A. Financial stimulation of anti-corruption whistleblowing in the Russian Federation: issues of legal regulation // Current problems of economics and law. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 92–104. (In Russ.)
13. Kirichek E. V. Organizational and legal mechanism for ensuring constitutional rights and freedoms of man and citizen in the context of interaction between the police and civil society institutions in the Russian Federation : diss. ... Doctor ... Law'. M., 2014. 537 p. (In Russ.)
14. Makarova O. V. Ensuring the safety of persons contributing to the prevention and disclosure of corruption crimes // Journal of Russian Law. 2015. No. 7. P. 97–105. (In Russ.)

Информация об авторе:

Саеггараев В. Ф. – кандидат юридических наук.

Information about the author:

Sayetgarayev V. F. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 343.14:[343.7:004](470)

Евгений Сергеевич Храмцов
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, eskhramtsov@yandex.ru

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассмотрены прикладные аспекты собирания доказательств по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Выделены источники доказательств, которые обусловлены общей спецификой формирования объективной стороны таких преступлений: использованием преступником услуг оператора по переводу денежных средств, а также осуществлением им телекоммуникации. Выявлены причины, снижающие эффективность процедуры собирания доказательств посредством выделенных источников и приводящие к нарушению принципов уголовного судопроизводства. Предлагается расширить полномочия должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, в целях сокращения сроков собирания доказательств.

Ключевые слова: уголовный процесс, собирание доказательств, преступления против собственности, информационно-телекоммуникационные технологии, федеральное законодательство, принципы уголовного судопроизводства

Для цитирования: Храмцов Е. С. Прикладные аспекты собирания доказательств по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 42–53.

Original article

Evgenii S. Khramtsov
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, eskhramtsov@yandex.ru

APPLIED ASPECTS OF COLLECTING EVIDENCE IN CRIMINAL CASES OF CRIMES AGAINST PROPERTY COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Abstract. The article examines the applied aspects of collecting evidence in criminal cases of crimes against property committed using information and telecommunication technologies. It considers the sources of evidence, which are determined by the general specifics of the formation of the objective side of such crimes: the criminal's use of the services of a money transfer operator, as well as the criminal's use of telecommunications. The reasons that reduce the effectiveness of the procedure for collecting evidence through selected sources and lead to violation of the principles of criminal proceedings are identified. It is proposed to expand the powers of officials authorized to carry out preliminary investigations in order to reduce the time required for collecting evidence.

Keywords: criminal process, collection of evidence, crimes against property, information and telecommunication technologies, federal legislation, principles of criminal proceedings

For citation: Khramtsov E. S. Applied aspects of collecting evidence in criminal cases of crimes against property committed using information and telecommunication technologies // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 2 (18). P. 42–53. (In Russ.)

© Храмцов Е. С., 2024

Введение

С 2003 г. ученые-правоведы проводят исследования, затрагивающие тему развития преступности по вектору информационно-телекоммуникационных технологий [1, с. 64–71; 2, с. 9–16; 3, с. 441–447; 4, с. 42–47]. Данное обстоятельство свидетельствует о еще более раннем возникновении преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, как вида.

Рассмотрим некоторые нормы, введенные законодателем в целях приведения уголовного и уголовно-процессуального законодательства в соответствии с уровнем развития информационно-телекоммуникационных технологий.

1 июля 2010 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) дополнен ст. 186.1, предусматривающей порядок получения следователем информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, имеющей значение для уголовного дела, на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ.

29 ноября 2012 г. Уголовный кодекс Российской Федерации² (далее – УК РФ) дополнен ст.ст. 159.1–159.6, дифференцирующими уголовную ответственность за различные виды мошенничества, в том числе за мошенничество с использованием платежных карт.

23 июня 2016 г. УПК РФ дополнен ст. 474.1, устанавливающей порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве.

6 июля 2016 г. ст. 185 УПК РФ дополнена ч. 7, предусматривающей возможность проведения следователем по решению суда осмотра и выемки электронных сообщений

или иных передаваемых по сетям электро-связи сообщений при наличии достаточных оснований полагать, что в них могут содержаться сведения, имеющие значение для уголовного дела.

23 апреля 2018 г. ч. 3 ст. 158 УК РФ дополнена п. «г»), дифференцирующей уголовную ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ); изменена диспозиция ст. 159.3 УК РФ, которая стала предусматривать уголовную ответственность за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа; ч. 3 ст. 159.6 УК РФ дополнена квалифицирующим признаком: «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств».

30 декабря 2021 г. УПК РФ дополнен ст. 189.1 (с сопутствующими дополнениями ст.ст. 38, 41, 166), предусматривающей возможность проведения следователем, дознавателем допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи.

25 декабря 2023 г. УПК РФ дополнен ст. 474.2, устанавливающей порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства.

Однако статистические данные³ свидетельствуют о том, что наблюдается постоянный рост количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Их доля в настоящее время составляет более трети всех преступлений, зарегистрированных на территории России. Однако их раскрываемость относительно иных видов преступлений остается невысокой⁴.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.05.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Следует отметить, что преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, стали учитываться в официальной статистической отчетности МВД России только с 2017 г.

⁴ Состояние преступности // МВД России. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 28.04.2024).

Это свидетельствует о малой эффективности принятых мер и явном несоответствии действующего уголовно-процессуального законодательства уровню развития информационно-телекоммуникационных технологий, что, в свою очередь, находит отражение в прикладном аспекте собирания доказательств по уголовным делам исследуемой категории.

Методы

В качестве методов проведения исследования использованы: анализ (статистических данных, действующего отечественного законодательства, следственно-судебной практики), в т. ч. сравнительно-сопоставительный, толкование правовых норм, моделирование.

Результаты

Процедура собирания доказательств имеет важное значение в уголовном судопроизводстве, поскольку является неотъемлемым элементом доказывания и по смыслу ч. 1 ст. 86 УПК РФ осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ.

Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, закреплен ст. 73 УПК РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. При этом ч. 2 ст. 74 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень видов доказательств.

В ходе сопоставления каждого из вышеперечисленных видов доказательств со следственными и иными процессуальными действиями, предусмотренными УПК РФ, применяемыми в процессе собирания доказательств по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с

использованием информационно-телекоммуникационных технологий, можно прийти к выводам, что в качестве доказательств допускаются:

1. Показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, которые могут быть получены в результате производства допроса.

2. Заключение и показания эксперта, которые могут быть получены в результате производства судебной экспертизы и такого следственного действия, как допрос эксперта.

3. Заключение специалиста, которое может быть представлено исключительно в письменном виде и должно содержать суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Показания специалиста могут быть получены в результате допроса в качестве свидетеля.

4. Вещественные доказательства, которые могут быть получены в результате производства таких следственных действий, как осмотр, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, обыск, выемка. Кроме того, вещественные доказательства могут быть получены на основании требований, поручений и запросов прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя (ч. 4 ст. 21 УПК РФ).

5. Протоколы следственных и судебных действий, составленные в результате их производства и соответствующие требованиям уголовно-процессуального законодательства.

6. Иные документы, которые могут быть получены в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ, а также в результате производства таких следственных действий, как осмотр, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, обыск, выемка.

Несомненно, каждое доказательство должно быть получено без нарушений требований УПК РФ, иначе оно будет являться недопустимым по смыслу положений, закрепленных в ст. 75 УПК РФ.

При проецировании перечисленных источников и видов доказательств на процедуру собирания доказательств по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, можно прийти к выводу о возможности эффективного использования каждого вида доказательств.

Показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля могут быть получены в ходе производства допроса, который проводится по общим правилам, закрепленным в ст. 164 УПК РФ, в связи с чем процедура их собирания не обладает процессуальной специфичностью, но предполагает владение лицом, уполномоченным осуществлять собирание данных доказательств, терминологией, используемой в области информационно-телекоммуникационных технологий, что выходит за рамки процессуального аспекта.

Однако, поскольку исследуемая категория преступлений совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, это обуславливает способы их совершения и выбираемые преступником средства, позволяющие выполнить объективную сторону дистанционно. Данное обстоятельство до недавнего времени негативно влияло на получение в качестве доказательств показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля с соблюдением принципа разумного срока уголовного судопроизводства ввиду нахождения участников уголовного судопроизводства за пределами места производства предварительного расследования.

В свою очередь, такое решение, как дополнение УПК РФ нормой, предусматривающей возможность проведения следователем, дознавателем допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи, в целом было положительно воспринято научным сообществом как идея, однако критике подверглась сама конструкция данной нормы [5, с. 83; 6, с. 94–95].

Учитывая положительный опыт применения данной нормы [7, с. 100–101], полагаем, что ее действующая конструкция позволяет эффективно осуществлять собирание доказательств в виде показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при проведении допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи, положительно влияет на соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

Заключение и показания эксперта также могут быть эффективно использованы в доказывании по уголовным делам исследуемой категории. Данный вид доказательств может быть получен в порядке, установленном положениями гл. 27 УПК РФ, при производстве судебной экспертизы и допросе эксперта. Следует отметить, что установленный порядок не допускает допрос эксперта до представления им заключения.

Способ совершения преступления и используемые средства при его совершении оказывают непосредственное влияние на возможность проведения конкретного вида судебной экспертизы. Использование информационно-телекоммуникационных технологий при совершении преступлений не могло не повлиять на развитие судебной экспертизы. Вехой в развитии судебной экспертизы в данном направлении, а соответственно, и в собирании доказательств являются появление судебной компьютерно-технической экспертизы как рода судебных экспертиз и последующая ее трансформация в класс судебных экспертиз [8, с. 140].

Согласно мнению Д. В. Завьяловой, наиболее актуальным в исследуемой области нам видится развитие именно класса судебных компьютерно-технических экспертиз (аппаратно-компьютерной, программно-компьютерной, информационно-компьютерной, компьютерно-сетевой, телематической), поскольку он получил обширное применение именно в расследовании преступлений в сфере экономики

[9], в которую входит исследуемая категория преступлений, и эффективно используется правоприменителями в доказывании¹.

Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации², достаточно обширен, но не является исчерпывающим. Из обозначенного перечня при собирании доказательств по исследуемой категории уголовных дел с учетом конкретных обстоятельств совершенного преступления могут быть использованы такие судебные экспертизы, как дактилоскопическая, трасологическая, товароведческая, фоноскопическая, видеотехническая, портретная и др.³ Следует отметить, что используемые в доказывании судебные экспертизы не ограничиваются лишь проводимыми экспертно-криминалистическими подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации. Например, психологическая и психиатрическая судебные экспертизы, которые не проводятся экспертами органов внутренних дел, также активно используются в доказывании⁴, без их производства зачастую невозможно установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию.

В целом следует согласиться с мнением Н. С. Неретиной о перспективе формирования новых родов и видов судебных экспертиз под влиянием цифровизации [10, с. 92–93],

что, по нашему мнению, позволит продолжить эффективно использовать заключение эксперта и показания эксперта как вид доказательств в уголовном судопроизводстве в условиях современного развития общества.

Рассматривая заключение специалиста и показания специалиста как вид доказательств, следует обратить внимание на то, что они, в отличие от заключения эксперта и показаний эксперта, не получили широкого распространения в процессе собирания доказательств по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В научной среде также не сложилось однозначного мнения по поводу правовой природы данного вида доказательств, возможности производства специалистом исследования, а также критериев разграничения заключения специалиста и заключения эксперта [11; 12].

Отдельного внимания заслуживает труд Н. С. Расуловой на тему «Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве», в котором автор анализирует позиции других исследователей по изложенным вопросам, делает вывод о наличии возможности производства специалистом исследования и предлагает разграничивать заключение специалиста и заключение эксперта по двум критериям: по предназначению средств доказывания в общем механизме установления обстоятельств

¹ Приговор Центрального районного суда города Сочи Краснодарского края от 11 июня 2019 г. № 1-53/2019 1-707/2018 по делу № 1-53/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pbgPkEn9w1H/> (дата обращения: 30.09.2023); Приговор Октябрьского районного суда города Самары от 3 сентября 2018 г. № 1-64/2018 по делу № 1-64/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uXUWtVjFRjJB/> (дата обращения: 01.10.2023).

² Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 июня 2005 г. № 511 // Российская газета. 2005. 30 августа.

³ Приговор Шебекинского районного суда Белгородской области от 5 декабря 2022 г. № 1-186/2022 по делу № 1-186/2022 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YsMbPfkksnUJ/> (дата обращения: 29.09.2023); Приговор Шилкинского районного суда Забайкальского края от 12 октября 2020 г. № 1-270/2020 1-279/2020 по делу № 1-270/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yDK8A67TCKVm/> (дата обращения: 01.10.2023).

⁴ Приговор Шадринского районного суда Курганской области от 9 ноября 2021 г. № 1-143/2021 по делу № 1-143/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VOlj4q0EOPYw/> (дата обращения: 29.09.2023); Приговор Ярцевского городского суда Смоленской области от 29 июня 2021 г. № 1-173/2021 по делу № 1-173/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Oon8fKW6SaJp/> (дата обращения: 01.10.2023).

и по предмету проводимого исследования [13 с. 84, 168–169].

Федеральный закон от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ содержит требование, по которому заключения эксперта основываются на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных. Однако законодателем не предъявляется таких требований к заключению специалиста, что в совокупности с возможностью допроса специалиста до представления им заключения может позволить осуществлять процесс собирания доказательств при отсутствии возможности или необходимости производства судебной экспертизы. Невозможность производства судебной экспертизы может быть обусловлена, например, отсутствием эксперта (обладающего специальными знаниями), общепринятых научных и практических данных (позволяющих сформировать необходимый метод исследования).

В качестве положительного примера, создающего предпосылки для собирания исследуемого вида доказательств по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, можно привести факты привлечения правоохранительными органами для пресечения преступлений исследуемой категории специалистов «Гроуп-АйБи» – одной из ведущих международных компаний по предотвращению и расследованию киберпреступлений². Однако это единичные случаи, что обусловлено несоответствием количества специалистов и экспертов, обладающих специальными познаниями в области информационно-телекоммуникационных технологий и темпов

роста преступлений вышеуказанной категории.

По нашему мнению, собирание именно вещественных доказательств предполагает самый широкий перечень источников получения данного вида доказательств и сопоставим по количеству и форме большинства источников только с иными документами.

Вещественные доказательства, как и иные документы, выступающие в качестве различных видов доказательств, могут быть получены из одних источников. Например, при производстве осмотра предмета – автомобиля, которым управляло лицо, задержанное по подозрению в совершении преступлений исследуемой категории, а также обыска в его жилище, личного обыска или выемки могут быть изъяты: документ, удостоверяющий личность преступника, который будет относиться к иным доказательствам, а также мобильное устройство, используемое при совершении данным лицом преступлений, которое будет относиться к вещественным доказательствам. На основании запроса, например, могут быть получены сведения о лице, на которое зарегистрирован абонентский номер, используемый при совершении преступлений исследуемой категории, а также видеозапись из банкомата, в котором преступником были получены похищенные денежные средства. В данном случае ответ на запрос, содержащий сведения о лице, на которое зарегистрирован абонентский номер, будет относиться к иным документам, а видеозапись из банкомата, содержащаяся на компакт-диске, может быть отнесена к вещественным доказательствам. В рамках реализации права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей по сбору и представлению доказательств, предусмотренного ч. 2 ст. 86 УПК РФ, указанные участники могут собирать

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Российская газета. 2001. 5 июня.

² Сотрудниками Московского уголовного розыска раскрыта новая криминальная схема хищения денежных средств граждан дистанционным способом // МВД России. URL: <https://мвд.рф/news/item/24913659> (дата обращения: 02.10.2023); Сотрудники Московского уголовного розыска задержали подозреваемых в мошенничестве в отношении пенсионеров // МВД России. URL: <https://мвд.рф/news/item/24295760> (дата обращения: 02.10.2023).

и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств, которые впоследствии могут быть отнесены как к вещественным доказательствам, так и к иным документам. Аналогичная ситуация в части вариативности отнесения доказательств к вещественным доказательствам или иным документам складывается при реализации права защитника собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций. На возможность же получения вещественных доказательств и иных документов при наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотре и выемке указывает сама диспозиция ст. 185 УПК РФ, корреспондирующая к таким следственным действиям, как осмотр и выемка, которые мы уже исследовали в данном аспекте. Однако законодатель не предусмотрел альтернативу выбора субъектом доказывания: к какому виду доказательств относить фонограммы, а также документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, полученные в соответствии со ст.ст. 186, 186.1 УПК РФ, указав возможность их признания исключительно вещественными доказательствами.

Мы уже рассматривали возможность собирания таких видов доказательств, как вещественные доказательства и иные документы, посредством требований, поручений и запросов прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя в соответствии со ст. 21 УПК РФ. Однако в данном контексте следует упомянуть о взаимосвязи данного положения с положениями, содержащимися в ст. 26 Федерального закона от 2 декабря

1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹, которые в совокупности предоставляют возможность получения от кредитных организаций при наличии согласия руководителя следственного органа (органами предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве) справок по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица; справок по счетам и вкладам физических лиц, содержащих тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов. Аналогичная взаимосвязь положения, закрепленного в ч. 4 ст. 21 УПК РФ, установлена с положением ст. 26 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»², предусматривающим обеспечение банковской тайны в платежной системе операторами по переводу денежных средств, платежных систем, услуг платежной инфраструктуры и банковскими платежными агентами (субагентами), поскольку содержит бланкетную отсылочную норму к законодательству Российской Федерации о банках и банковской деятельности. Вышеуказанные нормы эффективно применяются в следственной практике при собирании доказательств по уголовным делам исследуемой категории, однако они не предоставляют аналогичного права должностным лицам, уполномоченным осуществлять предварительное расследование в форме дознания.

Рассматривая протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств, следует, в первую очередь, отметить универсальность протокола как средства фиксации обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Однако исключительность именно протоколов следственных и судебных действий как вида доказательств находит свое отражение в отдельных нормах, закрепленных в ст.ст. 166 и 259 УПК РФ,

¹ О банках и банковской деятельности : федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О национальной платежной системе : федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

жестко регламентирующих предъявляемые к ним требования, а также в возможности признания их недопустимыми доказательствами при несоответствии предъявляемым требованиям. Указанные обстоятельства позволяют эффективно осуществлять собирание данного вида доказательств по уголовным делам исследуемой категории.

В то же время среди исследователей нет единого мнения по поводу придания значения доказательств протоколам допросов участников уголовного судопроизводства. Например, С. У. Дикаевым и В. В. Долгаевым предложено понятие «протокол следственного действия», в котором допрос не выступает в качестве источника фактических данных, непосредственно воспринятых или установленных уполномоченным лицом [14, с. 76]. Аналогичного мнения придерживается О. В. Савенко, аргументируя данную позицию тем, что «самостоятельными доказательствами являются протоколы таких следственных действий, в ходе которых следователь, дознаватель непосредственно воспринимает доказательственную информацию» [15, с. 15].

Иная позиция по данному вопросу сводится к признанию доказательственного значения протоколов допросов. Данной позиции придерживается Р. В. Костенко, который в качестве аргумента, подтверждающего непосредственность восприятия информации субъектом доказывания, выдвигает то обстоятельство, что производством следственного или судебного действий по собиранию, проверке и оценке сведений об обстоятельствах совершенного преступления осуществляется самим субъектом доказывания, а также ссылается на положение ст. 83 УПК РФ [16, с. 28–29].

Учитывая положения п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ и ст. 83 УПК РФ, а также сложившуюся следственно-судебную практику¹, можно прийти к выводу о признании доказательственного значения протоколов допросов

при соблюдении предъявляемых к ним требований.

Анализ следственно-судебной практики позволяет сделать вывод об эффективном использовании в доказывании всех рассмотренных в настоящей статье способов доказывания по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой категории. Вместе с тем специфика их совершения обуславливает и выбираемые преступником средства, что не может не отразиться на способах собирания доказательств. Несмотря на имеющееся многообразие способов совершения дистанционных преступлений, преступником при выполнении объективной стороны каждого из них используются либо средства телекоммуникации, либо средства по переводу денег (услуги оператора по переводу денежных средств), либо их совокупность.

С учетом данного вывода проведенный сравнительно-сопоставительный анализ видов доказательств со следственными и иными процессуальными действиями позволяет выделить из перечисленных источников доказательств следственные действия, предусмотренные ст.ст. 183, 185, 186, 186.1 УПК РФ, а также получить доказательства от кредитных организаций на основании ч. 4 ст. 21 УПК РФ и ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». Это дает возможность выявить специфику собирания доказательств по уголовным делам исследуемой категории, которая обусловлена необходимостью получения сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, а также проблемы при получении доказательств из выделенных источников.

По нашему мнению, действующая процедура получения субъектами доказывания информации, составляющей банковскую тайну, а также тайну связи, не соответствует уровню развития информационно-телекоммуникационных технологий. Преступник для достижения своей цели, используя со-

¹ Приговор Шумяцкого районного суда Смоленской области от 22 декабря 2022 г. № 1-44/2022 по делу № 1-44/2022 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GEMGt1bnuXQs/> (дата обращения: 04.10.2023).

временные информационно-телекоммуникационные технологии, может дистанционно в течение нескольких минут совершать множество телефонных соединений, операций по переводу денежных средств. При этом субъекту доказывания для получения доказательственной информации, одновременно являющейся тайной связи или банковской тайной, требуется несоизмеримо больше времени, что, в свою очередь, исключает возможность защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в разумный срок.

Так, на действующую процедуру производства следственных действий, предусмотренных ст.ст. 185, 186, 186.1 УПК РФ, а также ст. 183 УПК РФ (в случаях выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях), распространяется исключительно предварительный судебный контроль. В то же время на иные следственные действия, ограничивающие конституционные права, в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ распространяется последующий судебный контроль, который позволяет проверить не только обоснованность, но и законность при их производстве, сократив срок собирания доказательств.

Кроме того, как мы указывали ранее, ст. 6 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» не предоставляет лицам, уполномоченным осуществлять предварительное расследование в форме дознания, получать от кредитной организации в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ информацию об операциях, счетах и вкладах ее клиентов и корреспондентов.

Следует также отметить излишнюю строгость требования законодателя в части признания вещественными доказательствами фонограмм, документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, полученных в соответствии со ст.ст. 186,

186.1 УПК РФ. Поскольку значимость для доказывания содержания и (или) формы информации будет определять вид доказательств, к которым ее следует относить, то предполагается, что у субъекта доказывания должна быть альтернатива выбора в данной части. Если значение имеет исключительно содержание такой информации, то ее необходимо относить к иным документам. В случае, если значение имеет форма или форма в совокупности с содержанием, то такую информацию необходимо относить к вещественным доказательствам.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о возможности собирания всех перечисленных видов доказательств в рамках расследования уголовных дел о преступлениях исследуемой категории, а также их дальнейшего использования в доказывании, что подтверждается следственно-судебной практикой¹. Также можно выделить из возможных источников доказательств такие источники, которые обусловлены общей спецификой формирования объективной стороны данной категории преступлений: получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, о движении денежных средств по счетам физических и юридических лиц, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка в учреждениях связи, контроль и запись переговоров.

Выделенные источники доказательств позволяют собирать как вещественные доказательства, так и иные документы. В целом доказательства, полученные из таких источников, максимально объективны. Их собирание возможно до установления лица, совершившего преступление, и позволяет установить такие обстоятельства, подлежащие доказыванию, как событие преступления (время, место, способ и др.); виновность лица в совершении преступления; форму

¹ Приговор Советского районного суда города Томска от 9 декабря 2019 г. № 1-25/2019 1-377/2018 по делу № 1-275/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hktokOrwZgbO/> (дата обращения: 01.10.2023).

его вины и мотивы; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, подтверждающие, что имущество получено в результате совершения преступления. При этом данные источники доказательств предполагают получение сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну. Однако действующая процедура получения сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, из указанных источников доказательств не исключает возможность нарушения принципов уголовного судопроизводства, закрепленных в ч. 1 ст.ст. 6 и 6.1 УПК РФ.

Данная проблема, по нашему мнению, может быть решена путем расширения предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ полномочий лиц, на которых возложена обязанность осуществлять предварительное расследование, в части возможности производства в установленном порядке, в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, следственных действий, предусмотренных ст.ст. 83, 185, 186, 186.1 УПК РФ (связанных с получением инфор-

мации, охраняемой федеральным законодательством), на основании собственного постановления без получения судебного решения с последующим судебным контролем законности их производства; расширения полномочий должностных лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование в форме дознания соответственно полномочиям лиц, уполномоченным осуществлять предварительное следствие, предусмотренных ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»; исключения требований, закрепленных в ст.ст. 186, 186.1 УПК РФ, в части приобщения к материалам уголовного дела полученной информации в качестве вещественного доказательства.

Безусловно, это сложная междисциплинарная проблема, требующая консолидации усилий юристов, правоохранителей, технических специалистов для выработки сбалансированных правовых и организационных решений, но ее решение крайне важно для эффективной борьбы с преступлениями исследуемой категории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коновалов А. М. Информационная безопасность: кто – за, кто – против? // Современная Европа. 2003. № 2 (14). С. 64–71.
2. Илюшин Д. А. Особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях, совершаемых в сфере предоставления услуг «Интернет» // Вестник СамГУ. 2007. № 1 (51). С. 9–16.
3. Ардабьева С. В. Криминалистическая характеристика мошенничеств, совершаемых с использованием компьютерных средств и систем // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2. С. 441–447.
4. Шурухнов Н. Г., Шурухнов В. А. Особенности противоправной деятельности лиц, ранее совершавших преступления и отбывавших наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2010. № 4 (71). С. 42–47.
5. Победкин А. В. Производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производстве: рамочность процессуальных гарантий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1 (95). С. 77–84.
6. Топичева Т. В. Перспективы применения видео-конференц-связи в ходе производства по уголовным делам // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23-1. С. 93–95.
7. Плахота К. С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 95–102.
8. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2023. 576 с.
9. Завьялова Д. В. Современные возможности судебной компьютерно-технической экспертизы при расследовании различных видов преступлений // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 89–97.

10. Неретина Н. С. Генезис новых родов и видов судебных экспертиз в эпоху цифровизации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5 (57). С. 88–94.
11. Бахтадзе Г. Э., Гальцев Ю. В., Голенев В. С. Несостоятельность законодательного возведения заключения и показаний специалиста в ранг доказательств по уголовным делам // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. № 2 (16). С. 48–53.
12. Демидченко Ю. В. Проблемы использования заключения, показания специалиста в процессе доказывания по уголовному делу // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 12 (139). С. 121–124.
13. Расулова Н. С. Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.
14. Дикаев С. У., Долгаев В. В. Протоколы следственных, судебных и других процессуальных действий: проблемы и решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 74–76.
15. Савенко О. В. Протоколы следственных действий и судебного заседания как доказательства по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
16. Костенко Р. В., Шульгина Е. В. Проблема определения процессуальной формы показаний обвиняемого // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 23–32.

REFERENCES

1. Konovalov A. M. Information security: who is for, who is against? // Modern Europe. 2003. No. 2 (14). P. 64–71. (In Russ.)
2. Ilyushin D. A. Features of initiating criminal cases about crimes committed in the sphere of providing Internet services // Bulletin of SamSU. 2007. № 1 (51). P. 9–16. (In Russ.)
3. Ardabyeva S. V. Forensic characteristics of fraud committed using computer tools and systems // Current problems of Russian law. 2007. No. 2. P. 441–447. (In Russ.)
4. Shurukhnov N. G., Shurukhnov V. A. Features of illegal activities of persons who previously committed crimes and served sentences in institutions of the penal system // Human: crime and punishment. 2010. No. 4 (71). P. 42–47. (In Russ.)
5. Pobedkin A. V. Carrying out investigative actions using video conferencing systems in pre-trial proceedings: the framework of procedural guarantees // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (95). P. 77–84. (In Russ.)
6. Topicheva T. V. Prospects for the use of video conferencing in criminal proceedings // Current problems in the fight against crimes and other offenses. 2023. No. 23-1. P. 93–95. (In Russ.)
7. Plakhota K. S. Use of video-conferencing by an investigator (inquirer) during investigative actions // News of Tula State University. Economic and legal sciences. 2022. No. 1. P. 95–102. (In Russ.)
8. Rossinskaya E. R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph. 4th ed., revised. and updated. M. : Norma, 2023. 576 p. (In Russ.)
9. Zavyalova D. V. Modern capabilities of forensic computer-technical examination in the investigation of various types of crimes // Theory and practice of forensic examination. 2020. Vol. 15. No.3. P. 89–97. (In Russ.)
10. Neretina N. S. Genesis of new genera and types of forensic examinations in the era of digitalization // Bulletin of the University named after O. E. Kutafina (MSAL). 2019. No. 5 (57). P. 88–94. (In Russ.)
11. Bakhtadze G. E., Galtsev Yu. V., Golenev V. S. Failure of the legislative elevation of the conclusion and testimony of a specialist to the rank of evidence in criminal cases // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law. 2014. No. 2 (16). P. 48–53. (In Russ.)
12. Demidchenko Yu. V. Problems of using the conclusion, testimony of a specialist in the process of proof in a criminal case // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2021. No. 12 (139). P. 121–124. (In Russ.)
13. Rasulova N. S. Expert opinion as a means of proof in criminal proceedings : dis. ... Cand. Law. M., 2022. (In Russ.)
14. Dikaev S. U., Dolgaev V. V. Protocols of investigative, judicial and other procedural actions: problems and solutions // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3 (75). P. 74–76. (In Russ.)

15. Savenko O. V. Protocols of investigative actions and court hearings as evidence in a criminal case : abstract. dis. ... Cand. Law. M., 2014. (In Russ.)

16. Kostenko R. V., Shulgina E. V. The problem of determining the procedural form of the testimony of the accused // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2021. No. 2. P. 23–32. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 25.05.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 25.05.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 343.359(470)

Дмитрий Борисович Чернышев¹, Сергей
Евгеньевич Абросимов²

^{1,2} Уральский юридический институт МВД Рос-
сии, Екатеринбург, Россия

¹ SledstvieNT404@mail.ru

² abrosimowserezha@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ОБНАЛИЧИВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. В статье исследуется практика уголовно-правовой оценки действий, связанных с обналичиванием денежных средств. Авторы приходят к выводу о том, что обналичивание не является самостоятельным преступлением и представляет из себя комплекс действий, каждое из которых образует объективную сторону самостоятельного преступления (ст.ст. 172, 173.1, 173.2, 187, 199 Уголовного кодекса Российской Федерации). При этом преступления, связанные с регистрацией «фирм-однодневок» на подставных лиц, а также неправомерным оборотом средств платежей, при наличии у субъектов осведомленности об общем преступном замысле их дальнейшего использования при осуществлении незаконной банковской деятельности и уклонения от уплаты налогов следует квалифицировать как материальное пособничество в совершении данных преступлений.

Ключевые слова: незаконная банковская деятельность, обналичивание денежных средств, уклонение от уплаты налогов, соучастие

Для цитирования: Чернышев Д. Б., Абросимов С. Е. Проблемы уголовно-правовой оценки обналичивания денежных средств // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 54–62.

Original article

Dmitry B. Chernyshev¹, Sergey E. Abrosimov²

^{1,2} Ural Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia

¹ SledstvieNT404@mail.ru

² abrosimowserezha@yandex.ru

PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF CASHING OUT FUNDS

Abstract. The article examines the practice of criminal legal assessment of actions related to cash withdrawal. The author comes to the conclusion that cashing out is not an independent crime, but is a complex of actions, each of which forms the objective side of an independent crime (Art. 172, 173.1, 173.2, 187, 199 of the Criminal Code of the Russian Federation). At the same time, crimes related to the registration of “one-day companies” in the name of dummy persons, as well as the illegal circulation of means of payment, if the subjects are aware of the general criminal plan their further use in carrying out illegal banking activities and tax evasion, should be qualified as material assistance in the commission of these crimes.

Keywords: illegal banking activities, cash withdrawal, tax evasion, complicity

For citation: Chernyshev D. B., Abrosimov S. E. Problems of criminal legal assessment of cashing out funds // Society, law, statehood: retrospect and prospect. 2024. No. 2 (18). P. 54–62. (In Russ.)

Введение

За последние годы в сфере предпринимательской деятельности наблюдается тен-

денция к расширению объема способов сокрытия доходов от налогообложения. С этой целью совершаются разнообразные финан-

© Чернышев Д. Б., Абросимов С. Е., 2024

совые операции, внешне неотличимые от правомерных, но преследующие противоправные цели – уклонение от уплаты налогов. В настоящем исследовании сделана попытка рассмотрения одного из наиболее распространенных методов – обналичивание денежных средств (т. н. «обнал»).

Рассматриваемой проблеме посвящено значительное количество исследований как в сфере уголовного права и криминалистики, так и в области экономики. Следует отметить работы Е. Л. Фесиной, Н. К. Нуриева [1], С. А. Соловьева [2], К. А. Ложеницына [3], Д. В. Новокшенова, А. А. Шапошникова [4], А. А. Адамова [5], и др.

Методы

При исследовании заявленной проблемы применялась совокупность общенаучных методов: анализ, обобщение, диалектика, а также частнонаучные методы: контент-анализ и сравнительно-правовой.

Результаты

Прежде всего следует определиться с содержанием рассматриваемого явления. В действующей редакции уголовного закона отсутствуют какие-либо нормы, предусматривающие ответственность непосредственно за обналичивание денежных средств. Соответственно, сформулировать легальное толкование данного определения и его признаков на основе правового анализа не представляется возможным. Термин «обналичивание» первоначально являлся сленговым и использовался для обозначения незаконных операций, связанных с получением наличных денег в различных формах, в дальнейшем был воспринят правоприменительной практикой, а затем и наукой уголовного права.

Так, преступные действия, связанные с переводом денежных средств из безналичной формы в наличную прямо называются обналичиванием в работах А. В. Тимофеева

[6], А. А. Бутенко [7], В. В. Лошкарева [8]. М. Мамаев еще в 2006 г. в своей статье отмечал, что термин «обналичивание» является «обиходным» [9]. Также рассматриваемое понятие употребляется судами в текстах приговоров по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. В качестве примера можно привести приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 21 февраля 2020 г. по обвинению А. Д. Санникова в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 173.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (1 эпизод), и ст. 187 УК РФ (19 эпизодов). Судом установлено, что подсудимый по просьбе неизвестного лица зарегистрировал на свое имя несколько юридических лиц, не имея намерения осуществлять предпринимательскую деятельность, после чего открыл в банковских учреждениях расчетные счета, получил электронные средства платежей (ключи электронной подписи), которые передал неизвестному за денежное вознаграждение. В описательной части приговора суд отмечает, что указанные электронные средства платежей в дальнейшем использовались для обналичивания денежных средств¹. Также рассматриваемый термин встречается в приговоре Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 22 июля 2020 г. в отношении А. Е. Донченко, Е. В. Пронькиной², Елецкого городского суда от 8 декабря 2014 г. в отношении А. Д. Биндарева³ и др.

Тем не менее законодатель опосредованно относит указанные действия, связанные с совершением незаконных операций, направленных на обналичивание денежных средств, к числу общественно опасных, криминализируя их в ст. 172 УК РФ.

Традиционно под обналичиванием принято понимать незаконные действия, осуществляемые руководителем, главным

¹ Уголовное дело № 1-31/2020 // Архив Йошкар-Олинского городского суда респ. Марий Эл. URL: //sudact.ru/regular/doc/6so9dzhRcAgN/ (дата обращения: 10.01.2024)

² Уголовное дело № 1-269/2020 // Архив Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону. URL: //sudact.ru/regular/doc/pU9OgM8AWWoN/ (дата обращения: 10.01.2024)

³ Уголовное дело № 1-263/2014 // Архив Елецкого городского суда Липецкой области. URL: //sudact.ru/regular/doc/59445v3LDngK/ (дата обращения: 10.01.2024)

бухгалтером и (или) иным сотрудником организации, которые направлены на фактический перевод безналичных денежных средств, размещенных на расчетном счету, в наличные. При этом денежные средства, предназначенные к обналличиванию, в ходе совершения финансовых операций смешиваются с легальными, в результате чего происходит их сокрытие от налогового учета. Вследствие этого достигается оптимизация налогообложения предприятия, денежные средства выводятся из-под контроля, осуществляемого государственными органами [10]. Одной из опасностей таких операций выступает то, что помимо денежных средств, образующихся в ходе легальной предпринимательской деятельности, с ними могут смешиваться доходы от преступной деятельности – торговли наркотиками, оружием и т. д. [11; 12].

Традиционно в уголовном праве при квалификации принято применять принцип субъективного вменения, то есть ставить квалификацию в зависимость от направленности умысла субъекта, его мотива и цели. Анализируя субъективную сторону действий лиц, являющихся заказчиками и исполнителями обналличивания денежных средств, можно отметить следующее. Целью является перевод финансовых активов из безналичной формы в наличную. При этом важным условием выступает возможность неотражения указанного поступления в бухгалтерской документации. Таким образом, субъект получает возможность распоряжаться денежными средствами своего предприятия без отражения операций в бухгалтерском учете, в том числе вне государственного финансового надзора. Рассматривая мотив подобных действий и отвечая на вопрос: зачем субъекту предпринимательской деятельности нужны неконтролируемые наличные денежные средства, можно отметить, что как правило, с их помощью работникам предприятия выплачивается «серая» заработная плата (т. н.

«зарплата в конверте») [13], осуществляются расчеты с подрядчиками и поставщиками [14] (при расчете наличными обычно делают значительные скидки, т. к. это также позволяет получить наличные, минуя бухгалтерский учет). Выплачивая «серую» заработную плату своим работникам, предприниматель избегает затрат на обязательные социальные и налоговые отчисления, составляющие значительную долю издержек. Также уменьшается официальный размер прибыли предприятия и, как следствие, налогооблагаемая база [15]. Наряду с этим может присутствовать такая мотивация, как жадность, алчность руководителя [16].

В ходе анализа ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» на первый взгляд может показаться, что она не имеет ничего общего с предметом настоящего исследования – обналличиванием денежных средств. Однако изучение судебных решений, выносимых по ст. 172 УК РФ, свидетельствует о том, что фактически по данной норме квалифицируются именно действия, направленные на перевод безналичных денежных средств в наличную форму. Наиболее типичную ситуацию можно описать следующим образом. Субъект либо использует поддельные документы о регистрации юридических лиц (подставные фирмы), либо самостоятельно, без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность, регистрирует компании (как правило, на подставных лиц) с целью незаконного открытия расчетных счетов в банковских учреждениях.

Следует уточнить, что противоправный характер действий, связанных с открытием расчетного счета при описанных обстоятельствах, вызван нарушением требований п. 6.2 Положения Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П¹, определяемым как несоответствие совершаемых с помощью расчетного счета сделок целям деятельности организации, а также совершение операций,

¹ О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : положение Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П. URL: <https://base.garant.ru/70162622/> (дата обращения: 10.01.2024)

целью которых может являться уклонение от обязательного контроля.

В дальнейшем субъект на протяжении длительного времени осуществляет финансовые операции путем перевода денежных средств между подконтрольными ему счетами. Последней операцией является вывод средств из безналичной формы в наличную (путем перечисления на корпоративные банковские карты, карты физических лиц, через банковские чеки либо путем «покупки наличных» у третьих лиц с дисконтом). Указанные действия формально содержат признаки банковских операций, совершенных с нарушением законодательства о банковской деятельности, в связи с чем верно квалифицируются по ст. 172 УК РФ.

В качестве примера можно привести обвинительный приговор Ленинского районного суда г. Томска, вынесенный по п.п. «а, б» ч. 2 ст. 172 УК РФ в отношении В. В. Шек 11 января 2021 г. Судом установлено, что подсудимый с использованием паспортных данных подставных лиц осуществлял регистрацию организаций и индивидуальных предпринимателей, после чего открывал от их имени расчетные счета в банках, подключенные к системе дистанционного банковского обслуживания. Имея доступ к указанным счетам, подсудимый систематически совершал незаконные банковские операции по осуществлению расчетов по поручению различных юридических лиц и физических лиц (индивидуальных предпринимателей), заинтересованных в обналичивании денежных средств. В приговоре суд особо отметил, что все незаконные банковские операции, совершаемые В. В. Шек, были осуществлены с целью обналичивания денежных средств и вывода их из-под государственного контроля. В качестве цели, которую преследовал подсудимый, суд отметил систематическое извлечение дохода в особо крупном размере, получаемого с клиентов в виде вознаграждения за обналичивание денежных средств в размере на менее

2 % от суммы перечисленных безналичных денежных средств.

Обращает внимание тот факт, что суды, вынося обвинительные приговоры по ст. 172 УК РФ в отношении лиц, организующих незаконный вывод денежных средств из безналичного оборота в наличную форму, и указывая в них на то, что подсудимые действуют в интересах третьих лиц, желающих вывести свои средства из-под государственного налогового контроля, тем не менее не дают правовой оценки конечным выгодоприобретателям незаконной банковской деятельности.

Так, 18 апреля 2017 г. Выборгским районным судом г. Санкт-Петербурга по п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ осужден О. Н. Стецун. Судом установлено, что подсудимый, не имея намерения осуществлять предпринимательскую деятельность, зарегистрировал на подставных лиц несколько организаций, открыл в банковских учреждениях расчетные счета. О. Н. Стецун с целью дальнейшего перевода денежных средств в наличную форму, действуя в интересах физических и юридических лиц, заинтересованных в сокрытии денежных средств от налогового и финансового контроля, перечислял их через расчетные счета подконтрольных ему (подсудимому) организаций по вымышленным основаниям за вознаграждение от 5 до 10 % от поступившей на соответствующий расчетный счет денежной суммы¹.

Таким образом, несмотря на различные непосредственные объекты уголовно-правовой охраны, наблюдается связь объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, с уклонением от уплаты налогов, ответственность за которое предусмотрена ст. 199 УК РФ. При этом суды указывают на осведомленность субъектов незаконной банковской деятельности об истинной цели получения их клиентами наличных денежных средств – сокрытия от учета и налогообложения. Соответственно, необходимо определить вид связи между

¹ Уголовное дело № 1-304/2017 // Архив Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга. URL: <https://vbr-spb.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.01.2024)

указанными действиями – прикосновенность либо соучастие.

Традиционно под прикосновенностью принято понимать сознательную деятельность человека, связанную с совершением иными лицами преступления (либо с уже совершенным преступлением), но не содействовавшая его совершению [17]. Однако в данном случае можно наблюдать очевидную зависимость совершения преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, от результатов незаконной банковской деятельности по обналичиванию денежных средств, а точнее встраивание механизма обналичивания в способ уклонения от уплаты налогов. Отмечаемая судами осведомленность субъекта незаконной банковской деятельности и направленности его усилий на достижение субъектом уклонения от уплаты налогов преступного результата в виде сокрытия денежных средств от налогообложения указывает на одну из форм соучастия.

В связи с изложенным полагаем, что имеет место пример преступного «разделения труда». Соответственно, правильным будет квалифицировать действия лиц, оказывающих услуги по обналичиванию денежных средств, при наличии к тому данных, указывающих на дальнейшее сокрытие от налогообложения, в качестве пособничества в уклонении от уплаты налогов.

Учитывая существующую акцессорную природу преступления, необходимо уточнить, что подобный подход к квалификации возможен лишь в случаях выявления конкретных фактов совершения преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ. Именно уклонение от уплаты налогов является первичным по отношению к незаконной банковской деятельности, которая выступает одним из выражений способа совершения указанного преступления.

Следует отметить, что обналичивание денежных средств содержит в себе сложный комплекс действий, включающих регистрацию большого количества организаций на подставных лиц, открытие подставными лицами расчетных счетов в банковских учреждениях, получение подставными лицами

средств платежей, позволяющих неправомерно осуществлять прием, перевод и выдачу денежных средств, передачу полученных средств платежей организатору указанной преступной деятельности, совершение финансовых операций в интересах физических и юридических лиц, заинтересованных в сокрытии денежных средств от налогового и финансового контроля, вывод денежных средств с расчетных счетов путем перевода их в наличную форму. Указанная деятельность связана с вовлечением в нее значительного числа лиц, не осведомленных об истинной конечной цели совершаемых ими действий, направленных в результате на вывод денежных средств из-под налогового контроля.

В существующей уголовно-правовой реальности различные этапы обналичивания квалифицируются в качестве самостоятельных преступлений. Так, действия, связанные с регистрацией организаций (т. н. «фирм-однодневок»), как правило, квалифицируются по признакам преступлений, предусмотренных ст. 173.1 УК РФ (в случае привлечения лица, осуществляющего регистрацию компаний на подставных лиц), а также ст. 173.2 УК РФ (в случае привлечения лиц, открывающих на свое имя компании, без цели осуществления предпринимательской деятельности). Действия, связанные с открытием расчетных счетов на «фирмы-однодневки», а также получением средств платежей, позволяющих неправомерно осуществлять прием, перевод и выдачу денежных средств, квалифицируются по ст. 187 УК РФ. Действия, связанные с совершением финансовых операций с денежными средствами, включая использование полученных неправомерным путем средств платежей, а также дальнейший их вывод из безналичной формы в наличную (также с использованием средств платежей), суды квалифицируют по признакам преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ. Как минимум два последних этапа (совершение банковских операций, перевод денежных средств из безналичной формы в наличную, квалифицируемые по ст. 172 УК РФ) предусматривают использо-

вание средств платежей. Как правило, это электронные средства и электронные носители информации, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств. Исходя из этого можно сделать вывод, что приобретение и сбыт указанных средств платежей (составляющих объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ) являются механизмом совершения иного преступления, а точнее – комплекса преступлений, направленных на достижение единой преступной цели, связанной с уклонением заинтересованных лиц от уплаты налогов и сборов.

Рассуждая об этапе создания «фирм-однодневок», квалифицируемом по ст.ст. 173.1, 173.2 УК РФ, необходимо отметить, что указанные нормы являются родственными по своему содержанию и объекту уголовно-правовой охраны и предусматривают ответственность за действия, связанные с организацией и занятием деятельностью, связанной с регистрацией юридических лиц для дальнейшего их использования в различных противоправных действиях, как правило, направленных на обналичивание денежных средств.

Так, ст. 173.1 УК РФ предусматривает ответственность для лиц, склоняющих иных лиц к регистрации на свое имя «фирм-однодневок». В качестве примера можно привести упомянутый ранее приговор Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону, вынесенный 22 июля 2020 г. в отношении А. Е. Донченко и Е. А. Пронькиной. Судом установлено, что подсудимые, действуя из корыстных побуждений, создавая условия для планирования осуществления незаконной банковской деятельности, неправомерного оборота средств платежей и незаконного образования (создания, реорганизации) юридических лиц через подставных лиц, подыскивали граждан, готовых за денежное вознаграждение

зарегистрировать на свое имя в налоговом органе компании. В дальнейшем по указанию подсудимых лица открывали расчетные счета от имени созданных таким образом юридических лиц, а полученные средства платежей (банковские карты, электронные средства, электронные носители информации) передавали Е. А. Донченко и Е. А. Пронькиной. Подсудимые, используя полученные средства платежей, осуществляли с их помощью неправомерные переводы и выдачу денежных средств. Также они создавали поддельные распоряжения о переводе денежных средств. Действия Е. А. Донченко и Е. А. Пронькиной квалифицированы судом по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 187, п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ¹.

Преступление, предусмотренное ст. 173.2 УК РФ, устанавливает ответственность для лиц, предоставляющих свои документы для организации (создания, регистрации) юридических лиц.

Так, 15 июля 2020 г. приговором Заводского районного суда г. Кемерово за совершение совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 173.2, ч. 1 ст. 187 УК РФ, осужден А. В. Рязанов. Судом установлено, что подсудимый по просьбе неизвестного лица предоставил свой паспорт гражданина Российской Федерации для регистрации в налоговом органе на свое имя юридического лица. После этого А. В. Рязанов открыл в банковском учреждении расчетный счет созданного юридического лица, подключенный к системе дистанционного банковского обслуживания, получил средства платежей для доступа к безналичным денежным средствам, размещенным на расчетном счете, и передал их неизвестному².

В приведенных приговорах судов мы видим пример правильной квалификации действий субъектов по совокупности фактически совершенных ими преступлений.

¹ Уголовное дело № 1-269/2020 // Архив Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону. URL: //sudact.ru/regular/doc/pU9OgM8AWWoN/ (дата обращения: 10.01.2024)

² Уголовное дело № 1-567/2020 // Архив Заводского районного суда г. Кемерово. URL: //sudact.ru/regular/doc/3JSASLA2f2Hc/ (дата обращения: 10.01.2024)

Возвращаясь к вопросу об уголовно-правовой квалификации действий, связанных с обналичиванием денежных средств, можно выделить два подхода к его решению.

Первый – формальный, согласно которому приведенный комплекс действий по созданию юридических лиц, получению и использованию средств платежей, совершению финансовых операций с денежными средствами является совокупностью самостоятельных составов преступлений (о чем свидетельствует сложившаяся судебная практика).

Второй подход предполагает, что главным преступлением в данном случае является именно обналичивание денежных средств, в настоящее время квалифицируемое по ст. 172 УК РФ. Все остальные преступления, совершаемые в ходе обналичивания денежных средств, являются лишь способом достижения главной цели – сокрытия их от налогового контроля. В связи с этим указанный комплекс действий следует квалифицировать как единое преступление. Несмотря на то, что действия, образующие объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, формально содержат в себе признаки преступлений, предусмотренных ст.ст. 173.1, 173.2, 187 УК РФ, однако анализ санкций указанных норм исключает возможность их поглощения незаконной банковской деятельностью. Так, максимальный размер наказания по ч. 1 ст. 172 УК РФ составляет 4 года лишения свободы, тогда как по ч. 1 ст. 173.1 УК РФ – 3 года, по ч. 1 ст. 173.2 УК РФ лишение свободы не предусмотрено, а по ч. 1 ст. 187 УК РФ максимальный размер наказания – 6 лет. Причем незаконная банковская деятельность потенциально может совершаться без фиктивной регистрации юридических лиц, но, как показывает судебная практика, при совершении финансовых операций всегда используются средства платежей. Также в качестве недостатка такого подхода следует отметить то, что не всегда лица, совершающие отдельные действия в процессе обналичивания денежных средств, объединены общим преступным умыслом, направленным на перевод их

из безналичной в наличную форму. В частности, лицо, регистрирующее за денежное вознаграждение на свое имя юридическое лицо, как правило, не осведомлено о том, какие именно банковские операции будут совершаться от имени данной организации.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Прежде всего, деятельность по обналичиванию денежных средств не является единым преступлением, а включает в себя ряд отдельных этапов, составляющих объективную сторону самостоятельных преступлений: ст.ст. 172, 173.1, 173.2, 187, 199 УК РФ. При этом лица, их совершающие (за исключением незаконной банковской деятельности и уклонения от уплаты налогов), не всегда осведомлены об общей направленности их совокупных усилий. При наличии такой осведомленности можно говорить в том числе о соучастии лиц, совершающих объективную сторону преступлений, предусмотренных ст.ст. 173.1, 173.2, 187 УК РФ, в осуществлении незаконной банковской деятельности, в связи с чем указанные действия следует дополнительно квалифицировать по ч. 5 ст. 33, ст. 172 УК РФ. В случае установления осведомленности лиц, совершающих преступления, предусмотренные ст.ст. 172, 173.1, 173.2, 187 УК РФ, об общей цели – уклонении от уплаты налогов их действия также следует дополнительно квалифицировать по ч. 5 ст. 33, ст. 199 УК РФ. Полагаем, что при выявлении признаков преступления, предусмотренного ст.ст. 173.1, 173.2 УК РФ, необходимо во всех случаях исследовать возможность совершения субъектами указанных преступлений, в том числе действий, связанных с неправомерным оборотом средств платежей как одного из способов обналичивания денежных средств и сокрытия их от налогового контроля, незаконной банковской деятельности, а также признаков пособничества в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 172, 199 УК РФ. Указанные действия необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 187 и ст.ст. 172, 173.1,

173.2 УК РФ. При этом даже в случае невозможности привлечения субъекта к уголовной ответственности за действия, связанные с фиктивной регистрацией юридических лиц по основаниям, предусмотренным ст. 78

УК РФ, необходимо давать правовую оценку отдельно обстоятельствам, связанным с совершением им преступления, связанного с неправомерным оборотом средств платежей [18].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фесина Е. Л., Нуриев Н. К. Подходы к моделированию бизнес-процесса по обналичиванию денежных средств // Вестник Казанского технологического университета. 2009. № 1. С. 213–218.
2. Соловьев С. А. Противодействие незаконному обналичиванию денежных средств, как структурный элемент экономической безопасности государства // Правовое поле современной экономики. 2013. № 10. С. 132–144.
3. Ложеницын К. А. Незаконное обналичивание денежных средств как угроза экономической безопасности банка // Наука через призму времени. 2019. № 3 (24). С. 22–25.
4. Новокшенов Д. В., Шапошников А. А. Проблема уголовно-правовой оценки обналичивания денежных средств через криптовалютные рынки // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2019. № 2 (7). С. 122–125.
5. Адамов А. А. Проблемы, связанные с расследованием незаконной банковской деятельности, включая незаконное обналичивание денежных средств // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2014. № 1 (123). С. 58–65.
6. Тимофеев А. В. Мнимая сделка как основной способ незаконного обналичивания денежных средств через платежные терминалы // Мир юридической науки. 2016. № 4-5. С. 47–51
7. Бутенко А. А. Незаконная деятельность по обналичиванию денежных средств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 3 (22). С. 30–33.
8. Лошкарёв В. В. Проблемы уголовно-правовой квалификации незаконного обналичивания денежных средств // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (72). С. 79–84
9. Мамаев М. Обналичивание денежных средств: уголовно-правовая оценка // Законность. 2006. № 3 (857). С. 38–40.
10. Баранов П. А. Обналичивание денежных средств: налоговая оптимизация или преступление? // Современный учетный. 2017. № 5. С. 388–391.
11. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем»: методические материалы / Ш. М. Магомедов, М. В. Каратаев. М., 2017. 70 с.
12. Гаврюшин Ю. Б., Дикарев В. Г. Проблемы противодействия легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков // Научный компонент. 2019. № 2 (2). С. 14–22.
13. Козина Е. В. Дисциплина выплаты заработной платы (по спорам о серой заработной плате) // Вопросы трудового права. 2023. № 4. С. 208–213.
14. Мусаева Б. М. Некоторые аспекты осуществления денежных расчетов компании // Деловой вестник предпринимателя. 2022. № 7 (1). С. 152–155.
15. Валькович О. Н. Захарова Л. Н. «Серые» схемы выплаты заработной платы и как с ними бороться // Экономика устойчивого развития. 2016. № 1 (25). С. 62–67.
16. Попкова Е. Г., Иншакова А. О., Гончарова М. В. Трансформация безналичных денег в банкноты: спрос, предложение, субъективная сторона преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 3. С. 366–374.
17. Наумов А. В. Уголовный кодекс Российской Федерации. Историко-филологический и доктринальный (научный) комментарий. Общая часть. М., Проспект, 2021.
18. Чернышев Д. Б. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ в совокупности со ст. 173 УК РФ. Уголовное право. 2022. № 10 (146). С. 56–63.

REFERENCES

1. Fesina E. L., Nuriev N. K. Approaches to modeling the business process of cash withdrawal // Bulletin of the Kazan Technological University. 2009. No. 1. P. 213–218. (In Russ.)

2. Solovyov S. A. Countering illegal cash withdrawal as a structural element of the economic security of the state // The legal field of the modern economy. 2013. No. 10. P. 132–144. (In Russ.)
3. Lozhenitsyn K. A. Illegal cash withdrawal as a threat to the economic security of the bank // Science through the prism of time. 2019. No. 3 (24). P. 22–25. (In Russ.)
4. Novokshenov D. V., Shaposhnikov A. A. The problem of criminal legal assessment of cash withdrawal through cryptocurrency markets // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2019. No. 2 (7). P. 122–125. (In Russ.)
5. Adamov A. A. Problems related to the investigation of illegal banking activities, including illegal cash withdrawal // Scientific notes of the Russian State Social University. 2014. № 1 (123). P. 58–65. (In Russ.)
6. Timofeev A. V. Imaginary transaction as the main method of illegal cash withdrawal through payment terminals // The world of legal science. 2016. No. 4-5. P. 47–51. (In Russ.)
7. Butenko A. A. Illegal cash-out activities // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 3 (22). P. 30–33. (In Russ.)
8. Loshkarev V. V. Problems of criminal law qualification of illegal cash withdrawal // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2019. No. 4 (72). P. 79–84. (In Russ.)
9. Mamaev M. Cashing out of funds: a criminal legal assessment // Legality. 2006. No. 3 (857). P. 38–40. (In Russ.)
10. Baranov P. A. Cash withdrawal: tax optimization or crime? // Modern accounting. 2017. No. 5. P. 388–391. (In Russ.)
11. Countering the legalization (laundering) of proceeds from crime : methodological materials / Sh. M. Magomedov, M. V. Karataev. M., 2017. 70 p. (In Russ.)
12. Gavryushin Yu. B., Dikarev V. G. Problems of countering the legalization of income derived from drug trafficking // Scientific component. 2019. No. 2 (2). P. 14–22. (In Russ.)
13. Kozina E. V. Discipline of payment of wages (on disputes about gray wages) // Questions of labor law. 2023. No. 4. P. 208–213. (In Russ.)
14. Musaeva B. M. Some aspects of the company's cash settlements // Business bulletin of the entrepreneur. 2022. No. 7 (1). P. 152–155. (In Russ.)
15. Valkovich O. N., Zakharova L. N. «Gray» wage payment schemes and how to deal with them // The economics of sustainable development. 2016. No. 1 (25). P. 62–67. (In Russ.)
16. Popkova E. G., Inshakova A. O., Goncharova M. V. Transformation of non-cash money into banknotes: demand, supply, the subjective side of crime // All-Russian Journal of Criminology. 2018 vol. 12, No. 3. P. 366–374. (In Russ.)
17. Naumov A. V. Criminal Code of the Russian Federation. Historical-philological and doctrinal (scientific) commentary. General part. M., Prospect, 2021. (In Russ.)
18. Chernyshev D. B. Problems of qualification of the crime provided for in Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation in conjunction with Article 173 of the Criminal Code of the Russian Federation. Criminal law. 2022. No. 10 (146). P. 56–63. (In Russ.)

Информация об авторах:

Чернышев Д. Б. – кандидат юридических наук;
Абросимов С. Е. – без ученой степени.

Information about the authors:

Chernyshev D. B. – Candidate of Law;
Abrosimov S. E. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 21.07.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 21.07.2023; approved after reviewing 29.05.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 343.123.51-028.27(470)

Иван Викторович Шепелин
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, ivsh2024@rambler.ru

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ
ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЫ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБРАЩЕНИЙ
В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

Аннотация. В работе автором проведен анализ проблем правового регулирования и практики правоприменения электронной формы уголовно-процессуальных обращений в досудебном производстве с учетом последних изменений законодательства. Сделан вывод о том, что в настоящее время в законе недостаточно процессуальных гарантий подачи обращения надлежащим субъектом, а также подлинности как самого обращения, так и информации, содержащейся в нем. Внедрение электронной формы обращений в уголовное судопроизводство требует решения образовательно-воспитательных проблем, связанных с повышением уровня компетенции уполномоченных лиц. Выявлена тенденция, которая характеризуется тем, что при повышении популярности подачи обращений через сеть Интернет их качество снижается, а содержащаяся в них информация, как правило, реальной действительности не соответствует. Предложены меры как законодательного, так и практического характера, направленные на решение выявленных проблем.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное обращение, электронная форма, ходатайство, жалоба, документ в электронном виде, процессуальные гарантии, электронная подпись, заявление о преступлении, уголовно-процессуальный закон

Для цитирования: Шепелин И. В. Проблемы правового регулирования и практики правоприменения электронной формы уголовно-процессуальных обращений в досудебном производстве // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 63–72.

Original article

Ivan V. Shepelin
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, ivsh2024@rambler.ru

**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND PRACTICE
OF LAW ENFORCEMENT OF THE ELECTRONIC FORM
OF CRIMINAL PROCEDURAL APPEALS
IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS**

Abstract. The article analyzes the problems of legal regulation and practice of law enforcement of the electronic form of criminal procedure appeals in pre-trial proceedings, taking into account the latest legislative changes. It is concluded that at present the law does not provide enough procedural guarantees for filing an appeal by the appropriate subject, as well as the authenticity of both the appeal itself and the information contained in it. The introduction of an electronic form of appeals in criminal proceedings requires solving educational problems related to increasing the level of competence of authorized persons. A trend has been identified, which is characterized by the fact that with increasing popularity of submitting applications via the Internet, their quality decreases, and the information contained in them, as a rule, does not correspond to reality. Measures of both legislative and practical nature aimed at solving the identified problems are proposed.

© Шепелин И. В., 2024

Keywords: criminal procedure appeal, electronic form, petition, complaint, document in electronic form, procedural guarantees, electronic signature, statement of a crime, criminal procedure law

For citation: Shepelin I. V. Problems of legal regulation and practice of law enforcement of the electronic form of criminal procedure appeals in pre-trial proceedings // Society, law, statehood: a retrospective and perspective. 2024. No. 2 (18). P. 63–72. (In Russ.)

Введение

Существенное влияние научно-технического прогресса на преступность, средства противодействия ей [1], а также развитие законодательства, регламентирующего порядок установления обстоятельств преступления и лица, виновного в его совершении, в науке в настоящее время не оспаривается никем, более того, порой предложения исследователей даже несколько опережают реальное состояние развития современных технологий [2]. Нельзя не согласиться с тем, что «с развитием информационных технологий уголовное судопроизводство приобретает невероятные возможности, которые необходимо использовать не только для повышения эффективности процессуальной деятельности, но и для надлежащего обеспечения прав его участников» [3, с. 189]. При этом следует учитывать, что внедрение достижений научно-технического прогресса в уголовно-процессуальную деятельность требует выверенного правового регулирования, чтобы не навредить тем правовым институтам, которые функционируют пусть и в несколько архаичном для современного уровня технологического развития виде. Одним из таких правовых институтов выступает институт уголовно-процессуальных обращений, цифровизация которого до определенного момента затрагивала исключительно судебные стадии уголовного судопроизводства.

Методы

Применительно к проблематике использован следующий комплекс методов исследования:

– диалектический метод познания (как один из основных методов рассмотрения особенностей направления уголовно-процессуальных обращений в различных формах, а также изучения соотношения имеющихся в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ)

процессуальных порядков с теми, которые были реализованы в уголовно-процессуальном законе ранее);

– метод моделирования (при изучении того, как повлияет на теорию и правоприменительную практику введение цифровой формы обращений на досудебном производстве);

– формально-юридический метод (при выявлении особенностей построения правовых конструкций в уголовно-процессуальных нормах, предусматривающих правовую регламентацию направления обращений в различных формах);

– статистический метод (при сборе и анализе статистических данных, касающихся темы исследования).

Указанные и некоторые другие методы исследования позволили наиболее полно изучить проблему правового регулирования и практики правоприменения электронной формы уголовно-процессуальных обращений в досудебном производстве с учетом последних изменений законодательства.

Результаты

По результатам проведенного анализа действующего правового регулирования, а также правоприменительной практики электронной формы уголовно-процессуальных обращений в досудебном производстве представляется возможным сделать некоторые выводы, высказать ряд предложений.

1. В настоящее время развитие правового регулирования электронной формы уголовно-процессуальных обращений в досудебном производстве должно развиваться в направлении повышения процессуальных гарантий проверки подлинности документов, прилагаемых к обращению, а также электронной подписи; защиты от подачи обращений и документов к ним, содержащих недостоверную информацию; установления обстоятельств о том надлежащим ли субъектом подано обращение; выяснения инфор-

мации о том осознает ли лицо, подающее обращение, характер своих действий и последствия рассмотрения обращения.

2. В настоящее время закон не запрещает передавать кому-либо материальный носитель усиленной квалифицированной электронной подписи. Такой подход в уголовном судопроизводстве, где права, обязанности и ответственность непосредственно связаны с личностью участника правоотношений, недопустим. В связи с этим в практической деятельности лицо, осуществляющее предварительное расследование, обязано проверить, поданы ли обращение и документы именно тем лицом, чья подпись стоит в них. Необходимо предусмотреть в УПК РФ дополнительный срок рассмотрения обращений, направленных в электронной форме, для обеспечения возможности уполномоченного должностного лица осуществить проверку подлинности прилагаемых к обращению документов.

3. С введением электронной формы обращений бюрократическая нагрузка на уполномоченных должностных лиц не уменьшилась, что снижает эффективность новых форм подачи обращений и требует принятия более активных действий по введению электронной части уголовного дела, чтобы исключить перевод электронных обращений в бумажный вид.

4. Внедрение электронной формы обращений в уголовное судопроизводство требует решения образовательно-воспитательных проблем, связанных с повышением уровня компетенции уполномоченных лиц (следователя, дознавателя, прокурора, судьи), а также иных участников уголовного судопроизводства.

5. Выявлена тенденция, которая характеризуется тем, что при повышении популярности подачи обращений через сеть Интернет их качество снижается, а содержащаяся в них информация, как правило, реальной действительности не соответствует.

6. Подача заявления о преступлении в электронной форме требует исключительно организационно-технических решений по идентификации заявителя, предупреждению его об ответственности, что повлечет повышение степени достоверности информации, которая сообщается. В той форме, в которой интернет-обращения на сайтах ведомств существуют в настоящее время, они не могут быть приравнены к сообщениям о преступлениях.

Обсуждение

Особую актуальность правовое регулирование работы с электронными обращениями в досудебном производстве приобрело в связи с принятием Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹, которым в УПК РФ была введена ст. 474.2, расширяющая возможности подачи жалоб, заявлений, требований и ходатайств прокурору, следователю, руководителю следственного органа, в орган дознания, дознавателю в форме электронного документа. Между тем обозначенная новелла породила не меньше вопросов, чем новых возможностей. Как верно в связи с этим предостерегал А. В. Победкин: «Осторожно следует оцифровывать процессы взаимодействия властных субъектов с невластными участниками уголовного судопроизводства» [4, с. 229].

Так, законодатель ввел новое для уголовно-процессуального закона понятие «документ в электронном виде», которое исходя из буквального толкования ч. 1 и ч. 4 ст. 474.2 УПК РФ включает в себя «электронный документ». Здесь законодатель продолжает реализацию подхода, который был концептуализирован в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ // Доступ справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

общей юрисдикции и арбитражных судов»¹, где в совокупность понятия «документ в электронном виде» были включены электронный образ документа и электронный документ. И если первый представляет собой электронную копию документа, изготовленного на бумажном носителе, то второй – его изначальное создание в электронной форме с электронной подписью.

Как представляется, «гибкость» законодателя следует только поприветствовать, действительно, какой смысл подавать жалобу или ходатайство, если в обосновании своей позиции нельзя приложить к ней документы, подтверждающие информацию, изложенную в том или ином обращении. Однако такая «гибкость» неизбежно влечет вопрос о проверке подлинности электронного образа документа, который прилагается к обращению. Более того, даже если у уполномоченного должностного лица органа предварительного расследования возникнет сомнение в подлинности, то объективно установить факт подделки документа будет проблематично, поскольку, как отмечается в судебной практике и признается специалистами, «электрофотографические копии являются ограниченно пригодным объектом для почерковедческого исследования, что обусловлено возможными искажениями при изготовлении данных копий» [5]. Таким образом, в настоящий момент не исключается направление вместе с обращением, предусмотренным ч. 1 ст. 474.2 УПК РФ, документов, содержащих недостоверную информацию.

В связи с этим закон должен содержать процессуальные гарантии защиты от подобных действий участников уголовного судопроизводства. Одной из таких гарантий могло бы стать увеличение срока принятия решения по жалобе и ходатайству в случае, если у следователя (дознателя) имеются обоснованные сомнения в подлин-

ности приложенных к ним документов. Для устранения этих сомнений уполномоченное должностное лицо должно иметь время в том числе и для проверки подлинности посредством проведения исследования или консультации со специалистом (назначение судебной экспертизы вряд ли можно считать целесообразным с учетом длительных сроков ее проведения [6]). При этом срок не может быть неограниченным, поскольку необходимо обеспечить реализацию права граждан на обжалование и защиту своих прав и права на разумный срок уголовного судопроизводства. В связи с этим возможность продления срока рассмотрения жалобы до 10 суток (ч. 1 ст. 124 УПК РФ) следует распространить и на рассмотрение ходатайства, при необходимости истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры для его разрешения, а также устранения сомнений в подлинности документов, к нему приложенных.

Вместе с введением в уголовное судопроизводство обращений в форме электронного документа в УПК РФ появилась возможность подписывать документ посредством электронной подписи. В настоящее время ст. 74.2 УПК РФ предусматривает подписание документов следующими видами подписи: усиленной квалифицированной электронной подписью (далее – УКЭП) и простой электронной подписью (далее – ПЭП).

Использовать ПЭП возможно при заявлении ходатайства об ознакомлении с материалами уголовного дела, получении копий процессуальных документов, участия в следственных и иных процессуальных действиях (ч. 2 ст. 474.2 УПК РФ), во всех остальных случаях документы должны быть удостоверены УКЭП. Такой подход законодателя, видимо, связан с тем, что ПЭП подтверждает: подписан ли документ определенным лицом, но не гарантирует того, что в документ не были внесены изменения после

¹ О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 // Российская газета. № 297. 29.12.2017.

его подписания¹, а в предусмотренных в ч. 2 ст. 474.2 УПК РФ случаях значение имеет не содержание ходатайства (требование, в нем содержащееся, можно будет подтвердить уже при назначении времени ознакомления или проведения следственного действия), а правомочие на его заявление соответствующим субъектом. В свою очередь, отличие ПЭП от УКЭП в том, что УКЭП создается с помощью криптографии, состоит из зашифрованного набора символов и позволяет определить, кто подписал электронный документ, и проверить, вносились ли в него после подписания изменения (п.п. 2, 3 ч. 4 ст. 5 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 3-ФЗ «Об электронной подписи»² (далее – ФЗ «Об электронной подписи»)). Ключ проверки УКЭП указывается в квалифицированном сертификате, который могут создать только в аккредитованном удостоверяющем центре, а форма и содержание сертификата строго регламентированы законом и требованиями ФСБ России (ч. 1, 2, 4 ст. 17 ФЗ «Об электронной подписи», Приказ ФСБ России от 27 декабря 2011 г. № 795³). С учетом того, что для правоприменителя одинаково важны как содержание жалобы, заявления, ходатайства, приложенных документов, так и подтверждение личности обращающегося, законодатель предусмотрел в ч. 1 ст. 474.2 УПК РФ требование о подписании данных документов УКЭП. Такими требованиями законодатель повышает гарантии подлинности документа, подачи его надлежащим субъектом, защиты от изменений третьими лицами.

Однако насколько эти гарантии реальны? Так, проблемы использования электронной подписи надлежащим субъектом при наличии полномочий на подписание

документа, а также добровольный и сознательный характер и последствия своих действий одинаково присущи как для ПЭП, так и для УКЭП. При этом Верховным Судом Российской Федерации отмечается, что обязанность по недопущению использования ключа электронной подписи без согласия возлагается на его владельца, а не на третьих лиц⁴. Кроме того, по смыслу закона при согласии владельца УКЭП может быть использована третьими лицами, то есть закон не запрещает передавать кому-либо материальный носитель УКЭП (ст. 10 ФЗ «Об электронной подписи»). Такой подход в уголовном судопроизводстве, где права, обязанности и ответственность непосредственно связаны с личностью участника правоотношений, представляется недопустимым. Как верно отмечают специалисты, ФЗ «Об электронной подписи», создающий правовую основу для цифровой подписи, больше ориентирован на массовость, чем на безопасность электронной подписи; в нем отсутствует механизм регулирования, направленный на поддержание долговременной юридической значимости электронных документов [7, с. 87; 8]. Таким образом, риски использования электронной подписи ненадлежащим субъектом остаются высокими, а обязанность по проверке того, поданы ли документы именно тем лицом, чья подпись стоит в соответствующих документах, полностью ложится на лицо, осуществляющее предварительное расследование, что неизбежно приведет к увеличению времени на рассмотрение обращения, а также дополнительной нагрузке на должностное лицо.

В настоящее время опыт использования электронных обращений в ходе судебного производства демонстрирует, что докумен-

¹ Единый портал государственных и муниципальных услуг. URL: <https://www.gosuslugi.ru/help/faq/esignature/119110> (дата обращения: 12.02.2024).

² Об электронной подписи : федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // Российская газета. № 75. 08.04.2011.

³ Об утверждении Требований к форме квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи : приказ ФСБ России от 27 декабря 2011 г. № 795 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 16. 16.04.2012.

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2019 г. № 42-КГ18-8 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ты, поданные в электронном виде, распечатывают и вместе с результатами проверки УКЭП приобщают к материалам дела¹. Таким образом, бюрократическая нагрузка на уполномоченных должностных лиц растет, что, безусловно, снижает эффективность вводимых механизмов.

Кроме того, такие ходатайства, как, например, о приобщении предметов, документов в качестве доказательств к материалам уголовного дела, а также о надлежном статусе потерпевшего или об избрании меры пресечения в виде залога, имеют существенные последствия для процессуального положения участника уголовного судопроизводства, влияют на качество установления обстоятельств по уголовному делу. Без реализации своего права на ходатайство, без активности заявителя в обозначенных случаях реализация его законного интереса может быть в принципе невозможна [8, с. 374]. В связи с этим в настоящее время рассмотрение любого подобного ходатайства должно сопровождаться проверкой не только достоверности в нем изложенных сведений и обоснованности его заявления, но и выяснением обстоятельств о подлинности УКЭП, о надлежащем субъекте подачи, а также осознает ли он суть заявленного ходатайства и последствия его удовлетворения, обладает ли полномочиями, если действует по поручению заинтересованного лица. Кроме того, опыт применения ст. 474.1 УПК РФ демонстрирует, что участники уголовного судопроизводства испытывают трудности при выборе

правильного вида электронной подписи в ходе направления обращений. Так, анализ судебной практики показывает, что имеют место факты подачи документов, неподписанных УКЭП² или УКЭП, срок действия которой уже истек³, а в некоторых случаях отличить ПЭП от УКЭП не могут и судьи⁴. В связи с этим, помимо технических и правовых проблем при внедрении электронной формы обращений в уголовное судопроизводство, необходимо решать еще и образовательно-воспитательные проблемы [9, с. 207], повышать уровень компетенции уполномоченных лиц (следователя, дознавателя, прокурора, судьи), а также иных участников уголовного судопроизводства.

Самостоятельную проблему представляет порядок подачи обращений в компетентный орган. Так, в ч. 4 ст. 474.2 УПК РФ законодатель делегирует полномочия по правовому регулированию порядка подачи процессуальных обращений соответствующим ведомствам, тем самым перенося этот вопрос на уровень подзаконных актов. Именно на этом уровне правового регулирования данный вопрос существовал до внесения изменений в УПК РФ. Видимо, законодатель посчитал такой опыт успешным. Так, в настоящее время в Следственном комитете Российской Федерации данный вопрос урегулирован в Инструкции по рассмотрению поступающих в Следственный комитет Российской Федерации заявлений, обращений, жалоб и иной информации (за исключением содержащих сообщения о преступлениях), а также по приему граждан⁵; в

¹ Цыгал М. Электронная подпись: проблемы правового обеспечения. Способы защиты в суде // *Zakon.ru*. URL: https://zakon.ru/blog/2019/10/22/elektronnaya_podpis_problemy_pravovogo_obespecheniya_sposoby_zaschity_v_sude (дата обращения: 11.02.2024)

² Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 30 ноября 2023 г. по делу № 22-3086/2023 // Доступ из справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 14 августа 2023 г. по делу № 22К-1503/2023 // Доступ из справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 9 ноября 2023 г. по делу № 22-7636/2023 // Доступ из справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении Инструкции по рассмотрению поступающих в Следственный комитет Российской Федерации заявлений, обращений, жалоб и иной информации (за исключением содержащих сообщения о преступлениях), а также по приему граждан : приказ Следственного комитета Российской Федерации от 4 декабря 2023 г. № 159 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401220010> (дата обращения: 11.02.2024).

ФСБ России – Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан Российской Федерации в органах федеральной службы безопасности¹; в МВД России – Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации². При этом в правоприменительной практике возникают вопросы относительно того, допустим ли порядок приема обращений через «интернет-приемные» различных ведомств для подачи жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ. Так, О. В. Химичева, О. А. Мотякова, анализируя судебную практику Тверского районного суда г. Москвы и Московского городского суда, указывают: «Вывод суда, что уголовно-процессуальный закон не предусматривает подачи следователю ходатайства в электронной форме, и следователь не должен его рассматривать, не основан на законе» [10, с. 26]. Таким образом, Московский городской суд признал допустимой жалобу следователю, поданную через интернет-сайт органа внутренних дел. Между тем вопросов с достоверным установлением личности обращающегося такой подход не снимает.

В настоящее время внесудебный порядок подачи обращений в электронной форме реализуется посредством формы на интернет-сайтах различных ведомств, которые рассматриваются в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»³. Согласно статистике ГИАЦ МВД России за 5 лет отмечается рост числа интернет-обращений, поступивших в ОВД. Если в 2019 году их поступило 23 346, то в 2020 – 25 046, в 2021 – 32 157, в 2022 – 33 757, а в 2023 – 36 579.

Таким образом, за 5 лет их количество увеличилось на 30 %. При этом качество обращений демонстрирует обратную тенденцию и ежегодно снижается: в 2019 году информация подтвердилась лишь по 2 205 поступившим обращениям, в 2020 году при росте количества интернет-обращений информация была подтверждена только в 1 732 случаях, в 2021 – в 1 278, а в 2022 – 1 225, в 2023 – 1 298⁴. В результате в настоящее время лишь 3 % всех обращений содержат информацию, соответствующую действительности и требующую реакции органов внутренних дел. Таким образом, основная тенденция, которую можно обозначить, состоит в том, что при повышении популярности подачи обращений через Интернет их качество снижается, а содержащаяся в них информация, как правило, реальной действительности не соответствует. В связи с этим оправданным выглядит решение законодателя не распространять порядок подачи заявлений в форме электронного документа на заявление о преступлении (ст. 141 УПК РФ), однако такие механизмы должны быть реализованы в будущем [11; 12].

Во-первых, подача такого заявления требует его рассмотрения в порядке ст. 144 УПК РФ, которая, несмотря на существенные ограничения, все же предусматривает возможность уполномоченным должностным лицом совершать действия, имеющие принудительный характер (получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, требований о производстве документальных проверок, ревизий, осмотр места происшествия и т. д.).

Во-вторых, ст. 141 УПК РФ в ч. 6 предусматривает обязательное предупреждение заявителя об уголовной ответственности

¹ Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан Российской Федерации в органах федеральной службы безопасности : приказ ФСБ России от 30 августа 2013 г. № 463 // Российская газета. № 273. 04.12.2013.

² Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 (ред. от 01.12.2016) // Российская газета. № 9. 17.01.2014.

³ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Российская газета. № 95. 05.05.2006.

⁴ Отчет о результатах работы органов внутренних дел по обеспечению учетно-регистрационной дисциплины за период с 2019 по 2023 год. По данным ГИАЦ МВД России.

за заведомо ложный донос. Выполнение данного требования при подаче обращения посредством сети Интернет в настоящее время невозможно, поскольку применение технических средств, позволяющих точно идентифицировать субъект подачи обращения, затруднено. Несмотря на позицию некоторых ученых о том, что положения ст. 306 УК РФ «не предусматривают в качестве обязательного условия наступления уголовной ответственности предварительное предупреждение о возможности ее наступления» [13, с. 13], представляется исключение из УПК РФ правила о необходимости предупреждения об уголовной ответственности недопустимым, что подтверждается и судебной практикой¹. Это обусловлено тем, что заявитель не является профессиональным участником уголовного судопроизводства, а это, в свою очередь, порождает обязанность у профессиональных участников (следователя, дознавателя) обеспечить понятность требований уголовно-процессуального закона, предсказуемость последствий правомерного и неправомерного поведения непрофессионального участника. Кроме того, предупреждение об уголовной ответственности за заведомо ложный донос оказывает и психологическое воздействие на заявителя, что снижает риски сообщения в уполномоченный орган недостоверной информации о происшествии. Так, за 2022 год было зарегистрировано всего 2 150 преступлений по ст. 306 УК РФ, что, очевидно, существенно ниже количества интернет-обращений, информация по которым не подтвердилась.

Таким образом, подача заявления о преступлении в электронной форме требует исключительно организационно-технических решений по идентификации заявителя, предупреждения его об ответственности, что повлечет и повышение степени достоверности информации, которая сообщается. В той форме, в которой интернет-обращения

на сайтах ведомств существуют сейчас, они не могут быть приравнены к сообщениям о преступлениях.

Кроме того, в ч. 2 ст. 474.2 УПК РФ законодатель предусмотрел возможность для каждого из ведомств определить требования к форматам ходатайства, заявления, жалобы, представления, требования. Между тем в УПК РФ такая терминологическая конструкция, как «формат процессуального документа», прежде не использовалась. Представляется, если руководствоваться лексическим значением слова «формат», то речь в данном случае идет о внешнем виде соответствующего процессуального документа. Прежде закон не устанавливал требований к внешнему виду ходатайства, заявления, жалобы, что представляет собой дополнительные требования, адресованные участникам уголовного судопроизводства, которые они должны будут соблюсти, чтобы в принятии жалобы не было отказано ввиду несоответствия формата. При этом уполномоченным органам государственной власти в этой части придется внести дополнения в соответствующие Инструкции (или принять новые), где необходимо определить требования к формату различных видов обращений.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что в настоящее время в законе недостаточно процессуальных гарантий подачи обращения надлежащим субъектом, а также подлинности как самого обращения, так и информации, содержащейся в нем. Внедрение электронной формы обращений в уголовное судопроизводство требует решения образовательно-воспитательных проблем, связанных с повышением уровня компетенции уполномоченных лиц. При этом законодателем выбран правильный вектор на цифровизацию досудебного производства в наименее «конфликтных» [14, с. 108] сферах уголовно-процессуального регулирования. Однако внедрение цифровых технологий

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 // Российская газета. № 145. 07.07.2022.

должно сопровождаться параллельным развитием системы процессуальных гарантий, которые предохраняют от ошибок на этом пути и позволяют эффективно обеспечивать

задачи правосудия, а также защищать права и законные интересы личности в уголовном судопроизводстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пушкарев В. В., Терехов А. Ю. Преступления с использованием криптовалюты: актуальные вопросы уголовного преследования // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33). С. 122–127.
2. Цветков Ю. А. Инквизиционный процесс: версия 2.0 (цифровая инквизиция) // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 21–28.
3. Мичурина О. В. От бумажного к электронному документообороту: российский уголовный процесс в русле современных мировых тенденций // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 194–200.
4. Победкин А. В. Заменит ли цифра «храм» или от каких задач уголовного процесса придется отказаться? // Legaltech: научные решения для профессиональной юридической деятельности : сборник докладов IX Московского юридического форума: в 4 ч. XXI Международная научно-практическая конференция. Часть 3. М. : Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 228–233.
5. Булгаков С. Н. Почерковедческая экспертиза // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс», 2021.
6. Перякина М. П., Аверинская С. А., Щуров Е. А. К вопросу о сроках производства судебных экспертиз по уголовным делам // Вестник экономической безопасности. 2017. №4. С. 176–181.
7. Лихачева Е. Ю. Электронная подпись: опыт использования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 3. С. 81–87.
8. Максимов О. А. Место ходатайств и жалоб в современном уголовном процессе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 372–392.
9. Победкин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права : монография. М. : Юрлитинформ, 2013. 243 с.
10. Химичева О. В., Мотякова О. А. Электронная жалоба в досудебном уголовном производстве // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 124–128.
11. Мичурина О. В. Обеспечение уголовно-процессуальной деятельности информационными технологиями // Противодействие преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий : сборник научных трудов / сост. А. В. Константинов. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. С. 117–121.
12. Мичурина О. В. Информатизация предварительного расследования в контексте обеспечения прав его участников: риски и возможности // Развитие современных информационных технологий и их влияние на состояние преступности (проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений) : сборник материалов Всероссийского круглого стола / под общей редакцией А. В. Мироновой, О. Н. Лавровой. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. С. 161–165.
13. Сумин А. А. Актуальные проблемы рассмотрения сообщений о преступлениях: учебное пособие. М., 2014. 73 с.
14. Панфилов П. О. Изменение уголовно-процессуального закона, вызванное цифровизацией экономических отношений: реальность и потребность // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 106–109.

REFERENCES

1. Pushkarev V. V., Terekhov A. Yu. Crimes using cryptocurrency: topical issues of criminal prosecution // Altai Legal Bulletin. 2021. No. 1 (33). P. 122–127. (In Russ.)
2. Tsvetkov Yu. A. Inquisitorial process: version 2.0 (digital inquisition) // Criminal proceedings. 2023. No. 1. P. 21–28. (In Russ.)

3. Michurina O. V. From paper to electronic document management: the Russian criminal process in line with modern world trends // Criminal proceedings of Russia and foreign countries: problems and prospects of development: Materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. P. 194–200. (In Russ.)

4. Pobedkin A. V. Will the figure “temple” replace, or what tasks of the criminal process will have to be abandoned? // Legaltech: scientific solutions for professional legal activity : collection of reports of the IX Moscow Legal Forum: at 4 a.m. XXI International Scientific and Practical Conference. Part 3. M. : Publishing Center of the O.E. Kutafin University (MGUA), 2022. P. 228–233. (In Russ.)

5. Bulgakov S. N. Handwriting expertise // RLS “ConsultantPlus”, 2024. (In Russ.)

6. Peryakina M. P., Averinskaya S. A., Shchurov E. A. On the issue of the timing of judicial examinations in criminal cases // Bulletin of Economic Security. 2017. No. 4. P. 176–181. (In Russ.)

7. Likhacheva E. Yu. Electronic signature: experience of use // Bulletin of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation. 2022. No. 3. P. 81–87. (In Russ.)

8. Maksimov O. A. The place of petitions and complaints in the modern criminal process // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2021. Issue 52. P. 372–392. (In Russ.)

9. Pobedkin A. V. Criminal procedure: a state outside the law: monograph. M. : Yurlitinform, 2013. 243 p. (In Russ.)

10. Khimicheva O. V., Motyakova O. A. Electronic complaint in pre-trial criminal proceedings // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4. P. 124–128. (In Russ.)

11. Michurina O. V. Ensuring criminal procedural activity with information technologies // Countering crimes in the field of information and telecommunication technologies : collection of scientific papers, Moscow, March 30, 2023 / comp. A. V. Konstantinov. M. : V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. P. 117–121. (In Russ.)

12. Michurina O. V. Informatization of preliminary investigation in the context of ensuring the rights of its participants: risks and opportunities // Development of modern information technologies and their impact on crime (problems of prevention, disclosure and investigation of crimes) : Collection of materials of the All-Russian round table, Moscow, March 16, 2023 / Under the general editorship of A. V. Mironova, O. N. Lavrova. M. : V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. P. 161–165. (In Russ.)

13. Sumin A. A. Actual problems of consideration of reports of crimes : textbook. M., 2014. 73 p. (In Russ.)

14. Panfilov P. O. The change in the criminal procedure law caused by the digitalization of economic relations: reality and need // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. P. 106–109. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; одобрена после рецензирования 01.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 14.02.2024; approved after reviewing 01.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 336.747.5:004.6(470)

Айгуль Калашовна Мухамадиярова
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, ai_mukhamad@rambler.ru

ВНЕДРЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В РОССИИ

Аннотация. В статье изучены разновидности национальной валюты России и предпосылки их развития. Проведен анализ объемов наличных и безналичных платежей и их доли в розничном товарообороте, изучены их положительные и отрицательные стороны. Исследуются предпосылки появления цифровой валюты и актуальность ее введения в рамках действующей экономической обстановки. Изучена нормативная правовая база для использования цифровых денег в России. Выявлены и обобщены положительные аспекты внедрения цифровой национальной валюты.

Ключевые слова: наличные и безналичные деньги, национальная валюта, цифровая национальная валюта, цифровой рубль, электронные деньги, блокчейн, доля безналичных платежей, система быстрых платежей

Для цитирования: Мухамадиярова А. К. Внедрение и использование цифрового рубля в России // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 73–80.

Original article

Aigul K. Mukhamadiyarova
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, ai_mukhamad@rambler.ru

INTRODUCTION AND USE OF THE DIGITAL RUBLE IN RUSSIA

Abstract. The article examines the varieties of the national currency of Russia and the prerequisites for their development. The analysis of the volumes of cash and non-cash payments and their share in retail turnover, their positive and negative sides are studied. The prerequisites for the emergence of a digital currency and the relevance of its introduction within the current economic environment are investigated. The regulatory framework for the use of digital money in Russia has been studied. The positive aspects of the introduction of the digital national currency are identified and summarized.

Keywords: cash and non-cash money, national currency, digital national currency, digital ruble, electronic money, blockchain, share of non-cash payments, fast payment system

For citation: Mukhamadiyarova A. K. Introduction and use of the digital ruble in Russia // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 2 (18). P. 73–80. (In Russ.)

Введение

В настоящее время фиксируется стремительный темп цифровизации национальной экономики. Финансовый сектор не стал исключением в рамках данной тенденции.

Развитие технологий блокчейна и появление на рынке криптовалют вызвали большой интерес общества к электронным платежным средствам без физического вы-

ражения формы. В связи с этим правительства многих государств заинтересовались внедрением цифровых денег. В настоящее время цифровые деньги используются в 14 странах мира. С 2023 г. в России запущен пилотный проект с национальной цифровой валютой. Все это и определяет актуальность выбранной темы исследования. Цель исследования: выявить последствия от внедрения

и использования цифровых денег и обобщить их влияние на экономику России.

Методы

При написании статьи автор использовал следующие научные методы: наблюдение, сравнение, измерение, анализ и синтез, индукция и дедукция, мысленное моделирование, восхождение от абстрактного к конкретному.

Результаты

Одной из ключевых предпосылок развития форм денег всегда был научно-технический прогресс. Так, в роли первых товарных денег выступали какао-бобы (в Мексике), ракушки и жемчужины (на островах Океании, племенах Южной Америки), шкурки ценных зверей, соль, мед и скот (в Киевской Руси) и т. д. Эти «примитивные деньги» уступили место металлическим, когда появились технологии обработки металлов. Первые монеты стали чеканить в Лидии около 700 года до н. э. Изобретение бумаги и книгопечатания привело к возникновению бумажных денег сначала в средневековом Китае, а уже в Новое время – в Европе. С развитием банковских технологий первые банковские карты появились в Америке: картонные – в 1914 г., а пластиковые – в 1957 г. С развитием компьютерных технологий все большая доля денег «переходит в онлайн», существуя в виде электронных записей. С развитием блокчейн-технологий настает время цифровых денег [1, с. 7]. В 2014 г. впервые в мире разработаны цифровые деньги в Китае, где к 2022 г. с ними уже фактически работали десятки тысяч местных организаций и половина населения страны. В настоящее время цифровые деньги используются в 14 странах мира (Швеция, Литва, Россия, Украина, Казахстан, Китай, Тайланд, Гонконг, Южная Корея, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Сингапур, Малайзия, ЮАР) [2].

В России действуют две разновидности национальной валюты: наличные и безналичные. Третьей формой денег будет циф-

ровой рубль, с которой запущен пилотный проект.

Банк России начал разрабатывать цифровой рубль в конце 2020 года. В настоящее время подготовлена нормативная правовая база для освоения цифровой валюты.

11 июля 2023 г. Государственная дума Российской Федерации приняла закон о цифровом рубле, создающий основу для его внедрения и использования. Документ определил ряд понятий: «платформа цифрового рубля», «пользователь платформы цифрового рубля» и «цифровой счет (кошелек)», а также порядок открытия, ведения и закрытия цифрового счета. 24 июля 2023 г. Президент России подписал закон, который вводит понятие «цифровой рубль» в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ). Согласно документу в ст. 128 ГК РФ внесены изменения, в соответствии с которыми цифровые рубли отнесены к безналичным денежным средствам и являются объектом гражданских прав. Также закрепляется возможность расчетов цифровыми рублями на территории России – путем перевода Центробанком на специальной платформе. Закон также разрешает физическим лицам завещать и наследовать средства, находящиеся на цифровых счетах. При этом наследники смогут в упрощенном порядке получить с такого счета средства, необходимые для организации похорон наследодателя¹. Основные положения закона вступили в силу 1 августа 2023 г.

Полномасштабное внедрение цифровой валюты – это длительный процесс. Тестирование цифрового рубля начнется с базовых операций с последующим расширением на другие операции, в том числе платежи в одно касание, переводы между юридическими лицами. В тестировании цифрового рубля с реальными клиентами примут участие 15 кредитных организаций, в том числе Сбербанк, Газпромбанк, Тинькофф Банк, ВТБ, Альфа-банк, Росбанк, Промсвязьбанк, Совкомбанк, Ак Барс Банк [3].

¹ О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Массовое внедрение цифрового рубля в стране планируется начать в 2025 г., а полноценный выход цифрового рубля на рынок должен произойти до 2030 г.

Цифровой рубль будет действовать наравне с безналичными и наличными деньгами. Наличные деньги еще продолжительное время будут участвовать в обороте в силу многих факторов. Главные плюсы наличных денег сегодня – в их ликвидности (ими можно расплатиться везде, где нет интернета), доступности (электронные средства на счету в любой момент могут стать недоступными в силу отключения интернета, электричества) и отсутствии скрытых комиссий (дополнительные комиссии при переводах и совершении покупок).

Еще одно препятствие для отказа от наличных денег – «серая» зарплата. По данным Росстата, в 2022 г. «серый» фонд оплаты труда составил 19,5 % от общего объема оплаты труда наемных работников. По данным социологических исследований, примерно половина работающих россиян с пониманием относятся к работодателям, выплачивающих своим работникам зарплату неофициально. Кроме того, почти половина населения России до сих пор имеет теневые источники дохода, по которым бюджет недополучает налоги. В условиях экономической нестабильности этот показатель имеет свойство расти.

Еще одной проблемой для полного исключения оборота наличных является недостаточно развитая банковская инфраструктура на территории ряда российских регионов. Не все населенные пункты оснащены банкоматами. Кроме того, по данным Федеральной службы государственной статистики количество банкоматов снижается (рис. 1). Так, в 2022 г. закрылось 10 687 банкоматов, что связано с прекращением их поставки из-за западноевропейских санкций.

Еще одним ограничением использования безналичных денег является недостаточная цифровая и финансовая грамотность некоторых россиян, особенно среди старшего поколения.

Нестабильная ситуация на рынках также сказывается на увеличении числа россиян, не готовых полностью отказаться от наличности. По данным опроса, проведенного компанией Superjob в марте 2023 г., из 1 600 опрошенных экономически активных граждан 73 % не готовы полностью отказаться от наличных денег. Количество экономически активных россиян, готовых отказаться от наличных, выше всего было в июле 2014 г. (21 %), ниже всего – в июле 2020 г. (первый год пандемии) (12 %). Летом 2021 г. число сторонников отказа от наличных чуть выросло (до 18 %), на начало марта 2022 г. в условиях введения очередных экономиче-

Рис. 1. Количество банкоматов на 100 000 чел. взрослого населения России

ских санкций снизилось на 3 %. Причем чем старше респонденты, тем реже они готовы отказаться от купюр и монет: 23 % – среди россиян моложе 34 лет и 11 % – среди респондентов старше 45 лет (таблица 1).

Несмотря на вышеизложенное, наличные деньги уже почти отжили свой век, а их оборот весьма затратен для любого бюджета. По оценкам ряда экспертов, затраты на поддержание оборота наличных для России на сегодня могут достигать 1,5 % годового валового внутреннего продукта (ВВП). Основная часть расходов приходится на эмиссию банкнот и монет, инкассацию денег, за-

мену пришедших в негодность банкнот [6, с. 149].

Кроме того, важно обеспечить сохранность физических денег в хранилищах как для банков, так и для государства и его граждан. Именно по этой причине многие россияне за последние пять лет предпочли безналичную оплату и вклады.

За 2017–2023 гг. безналичные платежи существенно опередили расчеты наличными. По сути безналичные деньги – это физические деньги на счетах в банке, на которых ведутся электронные записи операций с ними.

Таблица 1

Результаты опроса экономически активного населения России
«Хотели бы вы полностью отказаться от наличных денег?», %

Варианты ответа	2014 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 г.						
					все	возраст, лет			ежемесячный доход, руб		
						до 34	35-44	45+	до 49999	50000-79999	80000 и выше
Да	21	12	18	15	14	2	13	11	13	16	14
Нет	68	78	65	73	73	63	75	77	77	72	69
Затрудняюсь ответить	11	10	17	12	13	14	12	12	10	12	17

Рис. 2. Доля безналичных платежей в розничном товарообороте России

По данным Центробанка России, доля безналичных расчетов по итогам 2022 г. выросла в розничном товарообороте и составила 78,1 % [7]. При этом доля бесконтактных операций выросла до 74 %. Доля безналичных платежей в совокупном обороте розничной торговли, как показал анализ, за 1 квартал 2023 года составила 81,2 %. За 2017–2023 гг. доля безналичной оплаты выросла почти на 30 % (рис. 2).

Плюсы электронных денег очевидны: удобство, безопасность (все финансы лежат на банковском счете), онлайн-платежи.

В зоне особого внимания Банка России лежит развитие платежных технологий и сервисов. Так, в 2019 году была запущена Система быстрых платежей (далее – СБП). Популярность сервисов СБП среди пользователей стабильно растет. В 1 квартале 2023 года переводами в СБП воспользовался каждый второй житель России, оплатой товаров и услуг – каждый четвертый. В среднем один гражданин в 1 квартале 2023 года совершил 16 переводов и оплатил через СБП более шести покупок.

СБП дает возможность гражданам оперативно проводить всевозможные платежи, осуществлять переводы денег друг другу по номеру сотового телефона, позволяет оплачивать покупки, в том числе по QR-коду, и получать выплаты от организаций. Это и есть переходный этап к цифровому рублю [9; 10].

Цифровой рубль – это электронный аналог наличных и безналичных денег,

который представляет собой уникальный цифровой код и хранится в электронном кошельке граждан и компаний на специальной платформе Центрального банка [11, с. 240].

В цифровых рублях используется технология блокчейна. Блокчейн – технология, которая позволяет сохранять и передавать данные в виде последовательности связанных блоков [12, с. 66]. Каждый блок содержит информацию и ссылку на предыдущий, вместе они образуют цепочку. Так, данные в блокчейне защищены от изменений и фальсификации (рис. 3).

В результате применения этой технологии возрастет скорость обмена данными и проведения операций, повысится качество, доступность и безопасность услуг. Блокчейн-процессы надежны, безопасны и исключают фальсификацию информации, поэтому цифровой рубль самый быстрый, прозрачный и безопасный. Так как каждый цифровой рубль имеет свой уникальный код, в который можно вшить информацию о том, на что они могут быть потрачены, он имеет высокий уровень контроля. Соответственно, в первую очередь, он нужен государству для уменьшения теневого сектора экономики, финансирования различных проектов и оказания адресной помощи, контроля расхода средств бюджета, оптимизации затрат и независимости от всевозможных иностранных санкций в финансовой сфере [15, с. 16].

Рис. 3. Схема работы технологии блокчейн

Кроме того, это возможность запуска второго контура экономики. Например, выделенные на строительство дорог бюджетные средства можно будет тратить только на материально-техническое снабжение, а на зарплату выделять обычные рубли. Предприятиям, получившим по цепочке цифровые рубли, также нельзя тратить их на зарплаты, но ими можно платить налоги, закупать новое оборудование и прочее. Таким образом, в экономику можно внедрить много цифровых рублей так, чтобы они не дошли до граждан и, соответственно, не ускорили инфляцию.

В результате применения цифрового рубля платежи станут быстрее, проще и безопаснее. Развитие цифровых платежей, равный доступ к цифровому рублю для всех экономических агентов приведут к снижению стоимости платежных услуг, денежных переводов и росту конкуренции среди финансовых организаций. Это послужит стимулом для инноваций как в сфере розничных платежей, так и в других сферах и поддержит развитие цифровой экономики. Уменьшение зависимости пользователей от отдельных провайдеров повысит устойчивость финансовой системы страны.

Цифровой рубль может стать новым удобным дополнительным средством расчета как для покупателей, так и для продавцов, в том числе на отдаленных, малонаселенных и труднодоступных территориях, где подход к финансовой инфраструктуре ограничен. Благодаря цифровому рублю возрастет охват населения финансовыми услугами, которые станут доступнее, что в итоге улучшит качество жизни людей.

Национальная цифровая валюта также ограничит риск перераспределения средств в иностранные цифровые валюты, способствуя макроэкономической и финансовой стабильности.

Заключение

Таким образом внедрение цифровой национальной валюты приведет к улучшению качества жизни населения, а государство сможет более тонко настраивать экономику, сдерживать инфляцию, добиться значительного уменьшения теневого сектора экономики, эффективно финансировать различные проекты и оказывать адресную помощь, контролировать расходование бюджетных средств, снизить издержки и обрести независимость от западных санкций в финансовой сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айдагулова А. Р. Защита информации в отечественных операционных системах на базе linux // Информационная безопасность как элемент национальной безопасности : электронный сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. 2023. С. 6–9.
2. Шильдина М. В. Цифровой рубль – будущий инструмент исполнения денежного обязательства // Стратегия России: взгляд в завтрашний день: сборник статей X Международной научной конференции «Абалкинские чтения». М. : ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г. В. Плеханова», 2021. С. 101–107.
3. Цифровая экономика. Концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России : монография / отв. ред. В. А. Лаптев, О. А. Тарасенко. М. : Проспект, 2021.
4. Пусурманов Г. В. Правовые и экономические аспекты введения цифрового рубля в Российской Федерации // Право и практика. 2023. № 3. С. 90–112.
5. Бурденко Е. В., Газизова О. В., Кузнецов А. В. Экономическое развитие в XXI веке: тенденции, вызовы, перспективы // Горизонты России : сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Казань : Казанский национальный исследовательский технологический университет (КНИТУ), 2019. 436 с.
6. Гумерова З. Ж., Мухамадиярова А. К. Современные системы управления затратами как фактор роста эффективности работы промышленных предприятий // Управление экономикой: методы, модели, технологии : материалы XIX Международной научной конференции / отв. ред. Л. А. Исмагилова. 2019. С. 147–151.
7. Кулумбекова Т. Е. Цифровые технологии и совершенствование администрирования таможенных платежей // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 5. № 11. С. 120–125.

8. Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // *Гражданское право*. 2022. № 4. С. 6–15.
9. Ченцов Д. А., Трусова К. А. Цифровой рубль: перспективы и риски внедрения // *Самостоятельное управление*. 2023. № 6 (139). С. 396–398.
10. Тукаева Ф. А. Налоговая безопасность: проблемы и решения. *Евразийский юридический журнал*. 2023. № 9 (184). С. 295–296.
11. Тугузбаев Г. А. Экономическая безопасность в эпоху информационных технологий: вызовы и решения // *Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения* : материалы Всероссийской научно-практической конференции / сост. Н. В. Мячин, В. О. Соболева. Санкт-Петербург, 2023. С. 238–241.
12. Субхангулов Р. Р. Классификация форм и методов отмывания денег в современной экономике. *Научные достижения 2022: гуманитарные и социальные науки* : сборник материалов XI Международной очно-заочной научно-практической конференции. М., 2022. С. 66–67.
13. Пищулов В. М. Цифровой рубль в системе классификации видов денег // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2023. Т. 13. № 9-1. С. 500–511.
14. Субхангулов Р. Р. К вопросу об основах обеспечения экономической безопасности в кредитно-финансовой системе. *Мир в эпоху глобализации экономики и правовой сферы: роль биотехнологий и цифровых технологий* : сборник научных статей по итогам VII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 38–40.
15. Жарких В. М., Семина Л. А. Функционирование электронных денег: криптовалюта и цифровой рубль // *Интернаука*. 2022. № 14-4 (237). С. 16–17.

REFERENCES

1. Aidagulova A. R. Information protection in domestic Linux-based operating systems. Information security as an element of national security : electronic collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical conference. 2023. P. 6–9. (In Russ.)
2. Shildina M. V. Digital ruble – a future instrument for fulfilling monetary obligations // *Russian Strategy: a look into tomorrow: collection of articles of the X International Scientific Conference «Abalka Readings»*. М. : FSBEI VO «REU named after G. V. Plekhanov», 2021. P. 101–107. (In Russ.)
3. Digital economy. Conceptual foundations of legal regulation of business in Russia: monograph / rep. ed. V. A. Laptev, O. A. Tarasenko. М. : Prospekt, 2021. (In Russ.)
4. Pusrmanov G. V. Legal and economic aspects of the introduction of the digital ruble in the Russian Federation // *Law and practice*. 2023. No. 3. P. 90–112. (In Russ.)
5. Burdenko E. V., Gazizova O. V., Kuznetsov A. V. Economic development in the 21st century: trends, challenges, prospects : collection of scientific papers of the VII International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduate Students and Young Scientists «Russian Horizons» . Kazan : Kazan National Research Technological University (KNRTU), 2019. 436 p. (In Russ.)
6. Gumerova Z. Zh., Mukhamadiyarova A. K. Modern cost management systems as a factor in increasing the efficiency of industrial enterprises. *Economic management: methods, models, technologies* : materials of the 19th International Scientific Conference. resp. ed. L. A. Ismagilova. 2019. P. 147–151. (In Russ.)
7. Kulumbekova T. E. Digital technologies and improvement of customs payments administration // *Economics and management: problems, solutions*. 2020. Vol. 5. No. 11. P. 120–125. (In Russ.)
8. Efimova L. G. On the legal nature of non-cash money, digital currency and digital ruble // *Civilist*. 2022. No. 4. P. 6–15. (In Russ.)
9. Chentsov D. A., Trusova K. A. Digital ruble: prospects and risks of implementation // *Self-government*. 2023. No. 6 (139). P. 396–398. (In Russ.)
10. Tukaeva F. A. Tax security: problems and solutions. *Eurasian legal journal*. 2023. No. 9 (184). P. 295–296. (In Russ.)
11. Tuguzbaev G. A. Economic security in the era of information technology: challenges and solutions. *Economic security of the individual, society, state: problems and ways to ensure it* : materials of the All-Russian scientific and practical conference / comp. N. V. Myachin, V. O. Soboleva. St. Petersburg, 2023. P. 38–241. (In Russ.)

12. Subkhangulov R. R. Classification of forms and methods of money laundering in the modern economy. Scientific achievements 2022: humanities and social sciences : collection of materials of the 11th International part-time scientific and practical conference. M., 2022. P. 66–67. (In Russ.)

13. Pishchulov V. M. Digital ruble in the system of classification of types of money / V. M. Pishchulov // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2023. Vol. 13. No. 9–1. P. 500–511. (In Russ.)

14. Subkhangulov R. R. On the issue of the fundamentals of ensuring economic security in the credit and financial system. In the collection: The world in the era of economic and legal globalization: the role of biotechnology and digital technologies. Collection of scientific articles based on the results of the 8th international scientific and practical conference. Moscow, 2021. P. 38–40. (In Russ.)

15. Zharkikh V. M., Semina L. A. Functioning of electronic money: cryptocurrency and digital ruble // Internauka. 2022. No. 14-4 (237). P. 16–17. (In Russ.)

Информация об авторе:

Мухамадиярова А. К. – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author:

Mukhamadiyarova A. K. – Candidate of Economy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.05.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 16.05.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 316.014+316.343.28+ 316.776.4

Евгений Олегович Кубякин^{1,2}, Антон Андреевич Кочкин³

¹ Академия управления МВД России, Москва, Россия

² Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, tspopz@yandex.ru

³ Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, kochkin@a-kochkin.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
СОЦИАЛЬНЫХ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК ИНДИВИДА
В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ «СУБЪЕКТ–ОБЪЕКТ»:
ОТ АНТРОПОЛОГИИ К СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности методологических подходов к изучению повседневных социальных практик. При прослеживании генезиса развития социальной западно-европейской мысли нельзя не обратить внимание на тот факт, что, с одной стороны, представители этнологии, антропологии и философии мифологии стоят на том, что повседневность в первобытных обществах конструируется из мифологии и представлений о симпатической магии, а с другой стороны, некоторые представители социологии повседневности, семиотики, акторно-сетевой теории, а также когнитивистики полагают, что для понимания современных социальных практик индивидов, проживающих в регионах, отошедших от традиционного общества, необходимо исходить из интерсубъективного взгляда на социальную реальность и что в настоящее время в контексте понимания социальной реальности произошли изменения, которые несколько форсируют картезианскую дихотомию «субъект-объект» и, возможно, требуют пересмотра границ между этими категориями в дискурсе социальных взаимоотношений, поскольку такие границы отсутствовали в миропонимании первобытных обществ.

Ключевые слова: этнология, антропология, социология, символический интеракционизм, семиотика, философия сознания, акторно-сетевая теория, когнитивистика, фрейм-анализ

Для цитирования: Кубякин Е. О., Кочкин А. А. К вопросу об интерпретации социальных повседневных практик индивида в контексте дихотомии «субъект–объект»: от антропологии к социологии повседневности // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 81–89.

Original article

Evgeny O. Kubyakin^{1,2}, Anton A. Kochkin³

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

² Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Moscow, Russia, tspopz@yandex.ru

³ Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, kochkin@a-kochkin.ru

**ON INTERPRETATION OF SOCIAL
EVERYDAY PRACTICES OF AN INDIVIDUAL IN THE CONTEXT
OF THE SUBJECT–OBJECT DICHOTOMY:
FROM ANTHROPOLOGY TO THE SOCIOLOGY OF EVERYDAY LIFE**

Abstract. This article examines the features of methodological approaches to the study of everyday social practices. Tracing the genesis of the development of social Western European thought, it should be noted that,

on the one hand, representatives of ethnology, anthropology and philosophy of mythology insist that everyday life in primitive societies is constructed from mythology and ideas about sympathetic magic, and on the other hand, some representatives of the sociology of everyday life, semiotics, actor-network theory, as well as cognitive science, believe that in order to understand modern social practices of individuals living in regions that have moved away from traditional society, it is necessary to proceed from an intersubjective view of social reality and that at present, in the context of understanding social reality, changes have occurred that somewhat force the Cartesian subject-object dichotomy and, perhaps, require a revision of the boundaries between these categories in the discourse of social relationships, since such boundaries were absent in the worldview of primitive societies.

Keywords: ethnology, anthropology, sociology, symbolic interactionism, semiotics, philosophy of consciousness, actor-network theory, cognitive science, frame analysis

For citation: Kubyakin E. O., Kochkin A. A. On interpretation of social everyday practices of an individual in the context of the subject-object dichotomy: from anthropology to the sociology of everyday life // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No 2 (18). P. 81–89. (In Russ.)

Введение

Повседневная жизнь строится из социальных явлений. Многие люди на постоянной основе контактируют друг с другом. Коммуникация помогает решить будничные проблемы, удовлетворить социальные и физиологические потребности. Исторически люди взаимодействовали между собой, чтобы способствовать развитию общины, обеспечивать семью или добывать пищу. Интеракция может касаться и некоторых ритуальных практик, поскольку «магическое» являлось и является залогом благополучия для обществ с доминирующим мифологическим мировоззрением. Магия выступала в качестве неотъемлемого элемента повседневных социальных практик; трудно представить себе традиционные первобытные общества вне религиозно-мифологического мировоззрения. Проблемы и потребности людей постепенно видоизменялись, но каждодневное взаимодействие между людьми продолжало занимать одно из центральных мест в социальной сфере. В последние десятилетия в социологии изучение повседневного поведения получило новый вектор исследования – сквозь символический интеракционизм, фрейм-анализ, акторно-сетевую теорию и семиотику.

Методология

С учетом особенностей генезиса типов сознания индивидов, влияющих на трансформацию специфики конструирования социальной реальности, в настоящей работе в качестве предмета исследования выступает

эволюция дуализма осознанности акторов, вступающих в повседневное социальное взаимодействие, которая эксплицирует изменчивость отношений индивидов к дихотомии «объект-субъект», исходящей из установок определенной мировоззренческой парадигмы, в которой существует индивид. В целях эффективного исследования указанного предмета и проработки проблемы дихотомии «объект-субъект» с учетом генезиса мировоззренческих типов в статье используется в качестве основного метода сравнительно-сопоставительный анализ парадигмальных особенностей отношений субъектов социальных отношений к характеру построения социальной реальности посредством детерминации и разделения категорий «субъект» и «объект», что достигается посредством понимания исторических и теоретико-методологических особенностей становления социологии повседневности.

Однако прежде чем переходить к полученным результатам, необходимо разобраться с тем, что в настоящем исследовании понимается под повседневными социальными практиками. Повседневными социальными практиками являются такие нерелексируемые бытовые повторяющиеся паттерны поведения, которые необходимо совершать индивиду для решения возникающих рутинных рабочих, оперативно-служебных и иных задач (поездка в метро, разговоры коллег, занятия в аудитории и тому подобное).

Целесообразно сказать о том, что ретроспективно подходы к определению таких

практик можно поделить на несколько категорий, а именно 1) антропологический или этнологический подход (изучение повседневных паттернов поведения в первобытных обществах), 2) микросоциологический подход (исследование повседневного поведения индивида посредством фрейм-анализа, этнометодологии, акторно-сетевой теории), 3) феноменологический и интеракционистский подходы (определение символической структуры поведения при анализе восприятия изменчивости социальных актов человека) [1].

Ниже представлен парадигмальный генезис интерпретации повседневных социальных практик индивида в контексте изменения субъектно-объектных отношений, которые трансформируются посредством применения методологии постструктурализма, семиотики и когнитивистики.

Результаты

Чтобы разобраться в некоторых вопросах становления социологии повседневного поведения обратимся к трудам этнологов, исследовавших поведение людей в традиционных обществах, и посмотрим, какую форму их идеи приобрели в современных социологических и философских концепциях.

Бронислав Малиновский считается одним из выдающихся этнологов (этнографов) своего времени. В работе «Аргонавты западной части Тихого океана» он в непосредственном контакте с островитянами (в частности, с представителями Тробрианских островов) пытается определить характер процесса обмена. Работа данного исследователя привлекательна не только тем, что этнограф абстрагировался практически полностью от цивилизации ради частоты исследования, но и тем, как Малиновский описывает бытовые практики между островитянами.

Так, автор работы «Аргонавты западной части Тихого океана», рассуждая о сексуальных отношениях аборигенов пишет: «Целомудрие – добродетель, которую эти аборигены не знают. Они начинают половую жизнь невероятно рано, и многие невинного вида детские забавы не так уж невинны, как это

кажется. Подрастая, они живут в промискуитете и предаются свободной любви, которая мало-помалу перерастает в более длительные связи, одна из которых заканчивается браком. Но прежде, чем до этого дойдет, незамужним девушкам откровенно разрешается быть совершенно свободными в том, что им нравится. Девушки одной деревни церемонно готовятся к тому, чтобы всем вместе отправиться в иную местность; они выставляют себя там на публичное обозрение, в результате которого каждую из них выбирает тот или иной местный юноша, с которым она проводит ночь» [2, с. 57].

Это показывает, что в изучаемой Б. Малиновским деревне преобладает патриархальный строй. Незамужняя девушка выступает средством удовлетворения сексуальных потребностей. Здесь видно, какими методами пользуется ученый для сбора эмпирических данных и последующей работы над ними: наблюдением (результаты наблюдения фиксируются в этнографическом дневнике) и структурно-функциональным анализом. Этнолог говорит, что в определенном обществе, определенной деревне существует конкретный социальный строй и что в данном случае девушка до определенного времени занимает достаточно фиксированное социальное положение, выполняя конкретную функцию, которая соответствует месту в социальной стратификации. Однако в работе Б. Малиновского встречаются и замечания относительно некоторых колдовских практик, выступающих, как мы отмечали выше, неотъемлемой частью повседневной жизни. Так, он пишет: «Как только человек овладевает искусством черной магии, он применяет ее к своей первой жертве, которой всегда должен стать кто-то из его собственной семьи. Среди туземцев существует твердое и четкое убеждение в том, что если в колдовстве мужчины и должно быть что-то хорошее (носителями магических знаний чаще всего, как пишет Малиновский, являются женщины), то в первую очередь оно должно быть испробовано на его матери, сестре или каком-нибудь из его родственников по линии матери. Такой матереубийствен-

ный акт и делает его настоящим блага'у. Потом его искусство можно будет практиковать и на других людях, став твердым источником доходов» [2, с. 73].

В данном случае этнолог на примере использования колдовства мужчинами показывает, во-первых, то, как может варьироваться один тип социального взаимодействия в зависимости от пола, во-вторых, проводит описательный анализ черной магии как неотъемлемого атрибута повседневной деятельности (не в том смысле, что вся деревня состоит из черных магов, а в том, что магия вообще является нормальным, бытовым действием).

Другим примером генезиса интереса к социальной повседневности выступает работа Эрнста Кассирера «Философия символических форм. Том II. Мифологическое мышление». Автор концепции символических форм уже не эмпирическим путем рассматривает мифологическое мировоззрение и его влияние на повседневное поведение. Философ рассматривает мифологическое мышление как один из этапов развития сознания, как некую форму, которая осознает себя постфактум. Тем не менее онтологические, эпистемологические и гносеологические замечания, сделанные им, являются значимыми для понимания социального взаимодействия: условно говоря, появляется возможность посмотреть на общество древних греков их же глазами. Чтобы это отчетливо понять обратимся к тексту. Например, Э. Кассирер пишет: «Отрезанные волосы, ногти и экскременты следует закопать или сжечь, чтобы они не попали в руки вражеского колдуна. У некоторых индейских племен слюну врага, если удастся ее раздобыть, помещают в картофелину, последнюю же подвешивают в дымоходе: по мере того как картофелина сохнет под действиями дыма, сякнут и силы врага» [3, с. 65]. Далее философ делает вывод: «Как видно, на «симптоматическую» связь, предполагаемую между телом и его отдельными частями, никак не влияет физическое и пространственное разделение» [3, с. 65].

Очевидно, что в данном случае исследователь сопоставляет два типа мышления: мифологическое (он его описывает на вышеприведенных примерах) и понятийно-каузальное (которое в большой мере доминирует в настоящее время у здоровых людей). Сравнительный подход позволяет понять, что у индивидов с мифологическим мышлением (мировоззрением) отсутствует дифференцированность пространства, времени, собственного тела, его функций – в общем, абсолютный гомогенный пространственно-временной континуум, в котором, кроме всего прочего, отсутствует и разделение на материальное и идеальное (что для многих является вещью само собой разумеющейся в картезианской парадигме, которой придерживаются большинство естественно-научных теорий). Это указывает на то, что как на сознательном, так и на социальном уровне у людей древности отсутствовал опыт разделения (отделения) одного от друга, в связи с чем не возникало потребности отделять объект от субъекта, поскольку это было чем-то единым, однородным.

Как это влияет на повседневные социальные практики? Можно, например, вспомнить известную сцену из «Илиады»: в самом начале произведения происходит ссора между Ахиллом и Агамемноном; в один момент богиня Афина останавливает пылкого Ахиллеса, чтобы тот не навредил царю [4]. Смотря на эту ситуацию с позиции современной социальной психологии, можно предположить, что скорее всего Ахиллеса остановила не какая-то богиня, а, возможно, неожиданное осознание бестактности своего поступка, которое показывало явное неуважение к царю Агамемнону. По крайней мере не дух, не бес, не бог, не призрак, хотя далеко не все исследователи могут согласиться с естественно-научной интерпретацией данного феномена. В частности, с позиции Хьюбнера эту сцену эффективно рассматривать в контексте некой эпифании, то есть вмешательства так называемых «нуменозных существей». Это говорит о том, что мировоззрение древних греков позволяло непосредственно

ощутить нечто трансцендентное в апостериорном опыте (хотя не трудно догадаться, что эта интерпретация опыта свойственна именно мифологическому сознанию, но тем не менее показывает, что миф – это не просто образ или архетип) [5]. Полагаем, что это новый виток в развитии социального опыта, поскольку он иллюстрирует возможность различать божественное и обыденное и понимать доминирующий характер одного на другом.

Однако как обстоят дела с понимаем дихотомии «субъект-объект» в современной социальной науке?

Известны случаи, когда в социально-гуманитарном (социально-культурном) дискурсе (причем не только научном) субъектно-объектная концепция подвергается критике как в прямом, так и в переносном смысле.

В акторно-сетевой теории это, по нашему мнению, проглядывается лучше всего по той причине, что происходит, говоря словами Бруно Латура, «пересборка социального», благодаря чему то, что в картезианской парадигме могло считаться объектом, становится субъектом социального взаимодействия (например, микробы) [6; 7; 8].

В философии сознания (и когнитивистике вообще), которая не менее стремительно развивается последние десятилетия, существует тезис о том, что сознанием может обладать любой объект материального мира, поскольку обратное крайне трудно проверить эмпирическим путем, и таким образом объект занимает место субъекта по причине нереификации сознания к физическим процессам (супервентность) [9; 10].

Во многом схожая концепция доминировала в начале XX века (и продолжает доминировать сейчас) в живописи, когда появилось концептуальное искусство (например, супрематизм, кубизм, абстрактная живопись, реди-мейд), поскольку, по словам К. Хьюбнера [5], человек уже достаточно изучил субъективное (во многом благодаря не только искусству, но и психоанализу), поэтому значительная часть его когнитивных и творческих практик направлена на изуче-

ние и описание объективного. При этом изучение объективности есть нерелексивная попытка преодоления вещи-в-себе (за счет искусства), но в таком случае человек попадает в методологическую ловушку, потому что любой дескриптивный способ зиждется на трансцендентальных основах. Также вероятно и то, что экспликация вещи-в-себе возможна с помощью того, о чем говорил Мартин Хайдеггер, описывая «дазайн» [11], или того, что в дзен-буддизме зовется «сатори». В данном случае примечательно, что и в первом, и втором случае преобладает некий эффект внезапности («дазайн» и «сатори» по своей природе внезапны, но далеко не случайны), и это не исключает того факта, что на такой когнитивно-духовный рывок способно сознание обывателя. Таким образом, в концепции акторно-сетевой теории и когнитивистике объект не становится субъектом, однако объект приравнивается к субъекту не только на уровне исследовательской ценности, но и онтологической значимости.

С позиции постструктурализма можно говорить о слиянии объекта и субъекта. Речь даже идет не о слиянии (семиотика, например, не терпит дифференциаций, поскольку знак, как известно, полярен, так как имеет и означаемое и означающее), а скорее о взаимопроникновении, хотя и с этим термином следует обращаться осторожно, поскольку он не лишен насильственных имплицитных аллюзий.

В этой связи Ролан Барт вводит термин «пустой знак» [12], который помогает обнажить как бы чистую «объектность», но не как вещь-в-себе, а как означаемое, для которого означающее существует не как предикат, а как естественное продолжение означаемого. Здесь уместно вспомнить роман «Волхв» Джона Фаулза и спекуляции Мориса Кончиса, одного из главных героев романа, связанные с метатеатром и эффектом катастазиса. Кончис говорит: «В том-то и задача метатеатра: участники представления должны отойти от первоначальных ролей. Этап катастазиса» [13, с. 456]. Стоит обратить внимание на то, что в этом контексте «первоначальная роль» – это и

есть «означающее», потому что роль всегда что-то, а чаще всего кого-то, означает (или обозначает). Но задача актеров метатеатра играть роль без роли и сценария (есть риск, что тогда представление сорвется, поэтому, как правило, часть актеров знает, что и кого играет, а другая половина – нет), поэтому они, хоть и не все, играют как бы сами себя, что сравнительно недавно использовалось в кино художниками-авангардистами в конце 1990–2000-х годов [14]. Таким образом, как описано выше, происходит смешение уровней транспонирования, что характерно для фрейм-анализа Эрвина Гоффмана [15]: не всегда понятно, на каком уровне абстракции находится актер, особенно для которого этот спектакль разыгрывается (вроде господина Эрфе из «Волхва»). И разыгрывается не в смысле того, что у спектакля есть зритель (или зрители), для которых он поставлен и которые его лицезреют, а в том смысле, что актеры (или один из актеров, а может быть, и вся труппа) не догадываются о том, что они действуют по некоему сценарию некоего режиссера, о чем выше вскользь упоминалось.

Так, вероятно, поступает бог, поэтому одно из рабочих названий романа «Волхв» – «Игра в Бога» (этим же термином Фаулз обозначает творчество вообще, что роднит его идеи с идеями Николая Бердяева [16]). Стоит сказать, что в таком случае (в случае метатеатра) роль «обнажена»: человек играет роль самого себя, но именно играет: означающее никуда не ушло, оно продолжило означаемое, оно освободило его, заставив действовать под невидимую диктовку режиссера.

Интересно здесь отметить и то, что когда речь заходит о семиотике, то мы сталкиваемся с целой плеядой диалектических категорий: «субъект-объект», «означающее-означаемое», «свобода-детерминированность». По поводу последнего следует сказать отдельно: во-первых, как мы убедились на примере метатеатра, человек становится как бы заложником режиссера, но одновременно освобождается, во-вторых, семиотиков нередко критиковали за излишний детерминизм их взглядов, но, с другой стороны, идеальных методологий не существует. Практи-

чески любой метод имплицитно претендует на место истины в последней инстанции, поэтому, может быть, исследователи методом проб и ошибок генерируют новые, наиболее валидные инструменты познания.

Еще пару слов про метатеатр: в настоящем исследовании не говорится о соотношении метатеории и семиотики. Важно указать именно на тот факт, что пустой знак имеет, как сказано выше, немалый метатеоретический потенциал, поскольку проливает свет на сущность означаемого. Вообще интересно, как западно-европейская философская и социологическая мысль XX века признает заслуги восточной философии и открывает для себя те явления, которые были открыты Востоком задолго до того, как это стало мейнстримом на Западе: то же «стирание» границ между субъектом и объектом, к которому пришел Запад в XX столетии, было задолго апробировано в дзен-буддизме на уровне нивелирования дуализма сознания (отсюда и известные дзен-буддистские парадоксальные коаны). Возможно, по этой причине западная литература XX века полюбила дзен (Джером Сэлинджер и Герман Гессе многократно в своих работах муссируют постулаты дзена, в русской литературе страсть к философии дзен-буддизма имеет, например, Виктор Пелевин).

С позиции символического интеракционизма все выглядит несколько иначе. Дело в том, что интеракционистский подход обеспечивает интересующий взгляд на поведение индивидов или очень старается это сделать. Человек, имея свое собственное «Я», действует из сложившихся установок, которые «создал» он и другие члены коллектива. В этой связи для понимания взаимодействия необходима интерпретация, которая, по мнению Герберта Блумера [17], довольно часто игнорируется во время проведения социологических исследований, поскольку действия вообще подразделяются на два основных вида: символические и несимволические. Символические действия по определению имеют переносное значение, поэтому для понимания повседневных социологических практик требуется учитывать определенный

социальный контекст, в котором происходит взаимодействие между членами конкретной социальной группы. Иначе получается, что мы допускаем значительный методологический просчет, додумывая и предполагая какие-то причины возникновения паттернов повседневных действий.

Заключение

Таким образом, современная методология, применяемая в социологии и социальной философии, стремится получить наиболее репрезентативные данные из полевых исследований за счет качественных методов и максимально не ангажированного (в нашем случае – интерсубъективного) взгляда на повседневные социальные взаимодействия, в которых грань между субъектом и объектом может быть едва ли различима (и даже между субъектом и субъектом или объектом и объектом), несмотря на то, что эти повседневные практики, которые изучаются социологом, могут носить преступный характер и осуждаться остальной частью общества [18]. Полагаем, нельзя сказать, что такой методологический подход, который балансирует между современными представлениями об объекте и субъекте, стараясь найти компромисс, удовлетворяющий обе стороны, представляет собой борьбу с ветряными мельницами: о чем-то похожем уже говорил Ч. Пирс еще в контексте фаллибилизма [19], пытаясь рационализировать трансцендентальные практики эмпирической науки, показав в очередной раз, что независимо от системы координат, которую использует ученый, объект не становится «чище» и понятней, а проблема изучения того или феномена не решается, потому что рождается новая.

Однако это не означает, что в определенной степени не меняется отношение субъек-

та к объекту. И дело тут далеко не в методе («как смотреть?»), а в том, «что видеть»: «потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают» (Мф 13:13). Проблема трансцендентального «зазора» между воспринимающим субъектом и скрытым объектом может сыграть на руку социологу, если он дистанцируется не только от социальных ярлыков в контексте исследования, например, делинквентных групп, но и от научных штампов тоже. Наука любит эксперименты (хоть это и штамп) – это и есть тот момент катастазиса, который рассматривался в основной части исследования в контексте метатеатра.

Таким образом, можно с определенной степенью осторожности утверждать, что практика как таковая способна нивелировать возможные трансцендентальные проволочки, если сам практикующий намеревается сделать нечто настоящее, то есть то, что, по его мнению, сделать необходимо. Такой пример показывает, что инвестирование усилий индивида как физических, так и интеллектуальных в преобразование действительности несколько снимает различие между субъектом и объектом, не умаляя их самостоятельного статуса, что достигается за счет личностного вклада человека в практическую деятельность. Это наталкивает на мысль о том, что генезис развития социального и сознательного опыта, редуцируясь в повседневную деятельность, в полной мере не обособляет субъект от объекта, или наоборот. Да и навряд ли это возможно, когда объект практически не представляется возможным рассматривать в отрыве от субъекта, его способов познания и методов исследования объекта, если речь не идет про вещь-в-себе, которая существует вне апостериорного опыта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кочкин А. А. Актуальные проблемы социального и гуманитарного знания : коллективная монография / под редакцией Т. И. Барсуковой. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2023. С. 81–97.
2. Малиновский Б. Избранное. Аргонавты западной части Тихого океана. «ЦГИ Принт», 883 с.

3. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. II: Мифологическое мышление / пер. с нем. С. А. Ромашко. М. : Академический Проект, 2011. 279 с.
4. Гомер. Гомерова Илиада / пер. Е. И. Кострова и А. И. Любжина. М. : Р. Валент, 2019. 536 с.
5. Хьюбнер К. Истина мифа. М. : Республика, 1996. 448 с.
6. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 381 с.
7. Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
8. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.
9. Chalmers D. J. Facing Up to the Problem of Consciousness (англ.) // Journal of Consciousness Studies. 1995. Vol. 2. С. 200–219.
10. Jackson F. Epiphenomenal Qualia // Philosophical Quarterly. 1982. Vol. 32. No 127. С. 127–136.
11. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. [с нем. и примеч.] В. В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
12. Барт Р. Империя знаков. М. : Ad Marginem, 2022. 168 с.
13. Фаулз. Дж. Волхв. М. : Эксмо, 2012. 790 с.
14. Смолев Д. Д. Движение «Догма-95» в контексте кинематографа 1990–2000-х годов: эстетическая теория и художественная практика : дис. ... канд. философ. Наук. М., 2017. 193 с.
15. Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. Р. Е. Бумагина, Ю. А. Данилова, А. Д. Ковалева, О. А. Оберемко ; под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М. : Институт социологии РАН; 2003. 752 с.
16. Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М. : Юрайт. 257 с.
17. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод / пер. с англ. А. М. Корбута. М. : Элементарные формы, 2017. 346 с.
18. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М. : Элементарные формы, 2018. 272 с.
19. Мельвиль Ю. К. Чарльз Пирс и прагматизм (У истоков американской буржуазной философии XX в.). М. : Изд-во МГУ, 1968. 500 с.

REFERENCES:

1. Kochkin A. A. // Actual problems of social and humanitarian knowledge : a collective monograph / edited by T. I. Barsukova. Stavropol : North Caucasus Federal University, 2023. P. 81–97. (In Russ.)
2. Malinovsky V. Favorites. Argonauts of the Western Pacific Ocean. «CGI Print», 883 p. (In Russ.)
3. Kassirer E. Philosophy of symbolic forms. Vol. II: Mythological thinking / translated from German by S. A. Romashko. М. : Academic Project, 2011. 279 p. (In Russ.)
4. Homer. Homer's Iliad / trans. E. I. Kostrova and A. I. Lyubzhina. М. : R. Valent, 2019. 536 p. (In Russ.)
5. Hubner K. The truth of the myth. М. : Republic, 1996. 448 p. (In Russ.)
6. Latour B. The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory / translated from English by I. Polonskaya. М. : Publishing House of Higher School of Economics, 2014. 381 p. (In Russ.)
7. Latour B. Politics of nature. How to instill democracy in the sciences. М. : Ad Marginem Press, 2018. 336 p. (In Russ.)
8. Latour B. Pasteur: War and the world of microbes, with the appendix «Irreducible». St. Petersburg : Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2015. 316 p. (In Russ.)
9. Chalmers D. J. Facing Up to the Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. Vol. 2. P. 200–219.
10. Jackson F. Epiphenomenal Qualia // Philosophical Quarterly. 1982. Vol. 32. No. 127. P. 127–136.
11. Heidegger M. Being and time / trans. [with him. and note] V. V. Bibikhina. М. : Ad Marginem, 1997. 451 p. (In Russ.)
12. Bart R. Empire of signs. М. : Ad Marginem, 2022. 168 p. (In Russ.)
13. Fowles J. Volkhv. М. : Eksmo, 2012. 790 p. (In Russ.)
14. Smolev D. D. The movement “Dogma-95” in the context of cinema of the 1990s–2000s: aesthetic theory and artistic practice : dissertation ... candidate of Philosophy. М., 2017. 193 p. (In Russ.)

15. Hoffman I. Frame analysis: Essays on the organization of everyday experience/ translated from English by R. E. Bumagin, Yu. A. Danilova, A. D. Kovaleva, O. A. Oberemko ; edited by G. S. Batygin and L. A. Kozlova. М. : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2003. 752 p. (In Russ.)

16. Berdyaev N. A. The meaning of creativity. The experience of justifying a person. М. : Yurait. 257 p. (In Russ.)

17. Bloomer G. Symbolic interactionism: perspective and method / translated from the English by A. M. Korbut. М. : Elementary forms, 2017. 346 p. (In Russ.)

18. Becker G. Outsiders: studies in the sociology of deviance. М. : Elementary forms, 2018. 272 p. (In Russ.)

19. Melville Y. K. Charles Pierce and pragmatism (At the origins of amer. Bourgeois philosophy of the 20th century). М. : Publishing House of Moscow State University, 1968. 500 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Кубякин Е. О. – доктор социологических наук, доцент;

Кочкин А. А. – без степени.

Information about the authors:

Kubyakin E. O. – Doctor of Sociology, Associate Professor;

Kochkin A. A. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 22.03.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 351.851:371.013.014.15(470.57)

Юлия Владимировна Мигунова
*Институт стратегических исследований
ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан»,
Научный центр изучения социального
развития региона, Уфа, Россия, migunovayuv@
isi-rb.ru*

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ И С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Аннотация. Посредством анализа официальных статистических данных обоснована актуальность выбранной темы, выявлены нарастающие тенденции детской инвалидизации как по России в целом, так и по Республике Башкортостан. Даны понятия «ребенок с ограниченными возможностями здоровья», специфика его статуса в отличие от ребенка-инвалида. На основе хронологического анализа региональной нормативной правовой базы, кодифицирующей вопросы организации образовательной деятельности детей с особыми, в том числе образовательными, потребностями, исследованы ведущие в этой области законы, регламентирующие управленческую практику. Меры социальной поддержки детей с особенностями развития и ключевые моменты формирования системы инклюзивного образования отражены в ряде постановлений Правительства Республики Башкортостан. Региональная образовательная политика включает комплекс мер, направленных на получение ребенком с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью полноценного образования, на повышение доступности общего образования для всех детей вне зависимости от индивидуальных особенностей. В числе данных мер и разработка адаптированных основных образовательных программ, и новые профессиональные стандарты должностей педагогических работников, благодаря которым дети с особыми потребностями могут получить основное общее образование.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, дети-инвалиды, Республика Башкортостан, нарушения здоровья, общее образование, инклюзивное образование, адаптированные общеобразовательные программы, учебный процесс, закон, постановление

Для цитирования: Мигунова Ю. В. Нормативные правовые основы организации образовательной деятельности детей с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью в Республике Башкортостан // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 90–98.

Original article

Yulia V. Migunova
*Institute for Strategic Research, Academy of Sciences
of the Republic of Bashkortostan, Scientific Center
for Social Development Studies of the Region, Ufa,
Russia, migunovayuv@isi-rb.ru*

REGULATORY AND LEGAL FRAMEWORK FOR ORGANIZING EDUCATIONAL ACTIVITIES FOR CHILDREN WITH DISABILITIES IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Abstract. Through the analysis of official statistical data, the relevance of the chosen topic is substantiated, and growing trends in childhood disability are identified both in Russia as a whole and in the Republic of Bashkortostan. The concepts of a child with disabilities and the specifics of his status in contrast to a disabled child are given. Based on a chronological analysis of the regional regulatory framework that codifies the issues

© Мигунова Ю. В., 2024

of organizing the educational activities of children with special, including educational, needs, the leading laws in this area regulating management practice have been studied. Measures of social support for children with special needs and key points in the formation of an inclusive education system are reflected in a number of decrees of the government of the republic. Regional educational policy includes a set of measures aimed at ensuring that children with disabilities receive a full-fledged education, and at increasing the accessibility of general education for all children, regardless of individual characteristics. These measures include the development of adapted basic educational programs and new professional standards for teaching positions, thanks to which children with special needs can receive basic general education.

Keywords: children with disabilities, disabled children, Republic of Bashkortostan, health disorders, general education, inclusive education, adapted general education programs, educational process, law, resolution

For citation: Migunova Yu. V. Regulatory and legal framework for organizing educational activities for children with disabilities in the Republic of Bashkortostan // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No 2 (18). P. 90–98. (In Russ.)

Введение

Актуальность темы исследования обоснована увеличением численности детей-инвалидов за последние годы в России: с 2019–2023 гг. их количество выросло на 7,8 % (с 221,7 на 10 000 детей в 2019 г. до 239,1 в 2023 г.)¹. Те же тенденции наблюдаются и в Республике Башкортостан. По оценкам Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан, с 2017 по 2022 г. общая численность детей-инвалидов выросла на 3,7 тыс. чел. (с 15,4 тыс. чел. в 2018 г. до 19,1 в 2022 г.). Половозрастная структура детской инвалидности в республике такова, что основную долю в ней составляли мальчики – 61 % (11 589 чел.) и 39 % (7 482 чел.) девочки. Наибольший прирост наблюдался в возрастной категории от 8 до 14 лет – 8 978 чел.²

Однако помимо детей-инвалидов, чей статус законодательно закреплен на уровне медико-социальной экспертизы³, в группу несовершеннолетних с особыми потребностями также относят детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ), кото-

рые могут и не иметь инвалидности. Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, к лицам с ОВЗ относятся: глухие; слабослышащие, позднооглохшие; слепые; слабовидящие; с тяжелыми нарушениями речи; с нарушением опорно-двигательного аппарата; с задержкой психического развития; с умственной отсталостью; с расстройствами аутистического спектра; со сложными дефектами⁴. Также эти нарушения характеризуют физические и/или психические нарушения здоровья ребенка с ОВЗ. Данный статус присваивается детям на основании заключения психолого-медико-педагогической комиссии с целью создания специальных условий для получения образования детьми с ОВЗ [1].

В соответствии со Стандартными правилами обеспечения равных возможностей для инвалидов, государства, признающие принцип равных прав для всех граждан, вне зависимости от ограничений, нарушений по состоянию здоровья, обязаны обеспечивать инвалидам возможность получения образования на всех его уровнях⁵.

¹ Здравоохранение в России. 2023 : статистический сборник. М. : Росстат, 2023. 179 с.

² Численность детей-инвалидов в Республике Башкортостан на 1 августа 2022 г. Сайт Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан. URL: <https://mintrud.bashkortostan.ru/activity/34079/> (дата обращения: 29.02.2024).

³ О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (посл. ред.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 273-ФЗ (посл. ред.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов (приняты резолюцией 48/96 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г.) // ООН: Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled_ch2.shtml#a6 (дата обращения: 29.02.2024).

Таким образом, образование детей с ОВЗ и с инвалидностью является неотъемлемой частью системы общего образования. В связи с этим органы власти создают соответствующие условия для обучения детей с ОВЗ и с инвалидностью в общеобразовательных организациях страны. Более того, вопросы, связанные с образованием детей с особыми потребностями, – важный элемент социальной образовательной политики государства, включающий разработку специальных учебных программ и организацию учебного процесса [2; 3]. Согласно Правилам, обучение в общеобразовательной школе для детей с инвалидностью предполагает специализированную помощь педагогов, подготовленных для обучения детей с особыми потребностями. Также для детей с ОВЗ и с инвалидностью необходимо обеспечить беспрепятственный доступ в школу [4].

В соответствии с Правилами, в случаях, когда система общего школьного образования не удовлетворяет адекватным образом потребностям детей с ОВЗ и с инвалидностью, предусмотрено специальное обучение. Оно направлено на подготовку учащихся в системе общего школьного образования. Качество такого обучения должно отвечать тем же стандартам и целям, что и обучение в системе общего образования, и должно быть тесно с ним связано. Государственная политика в области интеграции инвалидов направлена на постепенное включение специальных учебных заведений в систему общего образования [5].

Соответственно, здесь возникает вопрос об инклюзивном образовании как о возможности равного доступа к получению образования для всех обучающихся с учетом разнообразия их особых образовательных потребностей и индивидуальных особенностей.

Методы

Считаем, что образование как социальный институт [6; 7] может быть изучено сквозь призму становления его нормативной

правовой базы, поэтому в данном случае в качестве метода исследования применен хронологический анализ нормативного правового обеспечения вопросов образования детей с особыми потребностями в рамках республиканского законодательства.

Результаты

На региональном уровне нормативная правовая база организации и осуществления образовательной деятельности детей с ОВЗ и с инвалидностью представлена Законом Республики Башкортостан от 17 декабря 2004 г. № 130-з «О социальной поддержке инвалидов в Республике Башкортостан» (далее – Закон «О социальной поддержке инвалидов в Республике Башкортостан»). В этом законе отсутствует понятие «ребенок с ОВЗ», поскольку речь идет только о детях с официально установленным статусом инвалида. В соответствии со ст. 17 Закона «О социальной поддержке инвалидов в Республике Башкортостан» дети-инвалиды имеют право на получение бесплатного, общедоступного дошкольного, начального, основного, среднего общего образования¹. При этом осуществляется оно в соответствии с адаптированными образовательными программами, специально разработанными для обучения детей с ОВЗ. Эти программы были внесены в федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования для обучающихся с ОВЗ только в 2014 г., когда законодательно было сформировано представление не только о детях-инвалидах, но и о детях, имеющих ограничения по состоянию здоровья, препятствующие им получить полноценное общее образование. Адаптированная образовательная программа определяется ребенку, если у него имеются клинически значимые особенности в физическом и/или психическом развитии [8; 9].

В Законе «О социальной поддержке инвалидов в Республике Башкортостан» прописано, что образовательные организации,

¹ О социальной поддержке инвалидов в Республике Башкортостан : Закон Республики Башкортостан от 17 декабря 2004 г. № 130-з // Консорциум Кодекс: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446174122> (дата обращения: 08.02.2024).

обучающие ребенка-инвалида, обязаны оказывать ему психолого-педагогическую поддержку при получении образования, в том числе бесплатно на дому в форме семейного обучения, если по состоянию здоровья ребенок-инвалид не может обучаться в школе. Кроме того, в общеобразовательных учреждениях должны быть созданы соответствующие, специальные условия для того, чтобы ребенок-инвалид, если позволяет его состояние здоровья, мог получить образование в том числе по основным общеобразовательным программам. Это же касается и отдельных образовательных учреждений, работающих по адаптированным общеобразовательным программам [10].

В республике действует Закон «Об образовании в Республике Башкортостан» от 1 июля 2013 г. № 696-з¹ (далее – Закон «Об образовании в РБ»). Согласно ему, в полномочия органов государственной власти Республики Башкортостан в сфере образования детей с ОВЗ и с инвалидностью входит создание отдельных образовательных организаций, осуществляющих деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам. При получении образования обучающимся с ОВЗ и с инвалидностью предоставляются бесплатно специальные учебники и другая учебная литература, а также услуги сурдопереводчиков и тифлосурдопереводчиков. Для тех обучающихся, которые испытывают трудности в своем развитии, социальной адаптации и освоении общеобразовательных программ, Законом «Об образовании в РБ» предусмотрено предоставление медицинской, социальной и психолого-педагогической помощи.

Особое место в данном законе уделено подготовке педагогических работников, вла-

деющих специальными навыками и методами воспитания и обучения обучающихся с ОВЗ и с инвалидностью. Также необходимо содействовать привлечению таких профессионалов в общеобразовательные организации.

Бесплатное обеспечение находящихся на домашнем обучении детей-инвалидов необходимым компьютерным оборудованием, благодаря которому они могут получать общее образование дистанционно, также является важной мерой образовательной политики республики в отношении обучающихся с ОВЗ и с инвалидностью. Более того, согласно постановлению Правительства Республики Башкортостан от 24 декабря 2013 г. № 609, после окончания школы этими обучающимися данное оборудование на безвозмездной основе передается в собственность детям-инвалидам для дальнейшего использования. Это сделано для того, чтобы дети с особыми потребностями не только имели бы возможность доступа к информации, но и в перспективе могли получить профессиональное образование².

В соответствии с постановлением Правительства Республики Башкортостан от 30 ноября 2017 г. № 565 дети с ОВЗ и с инвалидностью, обучающиеся в общеобразовательных учреждениях республики, обеспечиваются бесплатным питанием. При этом, если ребенок находится на домашнем обучении, питание заменяется компенсационной выплатой. Что касается обучающихся с ОВЗ или с инвалидностью, проживающих в общеобразовательных учреждениях интернатного типа, то помимо питания также этим детям безвозмездно предоставляется одежда и обувь, так называемый мягкий и жесткий инвентарь, в том числе включаю-

¹ Об образовании в Республике Башкортостан : Закон Республики Башкортостан от 1 июля 2013 г. № 696-з // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/463504509> (дата обращения: 08.02.2024).

² О порядке безвозмездной передачи в собственность детям-инвалидам Республики Башкортостан, обучающимся на дому, а также инвалидам из их числа комплектов оборудования, полученных во временное безвозмездное пользование для дистанционного образования по образовательным программам общего образования, после окончания государственных общеобразовательных учреждений и в иных случаях для получения профессионального образования и доступа к информационным ресурсам : постановление Правительства Республики Башкортостан от 24 декабря 2013 г. № 609 // Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

щий постельные принадлежности и предметы мебели¹.

На наш взгляд, самым исчерпывающим нормативным правовым документом, определяющим права детей с ОВЗ и с инвалидностью на доступное и качественное образование, является Концепция развития инклюзивного образования в Республике Башкортостан на 2020–2025 гг., принятая постановлением Правительства Республики Башкортостан от 17 июня 2020 г. № 357 (далее – Концепция). В ней впервые охарактеризована цель инклюзивного образования как системы, на основе которой государством создаются условия, способствующие обучению, воспитанию и социальной адаптации детей с ОВЗ и с инвалидностью с учетом их возрастных, индивидуальных особенностей, а также в соответствии с уровнем психического развития детей и их физического здоровья.

В соответствии с Концепцией первоочередной задачей реализации идеи инклюзивного образования является создание условий в общеобразовательных учреждениях республики для совместного обучения обычных школьников и детей, имеющих ОВЗ и инвалидность. При этом образовательные учреждения в том числе должны организовывать учебный процесс и в рамках адаптированных общеобразовательных программ².

Также в республике для развития системы инклюзивного образования на базе государственных коррекционных общеобразовательных организаций открыты 16 региональных ресурсных центров, занимающихся не только образовательной деятельностью, но и психолого-педагогическим

сопровождением детей с ОВЗ и с инвалидностью, консультационной и профориентационной деятельностью и т. д.³

В рамках Концепции в Республике Башкортостан сформировалась и развивается преемственная сеть общеобразовательных организаций, реализующих инклюзивное образование для детей с ОВЗ и с инвалидностью. На практике это выглядит следующим образом. В каждом муниципальном районе или городском округе республики определена так называемая ресурсная (опорная) школа, являющаяся координатором для других школ муниципального образования, где обучаются дети с ОВЗ и с инвалидностью. Такие ресурсные школы оказывают методическую, консультационную помощь в работе с детьми с особыми, в том числе и с образовательными, потребностями.

Подготовка высококвалифицированных педагогических кадров, профессионально владеющих технологиями обучения детей с ОВЗ и с инвалидностью является еще одной важной задачей деятельности органов власти в целях реализации Концепции развития инклюзивного образования в Республике Башкортостан. Здесь актуализируется вопрос притока необходимых специалистов в сферу образования, способных работать с особыми детьми, организуя учебный процесс в том числе в рамках адаптированных общеобразовательных программ. В соответствии с приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30 января 2023 г. № 53н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области воспитания»» преимущественно эту работу выполняет тьютор, призванный

¹ Об утверждении норм и порядка обеспечения питанием, одеждой, обувью, мягким и жестким инвентарем обучающихся с ограниченными возможностями здоровья либо с инвалидностью в государственных организациях Республики Башкортостан, осуществляющих образовательную деятельность : постановление Правительства Республики Башкортостан от 30 ноября 2017 г. № 565 (ред. от 19.04.2021) // Консорциум Кодекс: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/543710457> (дата обращения: 04.03.2024 г.).

² Концепция развития инклюзивного образования в РБ на 2020–2025 гг. : Постановление Республики Башкортостан от 17 июня 2020 г. № 357 // Консорциум Кодекс: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570817189> (дата обращения: 09.02.2024 г.).

³ Специальное образование // Доступ на сайте Министерства образования и науки РБ: <https://education.bashkortostan.ru/activity/2364/>

оказывать педагогическое сопровождение обучающимся с ОВЗ и с инвалидностью¹.

В настоящее время в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы осуществляется подготовка бакалавров и специалистов по направлениям специального (дефектологического) образования, включающего такие специальности, как «Логопедия», «Дошкольная дефектология» и «Образование детей с интеллектуальными нарушениями». Выпускники этого направления в дальнейшем могли бы стать тьюторами, осуществляя образовательную деятельность в русле социальной инклюзии².

Заключение.

Исследование нормативных правовых основ организации образовательной деятельности детей с ОВЗ и с инвалидностью в Республике Башкортостан показало следующее:

В одном из ранних законов Республики Башкортостан о социальной поддержке инвалидов № 130-з вопросы специального образования детей с особенностями развития касаются исключительно детей-инвалидов. Хотя, судя по тексту документа, речь идет о детях с особыми, в том числе и с образовательными, потребностями, обучение которых в общеобразовательной школе может быть затруднено в силу их психофизического развития. Предполагаем, что к моменту выхода Закона категория детей с ОВЗ еще не была концептуально осмыслена ни в социальной науке, ни, соответственно, на законодательном уровне. Об этом свидетельствует тот факт, что само положение о психолого-медико-педагогической комиссии как об органе, определяющем статус ребенка с ОВЗ, было утверждено только в 2013 г.

В Законе «Об образовании в РБ» от 1 июля 2013 г. № 696-з процесс организа-

ции образовательной деятельности детей с ОВЗ и с инвалидностью представлен более подробно, что указывает на готовность государства в лице региональной власти взять на себя серьезные обязательства по развитию специального образования в республике. Исходя из текста данного закона создание специальных образовательных учреждений, в которых имеются необходимые условия для получения детьми с особенностями развития полноценного общего образования, является лишь частью этих обязательств. В рамках Закона государство обязуется бесплатно обеспечивать детей специальной учебной литературой, необходимой для обучения, услугами соответствующих специалистов, медицинской и социальной помощью, психолого-педагогическим сопровождением и т. д.

Меры социальной поддержки детей с ОВЗ и с инвалидностью реализуются в регионе в рамках постановлений Правительства Республики Башкортостан от 24 декабря 2013 г. № 609 и от 30 ноября 2017 г. № 565. В этих документах разработанный комплекс мер касается в основном обучающихся, находящихся на домашнем обучении, а также тех, кто проживает в школах-интернатах.

Основным нормативным правовым документом, определяющим цели, задачи и принципы формирования системы инклюзивного образования в республике является Концепция развития инклюзивного образования в Республике Башкортостан на 2020–2025 гг. Инклюзивное образование обеспечивает равные права, доступность, возможность выбора подходящего образовательного маршрута для любого ребенка вне зависимости от его физических и других возможностей. При этом для детей с ОВЗ и с инвалидностью создаются специальные условия, в том числе включающие перепланировку учебных помещений, новые мето-

¹ Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области воспитания»: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30 января 2023 г. № 10н // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Бакалавриат и специалитет // Приемная комиссия БГПУ имени М. Акмуллы. URL: <https://abitur.bspu.ru/bachelor> (дата обращения: 13.05.2024).

дики обучения, адаптированный учебный план, измененные методы оценки и др. [11] Таким образом, для детей с особенностями развития инклюзивное образование выступает еще и своеобразным средством их реабилитации. Тем не менее, несмотря на внушительные достижения, остается еще ряд нерешенных проблем, к ним, например, относится дефицит тьюторов, специалистов в области инклюзивного образования, готовых разрабатывать адаптированные общеобразовательные программы и помогать с обучением школьникам с особыми потребностями. Зачастую дети с ОВЗ и с инвалидностью оказываются на домашнем обучении в силу того, что педагогический состав общеобразовательных школ не знает, как правильно работать с ними. Не исключены трудности в организации ресурсных центров, необходимых для образования детей с ОВЗ и с инвалидностью; отсутствие в общеобразовательных школах специалистов, обладающих соответствующими знаниями и навыками работы с особенными детьми, безбарьерного пространства, специальной учебной литературы, специальных технических средств обучения и т. д. [12; 13; 14]

Итак, анализ нормативных правовых основ организации образовательной деятельности в отношении детей с ОВЗ и с инвалидностью позволил сформировать представление об управленческой практике

органов государственной власти на региональном уровне в этой сфере. Образовательная политика регионов, прежде всего, основана на праве человека с определенными физическими и (или психическими) особенностями развития, с инвалидностью жить полноценной социальной жизнью. Дети с ОВЗ и с инвалидностью также в праве рассчитывать на активное включение в социальную жизнь, причем это касается не только медицинской помощи и социальной поддержки, но и права на образование. Это право четко обозначено как в федеральных, так и в региональных нормативных правовых документах. При этом сам учебный процесс для данной группы детей должен быть организован с учетом особенностей развития учеников, их индивидуальных познавательных возможностей [15].

Для этого органами государственной власти разработан и воплощается в жизнь комплекс мер, направленных на получение ребенком с ОВЗ и с инвалидностью полноценного образования, на повышение доступности общего образования для всех детей вне зависимости от особенностей развития. В числе данных мер и разработка адаптированных основных образовательных программ, и новые профессиональные стандарты должностей педагогических работников, благодаря которым дети с ОВЗ и с инвалидностью могут получить общее образование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобкова О. В., Гамаюнова А. Н. Особенности коммуникативной компетентности студентов с ограниченными возможностями здоровья // Гуманитарные науки и образование. 2023. Т. 14. № 1 (53). С. 7–15.
2. Гимаев И. З. Социальная сфера Республики Башкортостан – приоритетное направление государственной политики // Экономика и управление. 2015. № 6. С. 8–14.
3. Гайфуллин А. Ю. Приоритеты социальной политики республики Башкортостан в отношении молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 4 (8). С. 111–120.
4. Кашапова Л. М. Нормативно-правовое обеспечение и регулирование процесса внедрения инклюзивного образования // Вестник УГАЭС. Наука. Образование. Экономика. Сер.: Экономика. № 2 (2). 2012. С. 131–136.
5. Корнилова А. Г., Аргунова Т. П. Философские и социально-педагогические аспекты интеграции детей с особыми образовательными потребностями в социум // Гуманитарное образование как императив развития гражданского общества : сборник научно-методических материалов международного научно-образовательного форума Северо-Восточного федерального университета. 2014. С. 1297–1304.

6. Чекменева Т. Г. Образование как социальный институт: теоретические подходы // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. Т. 6. № 4. С. 150–153.
7. Шереги Ф. Э. Образование как социальный институт: функции и дисфункции // Россия реформирующаяся. 2015. № 13. С. 12–36.
8. Антропов А. П., Кудрина С. В. Адаптированные основные общеобразовательные программы в современных условиях обучения // Специальное образование. 2016. № 4. С. 5–15.
9. Замашнюк Е. В. Технологии сопровождения обучающихся с нарушениями зрения на этапе основного общего образования // Вестник психофизиологии. 2018. № 2. С. 81–88.
10. Кантор В. З., Никулина Г. В., Немирова Н. В. Институционализация психолого-педагогического сопровождения слепых и слабовидящих детей в системе образования: региональная управленческая практика // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2022. № 4. С. 60–87.
11. Голубева Л. В. Инклюзивное образование: идеи, перспективы, опыт. Волгоград : Учитель, 2014. 95 с.
12. Шереги Ф. Э. Педагоги общеобразовательных организаций: труд или повинность? // Социологические исследования. 2016. № 1 (381). С. 108–116.
13. Егорышев С. В., Мигунова Ю. В. Организация и содержание профессиональной деятельности в оценках общественного мнения учителей Республики Башкортостан (на материалах социологического исследования 2022 года // Личность, культура, общество: наследие Л. Н. Когана и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции XXIII Уральские социологические чтения. Екатеринбург, 2023. С. 233–237.
14. Столь А. В. Факторы профессионального выгорания учителей как системная управленческая проблема в сфере образования // Society and Security Insights. 2023. Т. 6. № 4. С. 108–124.
15. Николаев В. А., Олевская И. А., Котикова А. А. Знакомство будущих педагогов с правовым обеспечением инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 1 (94). С. 239–243.

REFERENCES

1. Bobkova O. V., Gamayunova A. N. Features of communicative competence of students with disabilities // Humanities and education. 2023. Vol. 14. No. 1 (53). P. 7–15. (In Russ.)
2. Gimaev I. Z. The social sphere of the Republic of Bashkortostan is a priority direction of state policy // Economics and management. 2015. No. 6. P. 8–14. (In Russ.)
3. Gaifullin A. Yu. Priorities of social policy of the Republic of Bashkortostan in relation to youth // Ufa Humanitarian Scientific Forum. 2021. No. 4 (8). P. 111–120. (In Russ.)
4. Kashapova L. M. Legal support and regulation of the process of introducing inclusive education // Bulletin of the USAES. The science. Education. Economy. Ser.: Economics. No. 2 (2). 2012. P. 131–136. (In Russ.)
5. Kornilova A. G., Argunova T. P. Philosophical and socio-pedagogical aspects of the integration of children with special educational needs into society // Humanitarian education as an imperative for the development of civil society : collection of scientific and methodological materials of the international scientific and educational forum of the North-Eastern Federal University. 2014. P. 1297–1304. (In Russ.)
6. Chekmeneva T. G. Education as a social institution: theoretical approaches // Bulletin of the Voronezh State Technical University. 2010. Vol. 6. No. 4. P. 150–153. (In Russ.)
7. Sheregi F. E. Education as a social institution: functions and dysfunctions // Reforming Russia. 2015. No. 13. P. 12–36. (In Russ.)
8. Antropov A. P., Kudrina S. V. Adapted basic general education programs in modern learning conditions // Special education. 2016. No. 4. P. 5–15. (In Russ.)
9. Zamashnyuk E. V. Technologies for supporting students with visual impairments at the stage of basic general education // Bulletin of psychophysiology. 2018. No. 2. P. 81–88. (In Russ.)
10. Kantor V. Z., Nikulina G. V., Nemirova N. V. Institutionalization of psychological and pedagogical support for blind and visually impaired children in the education system: regional management practice // Bulletin of the Leningrad State University after named A. S. Pushkin. 2022. No. 4. P. 60–87. (In Russ.)

11. Golubeva L. V. Inclusive education: ideas, perspectives, experience. Volgograd : Teacher, 2014. 95 p. (In Russ.)
12. Sheregi F. E. Teachers of general education organizations: work or service? // Sociological research. 2016. No. 1 (381). P. 108–116. (In Russ.)
13. Egoryshev S. V., Migunova Yu. V. Organization and content of professional activity in assessments of public opinion of teachers of the Republic of Bashkortostan (based on materials from a sociological study in 2022 // Personality, culture, society: the legacy of L. N. Kogan and modernity : materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of the XXIII Ural Sociological Readings. Yekaterinburg, 2023. P. 233–237. (In Russ.)
14. Stol A. V. Factors of professional burnout of teachers as a systemic management problem in the field of education // Society and Security Insights. 2023. Vol. 6. No. 4. P. 108–124. (In Russ.)
15. Nikolaev V. A., Olevskaya I. A., Kotikova A. A. Familiarization of future teachers with the legal support for inclusive education of children with disabilities // Scientific notes of the Oryol State University. 2022. No. 1 (94). P. 239–243. (In Russ.)

Информация об авторе:

Мигунова Ю. В. – кандидат социологических наук.

Information about the author:

Migunova Yu. V. – Candidate of Sociology.

Статья поступила в редакцию 16.05.2024; одобрена после рецензирования 03.06.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 16.05.2024; approved after reviewing 03.06.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 174:351.741.08(470)

Ирина Ганеевна Асфандиярова¹, Садык Сабирович Низамов²

¹ Академия ВЭГУ, Уфа, Россия

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, sadyk765@mail.ru

К ВОПРОСУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ И ЭТИКЕТА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. В современном обществе для обеспечения надлежащих условий правопорядка, своевременного реагирования на неправомерные действия недобросовестных лиц профессиональная этика выступает одним из самых эффективных регуляторов в сфере деятельности правоохранительных и иных органов государственной власти. Возросло значение коммуникативной культуры личности, которая выражается не только в умении налаживать деловые связи, но и соблюдать этические нормы поведения. В повседневной жизни часто случаются ситуации, когда человек чувствует неуверенность в своей профессиональной среде, в общении с окружающими, с высокопоставленными должностными лицами и т. д. Иногда не удается найти взаимопонимания между самыми близкими и родными людьми. Это все приводит к душевному дискомфорту и лишает покоя. Как предупредить конфликты и достичь гармонии в общении с окружающими людьми? Ответ на этот и аналогичные вопросы можно найти, овладев коммуникативной культурой, профессиональной этикой и этикетом. На наш взгляд, немаловажную роль играет также нравственное поведение. И здесь уместно будет вспомнить о нравственных ценностях (добре, честности, справедливости, любви и т. д.). Правоохранительные органы, осуществляя свои функции, должны считать своим долгом придерживаться норм и канонов профессиональной этики, что означает «быть профессионалом в своем деле».

Ключевые слова: этика, этикет, профессиональная этика, сотрудник правоохранительных органов, коммуникативная культура личности

Для цитирования: Асфандиярова И. Г., Низамов С. С. К вопросу профессиональной этики и этикета сотрудников правоохранительных органов // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 99–104.

Original article

Irina G. Asfandiyarova¹, Sadyk S. Nizamov²

¹ Academy of VEGU, Ufa, Russia

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, sadyk765@mail.ru

ON THE QUESTION OF PROFESSIONAL ETHICS AND ETIQUETTE OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Abstract. In modern society, professional ethics acts as one of the most effective regulators in the field of law enforcement and other public authorities in order to ensure proper conditions for law enforcement and timely response to illegal actions of unscrupulous persons. The importance of a person's communicative culture has increased, expressed not only in the ability to establish business contacts, but also to comply with ethical standards of behavior. In everyday life, situations often occur when a person feels insecure in their pro-

fessional environment, in communicating with others, with high-ranking officials, etc. Sometimes it is not possible to find mutual understanding between the closest and dearest people. All this leads to mental discomfort and deprives of peace. How to prevent conflicts and achieve harmony in communication with other people? The answer to this question and similar questions can be found by mastering communication culture, professional ethics and etiquette. And in our opinion, moral behavior also plays an important role. And here it would be appropriate to recall moral values (kindness, honesty, justice, love, etc.) [7]. Law enforcement agencies, in carrying out their functions, should consider it their duty to adhere to the norms and canons of professional ethics, which means “to be a professional in their field”.

Keywords: ethics, etiquette, professional ethics, law enforcement officer, communicative culture of personality

For citation: Asfandiyarova I. G., Nizamov S. S. On the question of professional ethics and etiquette of law enforcement officers // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 2 (18). P. 99–104. (In Russ.)

Введение

Профессионально-этические принципы и нормы служебного поведения являются одними из важных составляющих качественной деятельности органов внутренних дел. Сотрудники правоохранительных органов выполняют поставленные задачи не только строго в соответствии с нормативными правовыми актами, но и с нравственно-этическими нормами и требованиями профессиональной морали органов правопорядка [1]. Во все времена социально ориентированная профессиональная деятельность, в том числе деятельность сотрудников правоохранительных органов, неразрывно связана с реализацией определенных культурных ценностей и этических норм. Важнейшими условиями эффективности труда в социальной сфере является соблюдение субъектами профессиональной деятельности сформировавшихся в данной сфере морально-ценностных установок и традиций, проявление ими профессионально-этической культуры [2; 3]. Следовательно, необходимо отметить получение образования сотрудниками правоохранительных органов. В настоящее время развитие образовательной сферы определяется решением стратегической и актуальной задачи – адаптации к новым системным вызовам, которые характеризуются глобализацией и активным внедрением в педагогический процесс дистанционных, информационных и коммуникационных технологий [4; 5; 6; 7].

На современном этапе одной из важнейших задач сотрудников правоохранительных

органов являются соблюдение законности и охрана правопорядка. Сотрудник представляет собой лицо государства и от выполнения им своих обязанностей будет зависеть, насколько граждане будут доверять государству, чувствовать его заботу и защиту. К современному сотруднику полиции общество предъявляет достаточно серьезные требования, где наряду с профессионалами знаниями и умениями сотрудник должен обладать высокими моральными качествами, поэтому вопросам соблюдения сотрудниками полиции при выполнении своих служебных обязанностей норм морали и этики придается весьма важное значение [8; 9; 10; 11].

Методы

В работе использовались всеобщий диалектический метод познания, общенаучные подходы, такие как анализ, синтез, обобщение, а также частнонаучные методы, включая исторический, системный, формально-юридический, логический, сравнительно-правовой и др.

Результаты

Приведем примеры того, что профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов охватывает многие грани взаимоотношений людей:

– по отношению к населению, к отдельным гражданам – это профилактика правонарушений и предотвращение преступлений;

– по отношению к преступникам – это установленная по делу правда и «меч возмездия» в качестве справедливой меры наказания;

– по отношению к нашему обществу – это устранение коррупции, преступности, борьба с бюрократией и торжество истины;

Вне службы сотрудник правоохранительных органов своим поведением показывает пример для окружающих его людей по соблюдению закона и общественного порядка. Конечно же, он должен быть готов прийти всегда на помощь пожилым, больным, детям и т. д. Он должен защитить их от беды, оказать в случае необходимости правовую помощь.

Понятие «нравственность» охватывает много значений. Однако можно назвать все-таки основы. На наш взгляд, это вежливое и уважительное отношение к людям, деликатность, справедливое отношение к происходящему. Ущемление прав и свобод других людей для нравственного человека не допустимы [12; 13].

Многие считают, что нравственность и мораль – это синонимы, имеют единые корни и истоки.

В нравственной регуляции поведения сотрудника правоохранительных органов велика роль моральной оценки, которая складывается из моральных принципов, идеалов, а также норм права, которые предписывают человеку как он должен себя вести.

И как неписанный закон в этике все моральные оценки поставлены с позиций Добра и Зла, поэтому очень важно разобраться, что из себя представляет диалектика нравственных отношений:

- нравственные отношения к объекту, целям, задачам, методам и результатам деятельности сотрудников правоохранительных органов;

- нравственные отношения между субъектами этой профессиональной деятельности;

- законы диалектики в отношении сотрудников правоохранительных органов к своему народу.

Раскроем суть основных правил поведения сотрудников правоохранительных органов:

1. Поведение должно быть безупречным, ибо поведение – это эталон высочай-

шего стандарта профессионализма. Деловая репутация и авторитет сотрудника должен быть всегда на высоте. Здесь необходимо упомянуть, что нецензурная речь будет портить образ сотрудника правоохранительных органов.

2. Профессиональная этика гласит:

- быть всегда доброжелательным и открытым, иметь собственное чувство достоинства, а также искреннее уважение к населению, в том числе оказывать уважение старшим по званию или возрасту, всегда здороваться с окружающими;

- иметь внутренний строгий контроль над своими эмоциями; умение не проявлять неприязнь и плохое настроение; четкий аналитический расчет последствий своих поступков;

- корректное поведение по отношению ко всем, в том числе к коллегам, независимо от их служебного и социального положения;

- строго придерживаться официального стиля в одежде, поведении, оформлении документов; соблюдать культуру речи, уметь объяснять свои мысли доходчиво и четко;

- ценить свое и чужое время;

- в поведении с коллегами проявлять простоту и скромность, уметь искренне радоваться успехам сослуживцев, помогать выполнять трудные поручения, быть непримиримым борцом с хамством, грубостью, хвастовством и другими негативными качествами.

3. Поддерживать в своей семье атмосферу дружелюбия, доброты, искренности, доверия. Всегда проявлять заботу в воспитании детей, формировать у них высокие нравственные и патриотические качества.

4. Сотруднику, который имеет автомобиль:

- помнить, что транспортные средства являются средствами повышенной опасности, соответственно, строго выполнять установленные правила безопасности на дороге;

- быть образцом водительской вежливости.

5. Надо помнить, что нельзя:

- употреблять алкогольные напитки во время исполнения служебных обязанностей;

– проводить в служебных помещениях застоля, посвященные разным праздникам и т. д.;

– принимать наркотические и психотропные вещества и препараты, (исключением является только назначение врача);

- посещать казино и другие игорные заведения;

- состоять в беспорядочных половых связях;

- иметь отношения и сомнительные связи с людьми, имеющими отрицательную репутацию, криминальное прошлое и настоящее.

6. Сотрудник должен помнить, что все перечисленное выше наносит непоправимый ущерб репутации правоохранительных органов.

Профессиональная этика и правовая (служебная) эстетика сотрудника правоохранительных органов тесно связаны между собой, дополняют друг друга. Это проявляется в однозначности оценок поступков и действий сотрудников правоохранительных органов с точки зрения этики, морали и эстетики.

Так, например, высоконравственное поведение всегда красиво и всегда будет одобряться и профессиональной этикой, и с точки зрения эстетики, а уродливое, негативное поведение, напротив, не может быть одобрено.

Обратимся к вопросу о внешнем виде. Соблюдая опрятность и личную гигиену, человек тем самым проявляет уважение и к себе и окружающим. Кому приятно находиться рядом с неряшливым человеком? Современный этикет наследует обычаи всех народов от древности до наших дней. В основе своей эти правила поведения являются всеобщими, поскольку соблюдаются представителями всех слоев общества [14]. Однако опрятная одежда – это еще не все.

Костюм должен быть красивым, хорошо подогнанным по фигуре. Это не значит, что одежда должна быть роскошной и дорогостоящей. Иногда дешевый костюм на одном человеке лучше выглядит, чем дорогой – на другом. Здесь мы видим талант правильно подобрать свой гардероб и умение носить аксессуары. Иногда одной мелочью можно испортить деловой образ, например, одев слишком яркий галстук, который не сочетается с костюмом. Очень многое зависит от того умеем ли мы носить вещь, какая у нас походка, осанка и т. д.

Рассматривая, что такое этикет, отметим, что в литературе выделяется несколько типов этикета. В нашей теме остановимся на воинском этикете как наиболее близком к этикету сотрудников правоохранительных органов, так как его особенностью служат такие понятия, как: «субординация», «дисциплина» и «исполнительность» [3; 16; 17].

Для примера можно также привести деловой этикет – правила, регламентирующие работу офисных работников, манеру их общаться, в том числе и их внешний вид. Знание основ профессиональной этики и служебной эстетики и применение их на практике не только в служебное время, но и в быту делают сотрудника правоохранительных органов культурным гражданином и позволяют ему более эффективно выполнять служебные обязанности, повышают не только его авторитет среди граждан, но и авторитет органов государственной власти.

Заключение

Таким образом, теряется самое главное, если в человеке нет человеческого [15]. На наш взгляд, в этом случае теряет смысл не только культура в целом, но и деятельность человека любой профессии, особенно, если эта деятельность связана с воспитанием и образованием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нормы этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел / А. А. Исаев, Р. М. Янбухтин, П. А. Сухоплюев, М. М. Закомалдин. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2022. 48 с.

2. Стовба А. В. Соотношение и взаимодействие традиций и инноваций в общественном развитии // В мире научных открытий. 2011. № 4 (16). С. 229–233.
3. Стовба А. В. Традиция и новация в развитии современного российского общества : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Уфа, 2015. 22 с.
4. Проблемы и направления развития цифровизации образовательной сферы региона в условиях новых экономических вызовов / Е. В. Стовба, А. В. Стовба, С. С. Низамов [и др.] // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 10-2. С. 247–254.
5. Низамов С. С., Стовба Е. В., Стовба А. В. Состояние и тенденции развития высшего образования в Республике Башкортостан // Наука Красноярья. 2022. Т. 11. № 2-4. С. 69–77.
6. Пронина С. Н., Стовба А. В., Лой Л. С. Образование как базовая сфера формирования и развития человеческого капитала на муниципальном уровне // Актуальные проблемы и тенденции развития современной экономики и информатики : материалы Международной научно-практической конференции. Бирск : Уфимский университет науки и технологий, 2023. С. 267–271.
7. Стовба Е. В., Стовба А. В. Цифровая трансформация сферы образования региона в условиях новых вызовов // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2023) : сборник статей IV Международной научно-практической конференции. М. : Московский государственный психолого-педагогический университет, 2023. С. 232–242.
8. Гусманов Р. У., Стовба Е. В., Стовба А. В. Современная молодежь как стратегический ресурс развития сельских территорий региона (на примере Республики Башкортостан) // Дальневосточный аграрный вестник. 2018. № 4 (48). С. 296–303.
9. Низамов С. С., Макарова О. Б. Общество, экономика и право: проблемы взаимодействия в современных условиях // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 2 (14). С. 71–74.
10. Стовба А. В., Соколов В. М. Проблемы инновационного развития российского общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1.
11. Стовба А. В. Инновационные процессы в современном российском обществе // Инновационные процессы в науке и технике XXI века : материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) студентов, аспирантов, ученых, педагогических работников и специалистов-практиков, посвященной 35-летию филиала Тюменского индустриального университета. Нижневартовск : Тюменский индустриальный университет, 2016. С. 109–113.
12. Профессиональная этика и служебный этикет / А. А. Исаев, Р. М. Янбукхтин, П. А. Сухоплюев. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2023. 48 с.
13. Зарецкая И. И. Основы этики и психология делового общения. М. : Издательство Оникс, 2010. 224 с.
14. Дусенко С. В. Профессиональная этика и этикет. 3-е изд., стер. М. : Издательский центр «Академия», 2016. 224 с.
15. Профессиональная этика для юристов / отв. ред. В. М. Артемов, В. Н. Ксенофонтов. М. : Проспект, 2023. 368 с.
16. Соколов В. М., Стовба А. В. Этика ответственности: происхождение и тенденции концептуальной эволюции // В мире научных открытий. 2014. № 7-1 (55). С. 636–653.
17. Соколов В. М., Стовба А. В. Этика ответственности в вопросах жизнеобеспечения населения // Качество жизнеобеспечения населения : сборник научных статей участников II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. Г. М. Хасанова. Уфа : Автономная некоммерческая организация «Исследовательский центр информационно-правовых технологий», 2016. С. 78–81.

REFERENCES

1. Norms of ethics and official behavior of employees of internal affairs bodies / A. A. Isaev, R. M. Yanbukhtin, P. A. Sukhoplyuev, M. M. Zakomaldin. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. 48 p. (In Russ.)
2. Stovba A. V. Correlation and interaction of traditions and innovations in social development // In the world of scientific discoveries. 2011. No. 4 (16). P. 229–233. (In Russ.)

3. Stovba A. V. Tradition and innovation in the development of modern Russian society : abstract of the dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences. Ufa, 2015. 22 p. (In Russ.)
4. Problems and directions of development of digitalization of the educational sphere of the region in the context of new economic challenges / E. V. Stovba, A. V. Stovba, S. S. Nizamov [and others] // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2023. No. 10-2. P. 247–254. (In Russ.)
5. Nizamov S. S., Stovba E. V., Stovba A. V. State and trends in the development of higher education in the Republic of Bashkortostan // Science of Krasnoyarsk. 2022. Vol. 11, No. 2-4. P. 69–77. (In Russ.)
6. Pronina S. N., Stovba A. V., Loy L. S. Education as a basic sphere of formation and development of human capital at the municipal level // Current problems and trends in the development of modern economics and computer science : materials of the International Scientific and Practical Conference. Birsik : Ufa University of Science and Technology, 2023. P. 267–271. (In Russ.)
7. Stovba E. V., Stovba A. V. Digital transformation of the regional education sector in the context of new challenges // Digital Humanities and Technologies in Education (DHTE 2023) : collection of articles of the 4th International Scientific and Practical Conference. M. : Moscow State Psychological and Pedagogical University, 2023. P. 232–242. (In Russ.)
8. Gusmanov R. U., Stovba E. V., Stovba A. V. Modern youth as a strategic resource for the development of rural areas of the region (on the example of the Republic of Bashkortostan) // Far Eastern Agrarian Bulletin. 2018. No. 4 (48). P. 296–303. (In Russ.)
9. Nizamov S. S., Makarova O. B. Society, economics and law: problems of interaction in modern conditions // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2023. No. 2 (14). P. 71–74. (In Russ.)
10. Stovba A. V., Sokolov V. M. Problems of innovative development of Russian society // Modern problems of science and education. 2015. No. 2-1. (In Russ.)
11. Stovba A. V. Innovation processes in modern Russian society // Innovative processes in science and technology of the 21st century: materials of the 14th All-Russian scientific and practical conference (with international participation) of students, graduate students, scientists, teachers and practitioners, dedicated to the 35th anniversary of the branch of the Tyumen Industrial University in Nizhnevartovsk. Nizhnevartovsk : Tyumen Industrial University, 2016. P. 109–113. (In Russ.)
12. Professional ethics and official etiquette / A. A. Isaev, R. M. Yanbukhtin, P. A. Sukhoplyuev. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. 48 p. (In Russ.)
13. Zaretskaya I. I. Fundamentals of ethics and psychology of business communication. M. : Onyx Publishing House, 2010. 224 p. (In Russ.)
14. Dusenko S. V. Professional ethics and etiquette. 3rd ed., revised. M. : Publishing Center “Academy”, 2016. 224 p. (In Russ.)
15. Professional ethics for lawyers / ed. V. M. Artemov, V. N. Xenophon. M. : Prospekt, 2023. 368 p. (In Russ.)
16. Sokolov V. M., Stovba A. V. Ethics of responsibility: origin and trends of conceptual evolution // In the world of scientific discoveries. 2014. No. 7-1 (55). P. 636–653. (In Russ.)
17. Sokolov V. M., Stovba A. V. Ethics of responsibility in matters of life support for the population // Quality of life support for the population : collection of scientific articles of participants of the 2nd All-Russian scientific and practical conference with international participation, Ufa, December 5, 2016 / ed. G. M. Khasanova. Ufa : Autonomous non-profit organization "Research Center for Information and Legal Technologies", 2016. P. 78–81. (In Russ.)

Информация об авторах:

Асфандиярова И. Г. – кандидат юридических наук, доцент;
Низамов С. С. – кандидат экономических наук.

Information about the authors:

Asfandiyarova I. G. – Candidate of Law, Associate Professor;
Nizamov S. S. – Candidate of Economy.

Статья поступила в редакцию 11.04.2024; одобрена после рецензирования 05.06.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 11.04.2024; approved after reviewing 05.06.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Научная статья
УДК 141.201

Лада Альбертовна Зубкевич
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, lada-zubk@rambler.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ ПАРАДИГМАЛЬНОГО СИНТЕЗА В ОБЩЕСТВОЗНАНИИ

Аннотация. Современное человечество находится в неустойчивом состоянии своего развития, происходит поиск способа перехода обществ к новому. Сегодня обществознание сталкивается с трудностями при изучении этих процессов. Они связаны с их субъектно-объектной неопределенностью. В результате возникает необходимость расширения методологической и теоретической баз исследований за счет привлечения элементов аналогичных баз других парадигм. Указанные процессы приводят к возникновению тенденции к парадигмальному синтезу в исследованиях. В статье рассматриваются линейная, циклическая, синтетическая (линейно-циклическая) парадигмы понимания исторического процесса. В соответствии с этой классификацией систематизируются исследования переходных состояний развития человечества, которые анализируются на предмет наличия нехарактерных для их парадигмы элементов. С помощью методов парадигмальной систематизации исследовательских позиций и феноменологического интенционального анализа делается вывод о необходимости парадигмального синтеза, выявляются методологические условия осуществления этого синтеза. Так, методологически осуществим синтез парадигм, признающих принцип развития, ориентирующихся на диалектический закон качественных и количественных изменений. Возможен синтез метафизических, не опирающихся на принцип развития парадигм. Парадигмальный синтез методологически противоположных парадигм (диалектических и метафизических) невозможен.

Ключевые слова: переходные состояния развития человечества, исторический процесс, парадигмы интерпретации истории, парадигмальный синтез, общественно-экономическая формация, общественная система, цивилизация

Для цитирования: Зубкевич Л. А. О возможности парадигмального синтеза в обществознании // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. № 2 (18). С. 105–119.

Original article

Lada A. Zubkevich
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, lada-zubk@rambler.ru

ON THE POSSIBILITY OF PARADIGMATIC SYNTHESIS IN SOCIAL SCIENCE

Abstract. Modern humanity is in an unstable state of its development; a search is underway for a way to transition societies to a new one. Today, social science faces difficulties in studying these processes. They are associated with their subject-object uncertainty. As a result, there is a need to expand the methodological and theoretical bases of research by attracting elements of similar bases of other paradigms. These processes lead to the emergence of a tendency toward paradigmatic synthesis in research. The article discusses linear, cyclical, synthetic (linear-cyclic) paradigms for understanding the historical process. In accordance with this classification, studies of transitional states of human development are systematized, these studies are analyzed for the presence of elements that are not characteristic of their paradigm. Using methods of paradigmatic systematization of research positions and phenomenological intentional analysis, a conclusion is made about the need for paradigmatic synthesis, and methodological conditions for the implementation of this synthesis

© Зубкевич Л. А., 2024

are identified. Thus, we will methodologically carry out a synthesis of paradigms that recognize the principle of development, focusing on the dialectical law of qualitative and quantitative changes. It is possible to synthesize metaphysical paradigms that are not based on the principle of development. Paradigmatic synthesis of methodologically opposite paradigms (dialectical and metaphysical) is impossible.

Keywords: transitional states of human development, historical process, paradigms of interpretation of history, paradigmatic synthesis, socio-economic formation, social system, civilization

For citation: Zubkevich L. A. On the possibility of paradigmatic synthesis in social science // Society, law, statehood: retrospective and perspective. No. 2 (18). P. 105–119. (In Russ.)

Введение

Актуальность исследования. Современное человечество находится в переходном состоянии своего развития, происходит поиск способа перемещения обществ от старого устойчивого состояния к новому. Исследователю приходится сталкиваться с трудностями, обусловленными этим состоянием: субъектно-объектная неопределенность изучаемого явления сопряжена с противоречием логического и исторического, модели и оригинала, абстрактного и конкретного, экзистенциальности личности ученого и окружающей его социальной реальности. Качественная неопределенность, неустойчивость реальности приводят к необходимости ввести в рамки рационального противоречивое, иррациональное и часто нерациональное. Отвечая на эти вызовы, обществензнание выходит за рамки парадигмальной ограниченности.

Предмет: обществоведческие исследования переходных состояний современного этапа процесса развития человечества.

Область исследования: традиционные парадигмы исторического процесса, которые часто называются по своим главным категориям: формационный, цивилизационный, системный подходы и парадигмы истории.

Цель: выявление в исследованиях обществоведов тенденций к парадигмальному синтезу.

Задачи: систематизация исследований переходных состояний развития человечества, классификация позиций авторов, парадигмальный анализ данных исследований.

Методы

Рассматриваемая проблема актуализирована давно, и она не потеряла значимость

до сих пор, следствием этого стало существование огромного множества ее исследований. При подборе работ представителей научных парадигм мы оставляем за собою право ограничивать глубину исследования своим видением его теоретико-методологических целей, логикой исследования и самого изложения. Анализ проведен с использованием следующих методов: 1) феноменологического интенционального анализа (в исследованиях выявляются акты сознания исследователя, которые используются им для конструирования своей модели реальности); 2) парадигмальной систематизации исследовательских позиций.

Понимание места переходных состояний в истории.

1. Представители теории общественно-экономической формации. К. Маркс как основатель формационного подхода различал в процессе исторического развития прогрессивные этапы, ступени и соответствующие им «эпохи общественной экономической формации» и переходные эпохи между ними, то есть «эпохи социальных революций» и «общественных переворотов». В основу классификации исторического процесса марксизма положены производственные отношения и материальные производительные силы, между которыми есть обострение противоречий, по сути, содержание социальной революции. За трансформацией «базиса» меняется вся «надстройка», тогда наступает эпоха социальной революции [1]. Революция – это скачок с методологической точки зрения марксизма, то есть неустойчивое, переходное состояние.

В. И. Ленин разработал теорию социальной революции и революционной ситуации, которые он считал «могучей двигательной

силой переходного исторического периода» [2, с. 193; 3, с. 422]. Это положило начало разработке теории социальных революций в марксистской литературе советской эпохи. Данное направление «оснащено» методологически благодаря В. И. Ленину, дало ощутимые результаты в науке.

В марксистской традиции социальная революция анализируется в следующих аспектах: место старого и нового в переходном состоянии, конец старой формации и начало новой. В целом авторы признают, что «революционная эпоха» включает в себя и старое, и новое, процесс революционного изменения старого в новое, «период гибели старого общества и период складывания нового общества» [4], социальные революции могут иметь различные конкретные формы [5, с. 242–251] или переходные формы [6].

В этой литературе часто социальные революции называют «переходным периодом». Его рассматривали как специфическое понятие в теории становления коммунистической формации, особое внимание уделялось средствам реализации переходного периода (переходным формам собственности, социальным структурам и пр.), а также проблеме начала перехода, концепции «слабого звена», границам переходного состояния, особенностям государственного устройства в этот период (диктатура и особая избирательная система) [см., например, 7; 8, с. 133; 9, с. 56].

В недрах советской школы марксизма уже в начале 70-х годов XX века складывались подходы, получившие право на существование позже. Например, В. Я. Израитель общественно-экономические формации понимает как некую логическую абстрактную категорию. Реально существует, с его точки зрения, только конкретное общество – сложная система, которая определяется общественно-экономической формацией и экономическими отношениями в ней, но к ним не сводится [6, с. 23–24].

Так, понимание формации как абстрактной логической категории и даже как «идеализированного чистого случая» дало возможность при рассмотрении конкретных

обществ и процессов в них отойти от схематичности общественно-экономической формации (тем более, в вопросе числа и схемы формаций в марксизме были разные позиции). Таким образом вводится в научный оборот понятия устойчивых и неустойчивых состояний процесса развития, вариантов и форм развития, переходности [6, с. 23–24].

С подобных, нетрадиционных для марксизма, позиций писали свои работы А. Я. Гуревич, Э. В. Крапивенский и другие. По мнению А. И. Ракитова, неустойчивые состояния в разных обществах отличаются по содержанию и форме, зависят от предшествующей истории, «этнических и социально-культурных особенностей народа, уровня экономического развития страны, предрассудков, обусловленной прошлым психологии людей и т. д.» [10, с. 17]. Для А. Я. Гуревича переходность – это изменчивость. Такие состояния провоцируются воздействием извне, оно определяющее. Существуют также особые переходные формы, но для перехода от одной формы к другой нужен внешний толчок [11]. С. Э. Крапивенский считает, что социальная революция системна, ее системный характер также вытекает из системности формации [8, с. 133].

В связи с юбилейными датами со дня рождения В. И. Ленина, К. Маркса, а также столетней годовщиной Великой октябрьской социалистической революции, по причине разочарования в возвратившемся капитализме на постсоветском пространстве усилился интерес к учениям классиков марксизма, вновь происходит переосмысление революционных событий и их значения. Поскольку у нас существует очень сильная марксистская традиция в философии и истории, то современные исследователи в статьях продолжают полемику своих предшественников, развивая вышеобозначенную проблематику. Основная задача – развенчать идеологические мифы советских времен, выявить и критически осмыслить постсоветскую мифологию на означенную тематику [см., например, 12].

Журнал «Альтернативы» посвятил двухсотлетнему юбилею К. Маркса отдельный

номер. В нем авторы отмечают, что марксистская теория нашла свое подтверждение, она позволяет найти подход к разным явлениям природы и общества. Теория общественно-экономической формации не имеет альтернативы, так как она построена на четком критерии – способе производства материальных благ [13]. Чэнь Хун считает, что любая теория ограничена временем ее создания. В настоящее время некоторые тезисы марксизма требуют «исправлений», это в свое время подразумевал и К. Маркс. Например, тезис об одновременной социалистической революции в развитых капиталистических странах автор считает неверным, также не подтвердилось историей утверждение о близком крахе капитализма [14].

В рамках марксистской парадигмы существуют современные институционализированные объединения ученых, например, Центр современных марксистских исследований философского факультета МГУ, возглавляемый А. В. Бузгалиным. Здесь исследуется широкий спектр вопросов, в том числе проводится сравнительный анализ исторического опыта и конкретных моделей социализма, разрабатывается диалектическая методология с опорой на школу Э. В. Ильенкова, рассматриваются перспективы прогрессивного развития человечества, путь от «царства необходимости» к «царству свободы» (коммунизму) и пр. [15].

А. В. Бузгалин выделяет постсоветскую школу критического марксизма, которая появилась на русскоязычном пространстве и занимается диалектической теорией социально-экономических трансформаций. Эта школа предложила «пролегомены» будущего целостного труда, характеристики отношений, противоречий позднего капитализма, изучает природу современного рынка (корпоративные сети, трансформацию денег, специфику новых социальных отношений эксплуатации) [16].

Другим примером организации ученых является Общероссийская общественная организация «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО), в рамках ее деятельности проводятся многочисленные

конференции посвященные социализму, революционным процессам, марксизму и т. п. [см., например, 17].

Таким образом, в рамках данной парадигмы наблюдается эволюция идей от поиска научных категорий, отражающих объективную реальность исторического процесса, через абстрактно-логические понятия-модели к осознанию недостаточности того и другого, к необходимости расширения методологического инструментария формационной парадигмы. Поэтому в современных исследованиях мы встречаем категории и методы исследования, характерные для других парадигм.

2. Представители теории социальных систем. Другая парадигма интерпретации истории – теория социальных систем. Социальная система (общество) понимается как качественное множество элементов, которые связаны между собой динамическими и статистическими отношениями, обуславливающими свойства системы. Система имеет системопорождающее противоречие, которое она с необходимостью должна разрешать, в противном случае система разрушится [18, с. 66].

Система существует в своих рамках до тех пор, пока не войдет в состояние «социальной энтропии». Это состояние изменчивости возникает из-за отклонения от прежней устойчивости системы, снижения уровня организации, эффективности функционирования, замедления темпов развития системы. Выход из состояния «социальной энтропии» предполагает преодоление определенных порогов, что качественно меняет состояние системы. Как правило, системы пребывают в устойчивых состояниях, посредством «социальной энтропии» достигается новое устойчивое состояние. Те и другие состояния с закономерностью чередуются [19].

В другой терминологии такое неустойчивое состояние систем связывают с бифуркационной фазой, которая возникает вследствие преодоления системой «эволюционных запретов» [20, с. 93]. Неустойчивые состояния обществ иногда называют

транзитивными. В этих состояниях общество «представляет собой чрезвычайно динамичную систему, наполненную разнонаправленными, избыточными процессами, протекающими с различными скоростями и содержащими широкий спектр потенциальных возможностей дальнейшего общественного развития», в этом состоянии развитие нелинейное, смыслопоражающее, трудно прогнозируемое [21, с. 605].

В рамках данной парадигмы, как и в формационной, речь заходит о типах переходных механизмов [22], но предполагаются три пути перехода системы в новое состояние: полное поглощение другой системой, переход в новый цикл, полное разрушение [23, с. 5, 9, 10].

Также существует аналогичный марксистскому исторический подход к пониманию неустойчивых состояний, периодичность их возникновения связывают с технологическими и социальными революциями, экономическими кризисами, мировыми войнами как средствами реализации этих состояний. Они возникают в конце столетних «жизненных укладов». Последние описываются «длинными волнами Кондратьева» и «вековыми циклами накопления капитала Арриги» [24]. Представителям теории систем характерен в разной степени телеологизм в понимании развития общественных систем или близкая к нему абсолютизация роли личности или групп личностей в этом развитии [25, с. 294].

Таким образом, в данной терминологии «социальная энтропия», «бифуркационная фаза» и пр. определяются как неустойчивое состояние и переход от старого к новому, что аналогично содержанию понятий марксистской парадигмы «переходный период», «скачок», «социальная революция». Социальная система мыслится как наделенная определенным качеством.

3. Представители цивилизационной теории. В методологии цивилизационного подхода наблюдается схожее с теорией систем рассмотрение проблемы устойчивости и неустойчивости в истории. Развитие человечества представляет собой цепь цивилиза-

ций, где одни цивилизации умирают, другие появляются вновь. Между цивилизациями существуют неустойчивые «цивилизационные разломы» [26], этапы надлома [27], «культурная диффузия» [28], «тектонические сдвиги» [29].

Во время этих неустойчивых состояний, которые связывают с качественным изменением структур цивилизационных комплексов или с процессом перемещения культурных ценностей от одной цивилизации к другой, происходят «перепады» между «сгустками специфической социальности», «завихрения» исторического процесса [26, с. 49], переход от одного рода структурной устойчивости к структурной устойчивости другого рода [27, с. 15–16], «обновление технологий» или их смена [29]. Переходные состояния имеют средства своей реализации, например, у Э. Дюркгейма этот механизм представлен «коллективными представлениями», социальными структурами и отношениями в них [30].

Причиной возникновения неустойчивости являются изменения в базисных критериях определения основы общества. Вышеуказанные различия в интерпретациях таких критериев сводятся при сопоставительном анализе к трем группам: ценностное ядро, «коллективные представления» и социальные структуры. Возможность подобного сопоставления сегодня реализуется в попытках создать новую классификацию цивилизаций – цивилиографию, которая претендует стать новой отраслью обществознания [31].

В наше время вновь актуализирован вопрос о русской цивилизации. Существующие у нее «константы» культуры определяют развитие и преемственность русской культуры во время многочисленных революционных эпох [32]. Есть мнения, что несмотря на значительные трансформации в образе жизни и культуре, Россия сохранила свой «дух» (по сути цивилизационную идентичность) благодаря охранительной функции консервативной идеологии, которая присутствует в «духе» России всегда в явном или скрытом виде [33, с. 27].

Таким образом, в рамках данной парадигмы также выделяются устойчивые и неустойчивые этапы развития обществ, последние характеризуются изменчивостью, переходом от старого к новому. При цивилизационном подходе, как и при формационном, присутствует крупномасштабное прочтение истории. Авторами анализ делается на глобальном уровне. Концепции описывают процесс и тенденции развития человечества, устойчивость и неустойчивость состояний данного процесса. В данной парадигме наиболее известными являются: теории конвергенции (Дж. К. Гэлбрейт) [34], постиндустриального общества (Д. Белл) [35], утверждения конца истории на стадии капитализма (Ф. Фукуяма) [36], столкновения цивилизаций (С. Хантингтон), либерализма (Ф. А. Хайек) [37]. Сходство с марксистской концепцией имеет теория развития общества М. Вебера [38, с. 465]. Согласно последней развитие общества цикличное, потеря обществом материальной основы приводит к межцивилизационному периоду, где происходят органические изменения по приобретению новой материальной базы. Это перекликается с марксизмом, по сути, здесь речь идет о вещах содержательно равных – способе производства и материальной основе.

Таким образом, в результате проведенного выше сравнительного анализа представленных исследований мы обнаружили, что в рамках крупномасштабного прочтения истории все подходы в решении проблемы выделения состояний процесса развития так или иначе ориентируются на диалектические законы. Так, цивилизационный и формационный подходы рассматривают цивилизации и формации как отдельные качества исторического процесса, а теория систем – как качество общественного развития, что аналогично. Неустойчивые состояния качественной определенностью не наделяются.

Парадигмальный синтез в современных исследованиях. При парадигмальном анализе было обнаружено, что во многих современных исследованиях сочетаются разные методологии. Так, цивилизация и социаль-

ная система употребляются как рядоположенные понятия, у некоторых авторов формации системны. Также в научном обороте присутствуют категории, описывающие цивилизационный критерий для общественной системы, который идентифицирует ее качество. Следствием такой ситуации в обществоведческих исследованиях является возникновение ряда эпистемологических проблем. Одна из них – проблема категориальных аппаратов и категорирования общественных явлений. Например, ситуация с изучением революций в обществах. Э. Э. Шульц пишет о необходимости выделения определяющего признака в классификации революций для достижения системной стройности [39]. Р. Г. Аббасов, В. П. Римский предлагают свой вариант классификаций, выделяют кроме «политических» и «социальных» революций, культурно-цивилизационные (неолигическая, «осевой поворот» между античным язычеством и христианством).

В культурно-цивилизационных революциях переворот происходит не столько во внешних институтах и социальных структурах, сколько в религиозных и светских смыслах. Определяющим признаком мыслится переинтерпретация и перекодировка знаково-символических языков культуры в практиках повседневности, изменение форм мышления (ментальности), образа жизни, способов деятельности и общения людей. В теоретико-идеологических системах создаются новые базисные мифологии, философско-теоретические интуиции и рефлексии, формируются идеологические стереотипы и политические ритуалы. Однако, по мнению авторов, такое понимание революции несовместимо с классовым делением обществ, поэтому классовый критерий не применим [40, с. 8–9], но в основе любой классификации должен лежать один критерий, в чем и видится проблема.

Существует путаница стереотипов, шаблонов в определении современной наукой термина «революция» [40, с. 12]. Причина в том, что происходит рутинизация [41, с. 105] его использования, привычное употребление приводит к тому, что с переносным зна-

чением работают как с собственным [40, с. 5]. Л. А. Зубкевич также отмечает это обстоятельство и предлагает не использовать для обозначения неустойчивых состояний процесса развития общества термины «революция» и «реформа», но неустойчивые состояния обозначать термином «переходный период» общественного развития [19, с. 45].

В литературе наблюдается смешивание понимания терминов «реформа» и «революция» как форм общественных изменений с понятиями «социальная реформа» и «социальная революция», призванных отражать содержание и сущность этих изменений, например, введено такое понятие, как «коренные реформы» или «структурные реформы» [42, с. 36].

Примером последствий для науки рутинизации понятий «реформа», «революция», «политическая революция» и пр. является дискуссия А. Ю. Дворниченко и Д. В. Пузанова на страницах журнала «Вестник Удмуртского университета» [43; 44]. Глубинная причина возникновения подобных дискуссий историков в том, что историческая наука, особенно отечественная, после отрицания марксистской методологической парадигмы истории ищет новые основания исследования. Эмпирическая направленность мышления историков как исследователей конкретных исторических фактов служит причиной недостаточного внимания к абстрактному социально-философскому категориальному аппарату. В основном историки ссылаются на общеизвестность и общепринятость употребления подобных категорий. В результате вместо научного анализа исторических фактов мы имеем интерпретированные с разных мировоззренческих позиций «сказки» [45], а сама история рискует потерять статус науки.

Следующая проблема – необходимость парадигмального синтеза. В науке с конца XX в. мы наблюдаем тенденцию по сближению парадигм, которая реализуется в некотором их синтезе при решении конкретных научных задач. В XXI в. эта тенденция настолько усилилась, что теперь трудно встретить какое-либо исследование, строго при-

держивающееся определенной парадигмы. О возможности «сопряжения», «синтеза», «инкорпорации в научно-исследовательскую программу» теоретических элементов разных парадигм пишут многие современные исследователи-обществоведы [см., например, 46].

Парадигмальный синтез мы наблюдаем при периодизации истории, при классификации обществ. Например, синтез системного и формационного подходов в вопросах периодизации истории Н. Д. Субботиной [47], синтез В. Я. Любашица в вопросе типологии государств [48]. Интересна позиция Л. Н. Мартюшова, который при систематизации существующих парадигм истории (рассматривает их как различные концепции методологии истории), отмечает, что эти концепции очень близки друг к другу, но у них «различный объект исследования»: у одних – часть, у других – целое. В связи с этим автор их методологически объединяет: «применительно к современному миру, все человечество переходит от традиционного общества к индустриальному, но каждая цивилизация осуществляет этот переход по разному, в зависимости от особенностей своего развития» [49, с. 25]. Свой синтез концепций он называет «многофакторным подходом», утверждает, что в истории не существует такого фактора, который был бы единственной и ключевой основой развития [49].

Сложившаяся ситуация в науке объясняется сложностью происходящих в современности процессов (или в другой терминологии – социокультурной динамикой), изучение которых предполагает возможность и необходимость использования различных интерпретаций и парадигм для эмпирически конкретного описания происходящих изменений. «Применение конкурирующих друг с другом методологических интерпретаций и модельных типологизаций обеспечит разноплановый и панорамный анализ социокультурной динамики» [50, с. 407].

Наиболее часто встречающийся синтез – это формационный и цивилизационный подходы [например: 51], цивилизаци-

онный и системный [52]. Эти исследования делаются в рамках различных наук: истории, юриспруденции, социологии, философии и пр. При синтезе сочетаются эволюционизм, линейный вектор направленности, поступательно восходящий от простого к сложному со способностью более глубоко, объемно описывать, с возможностью оценить степень развития страны [51].

Изложенное подтверждает выводы, сделанные нами выше: подобные парадигмальные синтезы с методологической точки зрения становятся возможными вследствие того, что авторы мыслят общественное развитие как единый процесс, и при этом так или иначе ориентируются, например, на диалектический закон качественных и количественных изменений. Следовательно, методологически осуществим синтез парадигм, признающих принцип развития, использующих диалектику как всеобщий метод.

Большой пласт исследований общества и истории методологически является метафизическим, так как в своем рассмотрении не опирается на принцип развития. Здесь также наблюдается парадигмальный синтез на данной методологической основе. Например, сочетаются процессуальность (динамичность) и структурность [53], революционные процессы; динамику рынков представляют как долгосрочные структурные сдвиги, где именно структуры претерпевают динамику и кризисы. Это называют структурной трансформацией [53, с. 311].

Если комплексно оценить многообразные западные исследования социологов и политологов, то такие понятия, как «переходность», «переходный период» там применяются только для описания процессов распада социалистического лагеря. Имеется ввиду переход социалистических стран к либеральной демократии, которая объявляется идеалом, целью развития этих стран. Здесь также используется термин «трансформация», но в значении механической замены одного компонента другим.

В данной методологической парадигме В. А. Колесников выделяет: 1) теорию модернизации, в которой главная тема – до-

стижение устойчивой демократии, исследователи изучали предпосылки и условия демократизации политико-правовой системы общества в переходном состоянии; 2) транзитологию, которая изучает набор базовых допущений о возможности перехода от одной модели политического развития к другой, устанавливает его причины и предпосылки, стадии переходного периода, акторов транзита; целью транзита признается универсальная модель демократического политического режима; 3) консолидологию, которая концентрируется на ключевых стадиях формирования необратимой «консолидированной» демократии либерализации (ослабление авторитарного давления при прежнем политическом руководстве) и демократизации (консолидация элементов демократического режима) [54].

С нашей точки зрения, неудовлетворительной попыткой полипарадигмального синтеза диалектических и метафизических методологий можно считать ориентацию на динамическое рассмотрение политических процессов. Метафизические течения применяют формально-логические и нормативные методы, что превращает динамику не в объективный процесс развития, а в мыслимую череду формальных логических моделей переходного периода с привлечением различных качественных методов (различные теоретические аспекты) в сочетании с эмпирико-количественными характеристиками. Такой синтез наблюдается в системно-структурной транзитологии (анализ структурных изменений во время перехода), субъективно-процедурной (анализ политических акторов); в элитических и неокорпоративистских методиках (анализ элит).

Другим примером парадигмального синтеза можно считать методологическую парадигму «исторической макросоциологии». Одним из основоположников отечественной исторической макросоциологии считают новосибирского философа Н. С. Розова. В его подходе предметное поле этого направления совпадает с мировой историей [55]. Философ считает, что «историческая макросоциология – междисциплинарная область иссле-

дования, в которой изучаются механизмы и закономерности крупных и долговременных исторических процессов, таких как происхождение, динамика, трансформации, взаимодействие, гибель обществ, государств, мировых систем и цивилизаций» [56, с. 51]. Даже в этой цитате термины из разных парадигм используются как рядоположные, как и у другого автора: предметом макросоциологии являются и отдельные общества в их целостности, и цивилизации, мировые системы в их исторической перспективе [46, с. 90].

Методологической задачей этой парадигмы можно считать привлечение в социальное познание принципов современного научного мышления, рост теоретического потенциала социального познания, формирование нового методологического основания в виде теоретических моделей, научно-исследовательских программ и т. п. По сути, исследуются возможности применения принципов философии и методологии науки к сфере социального познания – в этом причина необходимости синтеза.

Одни исследователи приходят к осознанию этой необходимости из-за того, что понимают невозможность решения задач своего исследования чисто эмпирическим путем, так как необходим выход на теоретический уровень организации знания, альтернативный марксизму и другим течениям философского объективизма (например, Р. Коллинз «Макроистория») [53]. Другие приходят к моделям научно-исследовательских программ со стороны философской рефлексии над возможностями теоретических средств философии и методологии науки и их применимости к социальному познанию (Н. С. Розов, И. Лакатос) [57; 58].

Вопрос об истинности таких моделей и программ решается в области исследования проблемы соотношения традиционной для западной науки эмпирической истории (описание и перечисление явлений и пр.) и теоретической истории [46, с. 94]. Решение этого вопроса состоит не в соответствии знаний действительности, так как эмпирия и теория – это все знание (область рациональ-

ного), с точки зрения представителей анализируемой парадигмы, а в состоятельности и зрелости самой программы или модели, которые оцениваются модернизированным под специфику социального познания принципом фальсификации.

Так, по И. Лакатосу, научно-исследовательская программа должна быть прогрессирующей, то есть саморазвиваться, а также обладать предсказательной силой [58, с. 362, 437]. С точки зрения Р. Коллинза обоснованное социальное предсказание должно состоять из теории, объясняющей причины некоего явления по условному логическому принципу «если – то», также она должна иметь эмпирические данные начальных условий этого явления. Однако все равно предсказания всегда остаются вероятностными [53, с. 108–127].

Заключение

Переходные состояния и средства их реализации изучаются как в рамках крупномасштабного прочтения истории, так и в рамках локальных исследований конкретных проблем обществ. В обществоведческой науке с конца XX в. мы наблюдаем тенденцию по сближению парадигм интерпретации истории, которая реализуется в некотором их синтезе при решении конкретных научных задач. В XXI в. эта тенденция усилилась, теперь трудно встретить какое-либо исследование, строго придерживающееся определенной парадигмы, но осуществляется поиск новых методологических и мировоззренческих оснований. Обществоведы приходят к выводу, что ни одна из существующих парадигм не может в полной мере описать и, главное, объяснить, спрогнозировать переходные состояния и их конкретные проявления.

Наиболее часто встречающиеся примеры синтеза: во многих современных исследованиях сочетаются разные методологии, например, «цивилизация» и «социальная система» употребляются как рядоположные понятия; у некоторых авторов «формации» «системны». Также в научном обороте присутствуют категории, описывающие «цивилизационный критерий» для «обществен-

ной системы», который идентифицирует ее как «отдельное качество».

Парадигмальный синтез мы наблюдаем при периодизации истории и классификации обществ. Чаще всего синтезируются формационный и цивилизационный, цивилизационный и системный подходы в целом, а также отдельные методологии: развитие по спирали и линейный вектор направленности развития; поступательное восхождение от простого к сложному и эмпирически конкретное, глубокое, объемное описание. Сочетаются процессуальность (динамичность) и структурность.

Выявлены причины парадигмального синтеза: 1) сложность происходящих в современности процессов; 2) насущная потребность более глубоко, объемно оценить степень развития стран, изучение которых предполагает возможность и необходимость использования различных интерпретаций и парадигм для эмпирически конкретного изучения происходящих изменений; 3) парадигмальная и методологическая неопределенность влияет на развитие наук, изучающих общество (истории, юриспруденции, социологии, философии и пр.), порождает в них кризис.

Осуществим синтез парадигм, признающих принцип развития. Выявлена методологическая основа такого синтеза:

1. В рамках формационной теории наблюдается осознание необходимости расширения методологического инструментария за счет использования категорий и методов других парадигм.

2. В терминологии теории социальных систем неустойчивое состояние определяется аналогично содержанию понятий марксизма, а социальная система мыслится как наделенная определенным качеством.

3. При цивилизационном подходе так-

же выделяются устойчивые и неустойчивые этапы развития обществ, последние характеризуются изменчивостью, переходом от старого к новому.

4. Все парадигмы в решении проблемы выделения состояний процесса развития ориентируются на диалектический закон качественных и количественных изменений, общественное развитие мыслят как единый процесс.

Когнитивные проблемы парадигмального синтеза: проблема категориальных аппаратов и категорирования общественных явлений. Существуют трудности выработки единого критерия для классификаций, рутинизация терминов, путаница стереотипов, шаблонов в определениях.

Парадигмальный синтез методологически противоположных парадигм (диалектических и метафизических) невозможен, метафизические – не опираются на принцип развития. Хотя в науке есть такие попытки, например, динамическое рассмотрение политических процессов. Все метафизические течения применяют формально-логические и нормативные методы, что превращает динамику не в объективный процесс развития, а в мыслимую череду формальных логических моделей переходного периода.

Возможен синтез метафизических парадигм со стороны эмпирического рассмотрения, осознания его недостаточности и необходимости выхода на теоретический уровень организации знания, альтернативный течениям философского объективизма; также со стороны философской рефлексии над возможностями теоретических средств философии и методологии науки и их применимости к социальному познанию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие к «К критике политической экономии» // Избранные произведения в двух томах. М. : ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 1. С. 321–322.

2. Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Полное собрание сочинений. Издание пятое. М. : Изд-во политической литературы, 1967. Т. 34. С. 151–199.

3. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М. : Изд-во политической литературы, 1967. Т. 27. С. 299–426.
4. Мишин В. И. Общественный прогресс. Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1970. 296 с.
5. Глезерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М. : Политиздат, 1979. 268 с.
6. Израитель В. Я. Противоречивая природа переходных эпох во всемирной истории // Философские проблемы общественного прогресса : сборник научных трудов. Горький : Изд. Горьковского университета, 1982. С. 77–90.
7. Драбкин Я. С. Нерешенные проблемы изучения социальных революций // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М. : «Наука», 1969. С. 211–215.
8. Крапивенский С. Э. К анализу категории «социальная революция». Волгоград : Нижне-Волжское книжное издательство, 1971. 183 с.
9. Бутенко А.П. Диалектика общественного развития. Киев : Политиздат Украины, 1990. 317 с.
10. Ракитов А. И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М. : Политиздат, 1982. 303 с.
11. Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М. : «Наука», 1967. 285 с.
12. Мусаелян Л. А. Теоретическое наследие Маркса и современность. Статья вторая. Теория и практика марксизма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 14–28.
13. Осин Р. С. Мой Маркс // Альтернативы. 2018. № 2. С. 71–78.
14. Хун Ч. Мой Маркс // Альтернативы. 2018. № 2. С. 91–97.
15. Бузгалин А. В. Будущее марксизма и марксизм будущего // Альтернативы. 2018. № 2. С. 102–116.
16. Бузгалин А. В. Ответы на вопросы оргкомитета Второго международного марксистского конгресса. // Философские науки. Пекин : Пекинский университет. 2018. № 4. С. 80–95.
17. Диалектика национального и социального в контексте возвращения Отечеству статуса великой державы : материалы Международной научной конференции / Нижегородское региональное отделение Общероссийской Общественной Организации «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО), Общероссийская академия человековедения; редкол.: А. В. Грехов (пред.) и др. Нижний Новгород, 2015. 177 с.
18. Сагатовский В. Н. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1980 / ред. Д. М. Гвишиани и др. М. : Наука, 1981. 402 с.
19. Зубкевич Л. А. Переходные периоды как часть закономерного исторического процесса : дис. ... канд. философ. наук. Нижний Новгород : Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, 2005. 183 с.
20. Шемякова Е. В. Устойчивость и неустойчивость в природных и социальных системах : дис. канд. философ. наук. М. : Российская академия государственной службы, 1995. 140 с.
21. Сергейчик Е. М. Философия истории. Спб. : Издательство «Лань» ; Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002. 606 с.
22. Багно И. Г. Социокультурный подход в исследовании переходных процессов в современной России : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Омск : Омский государственный аграрный университет, 1998. 25 с.
23. Глазьев С. Ю. Закономерности социальной эволюции: вопросы методологии // Анализ систем на пороге 21 века: теория и практика : материалы международной конференции. В 4-х т. / сост. Т. Е. Сафонова. М. : Интеллект, 1996. Т. 2. С. 5–10.
24. Глазьев С. О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса // Глазьев.ру. URL: <https://glazev.ru/articles/1-mirovoy-krizis/78041-o-glubinnnykh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-jekonomicheskogo-krizisa> (дата обращения 27.02.2024).
25. Моисеев Н. Н. Стратегия переходного периода // Вестник РАН. Т. 65. 1995. № 4. С. 291–295.
26. Андреев И. Л. Осторожно с часами истории! (методологические проблемы цивилизационного процесса) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 38–54.
27. Абросимова И. А. Методологическая роль понятия цивилизации в социально-философском исследовании: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Саратов : Саратовский государственный технический университет, 2000. 19 с.

28. Гизатуллина Г. А. Сравнительный анализ формационной и цивилизационной концепции (философско-методологический аспект) : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Казань : Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2001. 23 с.
29. Веревичев И. И., Веревичева М. И., Ерохина Е. А. Код развития современной цивилизации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20. № 4 (3). С. 514–520.
30. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Наука, 1995. 349 с.
31. Бариева А. А. Цивилизационная теория Ю. Яковца: достоинства и недостатки // Глобальный научный потенциал. Профессиональное образование. 2019. № 10 (103). С. 102–104.
32. Никольский С. А. Российская философия истории: опыт понимания // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 4. С. 115–128.
33. Епремян М. А. Гносеологические корни консервативной идеологии, ее генезис, особенности и тенденции развития // Регион и мир. 2019. № 5. С. 26–30.
34. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М. : Прогресс, 1979. 406 с.
35. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. : Academia, 2004. 944 с.
36. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, Ермак, 2005. 588 с.
37. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М. : «Экономика», 1992. 176 с.
38. Вебер М. Социальные причины падения античной культуры // Избранное. Образ общества. М. : Юрист, 1994. С. 447–566.
39. Шульц Э. Э. Теория революции: Революции и современные цивилизации. М. : Ленанд, 2016. 400 с.
40. Аббасов Р. Г., Римский В. П. Субкультурные революции в культурно-исторической типологии // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 3 (19). С. 5–23.
41. Филиппов А. Триггеры абсолютных событий // Логос. 2006. № 5 (56). С. 104–117.
42. Бюрнелль Э. Реформы и революция // Проблемы мира и социализма. 1964. № 7. С. 34–38.
43. Дворниченко А. Ю. Эволюция. Инволюция? Революция! (В связи со статьей Д. В. Пузанова «"Революция" 1000 года в Восточной Европе: проблема прото- и постреволюций») // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2019. Т. 29. Вып. 1. С. 87–96.
44. Пузанов Д. В. Революция: аксиома, миф или абстракция? (ответ А. Ю. Дворниченко) // Вестник Удмуртского университета. 2019. Т. 29. Вып. 4. С. 637–649.
45. Личман Б. В. Теория изучения истории России по целям мировоззрения // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 76–82.
46. Царев Р. Ю. «Макроистория» Рэндала Коллинза: методологические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 90–98.
47. Субботина Н. Д. Проблема периодизации истории: единичное, особенное и общее // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 4. С. 6–16.
48. Любашиц В. Я. Эволюционная типология государства: институционально-правовое измерение // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. 2019. Том 10. Выпуск 1(38). С. 17–31.
49. Мартюшов Л. Н. Существующие концепции исторической науки // История и современное мировоззрение. 2019. № 1. С. 21–30.
50. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Социокультурная трансформация: варианты интерпретации, диагностика опыта России // Идея и идеалы. 2020. Том 12. № 1. Ч. 2. С. 405–421.
51. Авилкина А. А. Типология государства в юридической науке: от формационной теории к цивилизационному многообразию // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2020. № 3 (72). С. 33–35.
52. Цивилизация: от локального к глобальному Граду. Монография. Серия «Человек. Культура. Цивилизация» / под. ред. Л. А. Алексеевой и др. Донецк : ДонНГУ, 2008. 236 с.
53. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой деятельности. М. : УРСС : ЛАНАНД, 2015. 504 с.
54. Колесников В. А. Становление транзитологических концепций в политико-правовых исследованиях в конце XX в. // Вестник воронежского института МВД России. 2007. № 3. С. 22–28.
55. Равочкин Н. Н. Влияние философских идей на политико-правовые институты в свете исторической макросоциологии // Вестник ТвГУ. 2019. № 2. С. 30–40.
56. Розов Н. С. Историческая макросоциология: становление, основные направления исследования и типы моделей // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 151–161.

57. Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. I. Прологомены. М. : Логос, 2002. 656 с.

58. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М. : Академический проект ; Трикста, 2008. 475 с.

REFERENCES

1. Marx K., Engels F. Preface to "A Critique of Political Economy" // Selected works in two volumes. M. : OGIZ State Publishing House of Political Literature, 1949. Vol. 1. P. 321–322. (In Russ.)

2. Lenin V. I. The impending catastrophe and how to deal with it // Complete Works. Fifth edition. M. : Publishing house of political literature, 1967. Vol. 34. P. 151–199. (In Russ.)

3. Lenin V. I. Imperialism as the highest stage of capitalism // Complete Works. Fifth edition. M. : Publishing house of political literature, 1967. Vol. 27. P. 299–426. (In Russ.)

4. Mishin V. I. Social progress. Gorky : Volgo-Vyat. book publishing house, 1970. 296 p. (In Russ.)

5. Glezerman G. E. Laws of social development: their character and use. M. : Politizdat, 1979. 268 p. (In Russ.)

6. Izraitel V. Ya. The contradictory nature of transitional eras in world history // Philosophical problems of social progress: collection of scientific works. Gorky : Publishing house of Gorky University, 1982. P. 77–90. (In Russ.)

7. Drabkin Ya. S. Unsolved problems of studying social revolutions // Historical science and some problems of our time. Articles and discussions. M. : "Nauka", 1969. P. 211–215. (In Russ.)

8. Krapivensky S. E. On the analysis of the category "social revolution". Volgograd : Nizhne-Volzhskoe book publishing house, 1971. 183 p. (In Russ.)

9. Butenko A. P. Dialectics of social development. Kyiv : Politizdat of Ukraine, 1990. 317 p. (In Russ.)

10. Rakitov A. I. Historical knowledge: a systemic-epistemological approach. M. : Politizdat, 1982. 303 p. (In Russ.)

11. Gurevich A. Ya. Free peasantry of feudal Norway. M. : "Nauka", 1967. 285 p. (In Russ.)

12. Musayelyan L. A. The theoretical heritage of Marx and modernity. Article two. Theory and practice of Marxism // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2020. Issue. 1. P. 14–28. (In Russ.)

13. Osin R.S. My Marx // Alternatives. 2018. No. 2. P. 71–78. (In Russ.)

14. Hong Ch. My Marx // Alternatives. 2018. No. 2. P. 91–97. (In Russ.)

15. Buzgalin A.V. The future of Marxism and the Marxism of the future // Alternatives. 2018. No. 2. P. 102–116. (In Russ.)

16. Buzgalin A.V. Answers to questions from the organizing committee of the Second International Marxist Congress. // Philosophical Sciences. Beijing : Peking University. 2018. No. 4. P. 80–95. (In Russ.)

17. Dialectics of national and social in the context of returning the status of a great power to the Fatherland : materials of the International Scientific Conference / Nizhny Novgorod regional branch of the All-Russian Public Organization "Russian Scientists of Socialist Orientation" (RUSO), All-Russian Academy of Human Sciences; Editorial Board: A. V. Grekhov (pres.) et al. Nizhny Novgorod, 2015. 177 p. (In Russ.)

18. Sagatovsky V.N. System activity and its philosophical understanding // System research. Methodological problems. Annual. 1980 / ed. D. M. Gvishiani et al. M. : Nauka, 1981. 402 p. (In Russ.)

19. Zubkevich L. A. Transitional periods as part of a natural historical process : dis. ... Cand. Philosophy. Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, 2005. 183 p. (In Russ.)

20. Shevyakova E. V. Stability and instability in natural and social systems : dis. ... Ph.D. Philosophy. M. : Russian Academy of Public Administration, 1995. 140 p. (In Russ.)

21. Sergeychik E. M. Philosophy of history. St. Petersburg : Publishing House «Lan» ; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. 606 p. (In Russ.)

22. Bagno I.G. Sociocultural approach to the study of transition processes in modern Russia: abstract of thesis. dis. ... cand. philosopher. Sci. Omsk : Omsk State Agrarian University, 1998. 25 p. (In Russ.)

23. Glazyev S. Yu. Patterns of social evolution: questions of methodology // Analysis of systems on the threshold of the 21st century: theory and practice : materials of the international conference. In 4 volumes / comp. T. E. Safonova. M. : Intellect, 1996. Vol. 2. P. 5–10. (In Russ.)

24. Glazyev S. About the underlying causes of the growing chaos and measures to overcome the economic crisis // Glazyev.ru. URL: <https://glazyev.ru/articles/1-mirovoy-krizis/78041-o-glubinnikh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-jekonomicheskogo-krizisa> (accessed 27.02.2024). (In Russ.)
25. Moiseev N. N. Strategy of the transition period // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Vol. 65. 1995. No. 4. P. 291–295. (In Russ.)
26. Andreev I. L. Be careful with the history clock! (methodological problems of the civilization process) // Questions of Philosophy. 1998. No. 9. P. 38–54. (In Russ.)
27. Abrosimova I. A. Methodological role of the concept of civilization in socio-philosophical research : abstract. dis. ... Cand. Philosophy. Saratov: Saratov State Technical University, 2000. 19 p. (In Russ.)
28. Gizatullina G. A. Comparative analysis of formational and civilizational concepts (philosophical and methodological aspect): abstract. dis. ... Cand. Philosophy. Kazan : Kazan State University named after V. I. Ulyanov-Lenin Kazan, 2001. 23 p. (In Russ.)
29. Verevichev I. I., Verevicheva M. I., Erokhina E. A. Code of development of modern civilization // News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 20. No. 4 (3). P. 514–520. (In Russ.)
30. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose. M. : Nauka, 1995. 349 p. (In Russ.)
31. Barieva A. A. Civilization theory of Yu. Yakovets: advantages and disadvantages // Global scientific potential. Professional education. 2019. No. 10 (103). P. 102–104. (In Russ.)
32. Nikolsky S. A. Russian philosophy of history: experience of understanding // Philosophical journal. 2018. Vol. 11. No. 4. P. 115–128. (In Russ.)
33. Yepremyan M. A. Epistemological roots of conservative ideology, its genesis, features and development trends // Region and World. 2019. No. 5. P. 26–30. (In Russ.)
34. Galbraith J. K. Economic theories and goals of society. M. : Progress, 1979. 406 p. (In Russ.)
35. Bell D. The Coming Post-Industrial Society. M. : Academia, 2004. 944 p. (In Russ.)
36. Fukuyama F. The end of history and the last man. M. : AST, Ermak, 2005. 588 p. (In Russ.)
37. Hayek F. A. The Road to Serfdom. M. : “Economy”, 1992. 176 p. (In Russ.)
38. Weber M. Social causes of the fall of ancient culture // Favorites. The image of society. M. : Lawyer, 1994. P. 447–566. (In Russ.)
39. Shultz E. E. Theory of revolution: Revolutions and modern civilizations. M. : Lenand, 2016. 400 p. (In Russ.)
40. Abbasov R. G., Rimsky V. P. Subcultural revolutions in cultural-historical typology // Science. Art. Culture. 2018. No. 3 (19). P. 5–23. (In Russ.)
41. Filippov A. Triggers of absolute events // Logos. 2006. No. 5 (56). P. 104–117. (In Russ.)
42. Burnel E. Reforms and revolution // Problems of peace and socialism. 1964. No. 7. P. 34–38. (In Russ.)
43. Dvornichenko A. Yu. Evolution. Involution? Revolution! (In connection with the article by D. V. Puzanov “The “Revolution” of 1000 in Eastern Europe: the problem of proto- and post-revolutions”) // Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology. 2019. Vol. 29. Issue. 1. P. 87–96. (In Russ.)
44. Puzanov D. V. Revolution: axiom, myth or abstraction? (answer to A. Yu. Dvornichenko) // Bulletin of the Udmurt University. 2019. Vol. 29. Issue. 4. P. 637–649. (In Russ.)
45. Lichman B. V. The theory of studying the history of Russia according to the goals of the worldview // Socio-political sciences. 2018. No. 4. P. 76–82. (In Russ.)
46. Tsarev R. Yu. “Macrohistory” by Randal Collins: methodological aspects // Bulletin of Tomsk State University. 2019. No. 440. P. 90–98. (In Russ.)
47. Subbotina N. D. The problem of periodization of history: individual, special and general // Humanitarian vector. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 6–16. (In Russ.)
48. Lyubashits V. Ya. Evolutionary typology of the state: institutional and legal dimension // Scientific works of SZIU RANEPa. 2019. Volume 10. Issue 1 (38). P. 17–31. (In Russ.)
49. Martyushov L. N. Existing concepts of historical science // History and modern worldview. 2019. No. 1. P. 21–30. (In Russ.)
50. Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. Sociocultural transformation: interpretation options, diagnostics of Russian experience // Idea and ideals. 2020. Volume 12. No. 1. Part 2. P. 405–421. (In Russ.)
51. Avilkina A. A. Typology of the state in legal science: from formational theory to civilizational diversity // Eurasian Union of Scientists (ESU). 2020. No. 3 (72). P. 33–35. (In Russ.)

52. Civilization: from local to global City : monograph. Series “Man. Culture. Civilization» / under. ed. L. A. Alekseeva and others. Donetsk : DonNSU, 2008. 236 p. (In Russ.)

53. Collins R. Macrohistory: Essays on the Sociology of Big Activity. M. : URSS: LANAND, 2015. 504 p. (In Russ.)

54. Kolesnikov V. A. The formation of transitological concepts in political and legal studies at the end of the twentieth century. // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. No. 3. P. 22–28. (In Russ.)

55. Ravochkin N. N. The influence of philosophical ideas on political and legal institutions in the light of historical macrosociology // Bulletin of Tver State University. 2019. No. 2. P. 30–40. (In Russ.)

56. Rozov N. S. Historical macrosociology: formation, main directions of research and types of models // Social sciences and modernity. 2009. No. 2. P. 151–161. (In Russ.)

57. Rozov N. S. Philosophy and theory of history. Book I. Prolegomena. M. : Logos, 2002. 656 p. (In Russ.)

58. Lakatos I. Selected works on philosophy and methodology of science. M. : Academic project ; Trixta, 2008. 475 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Зубкевич Л. А. – кандидат философских наук.

Information about the author:

Zubkevich L. A. – Candidate of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, экономических, социологических и философских наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

- Введение;
- Методы;
- Результаты;
- Обсуждение (при наличии);
- Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не могут быть про-

индексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» → «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

- статью в формате .docx;
- статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);
- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

<p>Заявка на опубликование научной статьи электронном в научном журнале «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»</p> <p>Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____</p> <p>Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет, электронных научных библиотеках.</p> <p>Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.</p> <p>Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.</p> <p>Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.</p> <p style="text-align: center;">О себе сообщаю следующую информацию:</p> <p>ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____</p> <p>Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.</p>
--

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ:
РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»**